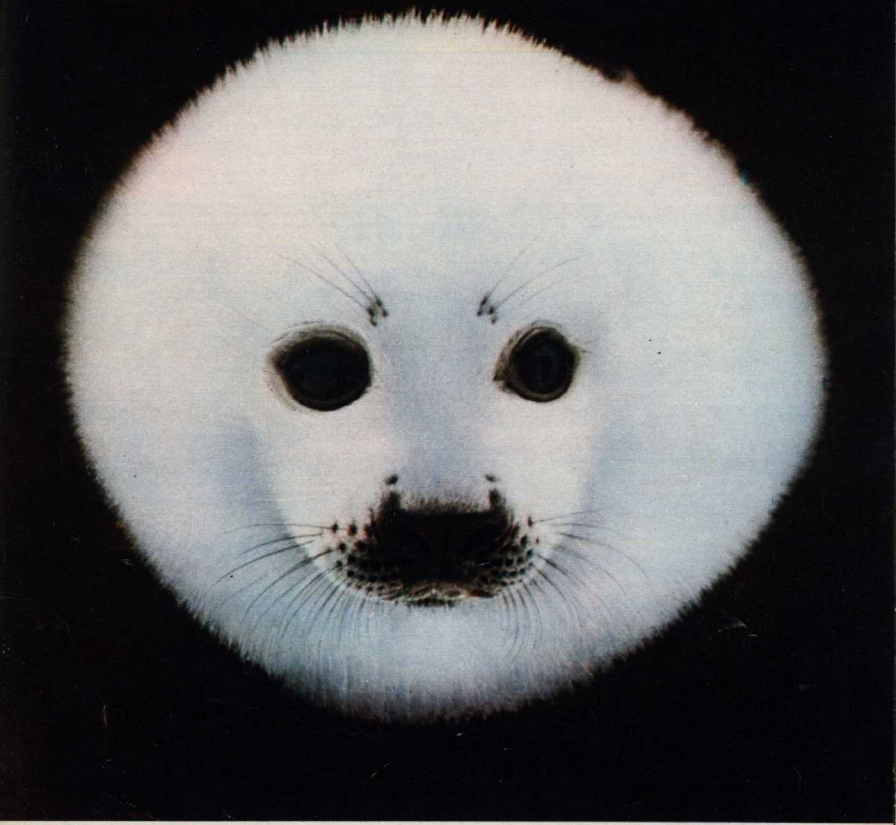
ЧЕЛОВЕК ОХРАНЯЕТ ПРИРОДУ



№ 22 НОЯБРЬ 1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

смена

Рисунок Александра МЕНЬШИКОВА

Павел ШЕСТАКОВ

ПОВЕСТЬ

ОТПУСК В ДАГЕЗАНЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. ГРОЗА

— Кто такой Калугин? — Мазин положил руку на дверцу машины.— Ты уверял, что в поселке полное безлюдье...

В полуметре от колеса «Волги» круто вниз уходила гранитная серо-розовая стенка, под ней пенилась, пробиваясь среди валунов, стиснутая ущельем, бутылочного цвета речка. Впереди прямо из скал росли пихты. Их острые ярко-зеленые верхушки перемежались с ледовыми вершинами хребта, кипельно сверкавшими на фоне почти фиолетового неба. Зато путь в долину преграждала черная, подернутая дымкой туча.

— В самом деле? Значит, упустил, старик,— произнес Сосновский сокрушенно.

— Выкладывай все, пока не поздно!

Борис Михайлович глянул в зеркальце на тучу.

— Пожалуй, поздно. Назад не проедешь. А Калугин — личность вполне почтенная. Москвич, известный художник, не чужд современных веяний в живописи. Богат и расточителен. Посему окружен людьми.

— Жарятся шашлыки и льются напитки?

— Не буду отрицать того, что скрыть невозможно. Шашлыки у Калугина отменные. У него, понимаешь, своя метода приготовления. Вымачивает мясо в вине.

— Борис! За сколько времени отсюда можно выбраться пешком?

— Не дури, старина. Места здесь всем хватит. Не желаешь цивилизации, ставь палатку и гоняй комаров, сколько душе угодно. Можешь махнуть через перевал.— Сосновский кивнул в сторону ледовой гряды.— А покостишь, осточертеет величавое уединение, возвращайся в компанию художественной интеллигенции. Между прочим, Марина Калугина отлично ездит верхом...

Сосновского Мазин встретил случайно, на улице. С тех пор как они вместе работали в уголовном розыске, прошло десять лет. Борис защитил диссертацию, располнел, то и дело вытирал носовым платком капли пота, катившиеся по загорелой шее под воротник нейлоновой рубашки.

— В такое пекло спасение одно: горы. Не завидую тебе — париться летом в городе!

Вторая часть повести будет опубликована в 1971 году.

— Задачка! — произнес Мазин.— Интересно, что убийца предпримет дальше?

— Через три дня я иду в отпуск.
— В отпуск? Слушай, Игорь, махнем со мной! Райский уголок, первозданная природа. Крошечное местечко под самым хребтом. Одно время там были лесозаготовки, но теперь заказник. Рабочих перебросили в соседнее ущелье. Домишки они распродали за бесценок. Я купил один за двести (учти, за двести рублей!), вложил еще сотни полторы, и теперь мне все завидуют. Правда, ближайший магазин в девяти километрах, но что стоит уединение!..
Оно и соблазнило Мазина, а оказывается, уединения-то и нет!
«Волга» двинулась, удаляясь от настигающей тучи, поползла серпантином вниз. Игорь Николаевич вытянул руку из окна, и она повисла над пропастью. На противоположном склоне можно было прочитать уцелевшие от военной поры слова: «Перевалы — наши. Фашист не прошел!» Внизу возле дощатого моста стоял и смотрел на спускающуюся машину парень в вылинявшей ковбойке и помятых джинсах. По обожженному солнцем лицу кустилась рыжеватая бородка. Лицо было из тех, что называют современным: вытянутое, с правильными чертами. Ровный нос пересекала тяжелая оправа очков.
— Эй! — махнул рукой Сосновский, притормаживая.— Как мост?
Парень подошел неторопливо.
— На скорости проскочите.
Вода шумно накатывалась на деревянные опоры, и одна уже заметно накренилась. Настил над ней прогнулся. Борис смотрел неуверенно, однако выбора не было. Машина скользнула по пружинящим доскам. Под ее тяжестью опора подалась, но выстояла. Сосновский вытер пот со лба и сказал не без удовольствия:
— Не завидую я тому, кто после нас поедет. А ты куда? — обратился он к парню.— Если в Дагезан, садись, подвезем.
Тот покосился на приблизившуюся тучу.
— Спасибо. Пожалуй, кости прополаскивать достаточно.
— Отдыхаешь? — спросил Сосновский, когда машина тронулась.
— Да.
— Один?
Снова короткое «да». Парень произносил совсем мало слов, но голос его что-то напомнил Мазину.
— В палатке живешь? — продолжал выспрашивать Борис Михайлович.
— Ночую у Калугина.
Спасла его от дальнейших признаний девушка. Она шла по дороге легким, привычным к горам шагом.
— Галина Константиновна? Прошу!
Сосновский гостеприимно распахнул дверцу.
Девушка заколебалась.
— Что тут ехать... Два километра осталось.
— Не нужно обижать трех одиноких мужчин,— сказал Борис Михайлович серьезно, и девушка села рядом с парнем в ковбойке.
— В Дагезан вы, конечно, по личному делу? — Сосновский прибавил скорость.— Школы там нет, да и время каникулярное.
— Какое может быть личное дело у учительницы! Хочу егеря повидать. Говорят, он самолет нашел, что в войну сбили.
— Самолет? — встрепенулся парень.— На Красной речке?
— Не знаю.
— Зачем он вам?
— Перенесем останки погибших в поселок, родственникам напишем.
— Удастся ли опознать? — усомнился Сосновский.
— Не опознаем, могилу неизвестного летчика сделаем.
Дагезан появился из-за очередного поворота. Ущелье расширилось, отвесные склоны сменились пологими, поросшими густым орешником. Ниже под серыми потемневшими крышами примостились дома, окруженные садиками и огородами.
— Повезло мне: дома Матвей,— сказала учительница, показывая в сторону от дороги. Там за низким заборчиком из штакетника стоял мужчина в гимнастерке без пояса и разглядывал «Волгу», прикрыв от солнца глаза ладонью.— Он ведь в горах больше...
— Мне тоже нужен Филипенко.
Бородатый парень вылез вслед за Галиной, и снова Мазин прислушался к его голосу. На этот раз он показался ему не только знакомым, но и озабоченным.
Они пошли тропинкой через мокрый луг, где местами были проложены широкие доски. Галина обернулась и помахала рукой.
— Здешняя? — поинтересовался Мазин.
— Преподает в интернате в Мешкове. Там вся окрестная детвора учится. Ну и общественница, конечно. Вечно в хлопотах. Славная девушка.
Стало видно, что поселок пустует: в окнах не было рам, заборы покосились, а огороды заросли бурьяном.
— И у тебя такая развалина? — спросил Мазин Бориса.
— Жилище мое не поражает роскошью, но всегда открыто для людей с чистым сердцем.
— Считай, что тебе попался именно такой человек. И не раздави на радостях ишака,— предостерег Мазин.
Впереди по дороге, перешедшей в улицу, ехал человек на осле, одетый в черный пиджак и солдатские галифе, заправленные в коричневые, домашней вязки носки. Сосновский просигналил, но ишак и ухом не повел, меланхолично перебирая крепкими ногами посреди улицы. Зато седок обернулся и приподнял над головой потрепанную соломенную шляпу.
— Мое почтение уважаемым путникам.
— Здоров, Демьяныч! Много меду накачал?
— Солнышка пчелкам не хватает, Борис Михайлович.
У Демьяныча было маленькое, ласковое лицо.
— А я тебе сапоги привез резиновые.
— Много благодарен. Вещь в здешних условиях необходимая.
Демьяныч стукнул ишака кулаком по шее, чтобы тот освободил дорогу. Осел смотрел на машину с отвращением. «Волга» с трудом обогнула упрямого конкурента.
— Забавный старик. Пасечник из Тригорска. За колхозными ульями присматривает. И сам этакий продукт природы: травы варит, зверье уважает. Говорит: и в пчеле душа есть, только тайна ее от нас скрыта... А вот и калугинский дворец.
Дом художника резко выделялся среди местных строений. Было в нем три этажа: нижний — гараж, выложенный неровным красноватым камнем; основной — деревянный, с широкими окнами в замысловатых переплетах, и мансарда — мастерская. Чувствовалось, что сооружен дом по собственному замыслу человеком знающим и умелым.
— Почти все своими руками сделал. Жадный на работу мужик.
— Не зря потрудился,— согласился Мазин.
Речка делала здесь крутой изгиб, и дом возвышался на полуострове, окруженный великолепными елями.
— Увы, мой дворец много скромнее.
Через несколько минут они разминали затекшие ноги у небольшого, но ладного, недавно отремонтированного домика, пахнущего хвоей. В комнате стояли две раскладушки, шкаф и столик с тумбочкой.
— Приют спокойствия, трудов и вдохновенья.
Мазин выглянул в окно. Снежные вершины начало затягивать тучей.
— Там бывают туры,— провел рукой вдоль хребта Борис.
— Можно получить лицензию на отстрел?
— Получить можно. Подстрелить труднее. Мясо я у Филипенко добываю. У него оленина не переводится. Между прочим, Игорь, ты тут не хвались специальностью. Скажи, что инженер или врач-педиатр, а то мы голодными насидимся.
— И это говорит юрист!
Игорь Николаевич покачал головой и, перекинув через плечо мохнатое полотенце, пошел к реке умываться. Небо потемнело, подул ветер. Мазин разделся до пояса и поежился, опустив руки в ледяную воду.
— Прохладно?
Это спросил приземистый и худощавый пожилой человек в большом берете, весь в крупных, будто вырезанных по дереву морщинах. Он опирался на сучковатую толстую палку.
— Прохладно.
Незнакомец прыгнул с камня на камень.
— Тут не Сочи. Все что угодно, но не Сочи. А там,— он поднял палку над беретом,— тундра. Камушки, снежок, ледок. Откуда и спускается портящая настроение погода. Однако разрешите представиться: Кушнарев, Алексей Фомич, некогда архитектор.— Старик перескочил на ближайший валун.— По-видимому, встречаться придется. У Михаила Михайлыча Калугина.
— Я не знаком с Калугиным.
— Неважно, несущественно. Природа сведет и познакомит. Уже сегодня, судя по грозе, которой не миновать.
И запрыгал дальше.
— Игорь! Где ты застрял? — крикнул Сосновский.
Мазин вернулся в дом, растирая полотенцем мокрые плечи.
— Архитектора встретил. Что за личность?
— Кушнарев? Постоянный гость Калугина. Друг юности.
Черно-синяя туча придавила ущелье. По тяжелому, переполненному водой брюху ее скользили седые клочья, но дождь еще не начался, только отдельные крупные капли, срываясь, постукивали по крыше, врываясь ударами в шум кипящей реки.
Неожиданно в открытую дверь шагнул парень с черной, давно не стриженной шевелюрой.
Сосновский пояснил:
— Это сын художника Калугина, Валерий.
— Я догадался,— сказал Мазин.
— Догадались? Вы следователь, прокурор?
— Игорь Николаевич — врач.
— Очень приятно. Пересадите мне сердце. Скучно жить с одним и тем же сердцем. Особенно художнику. Потому что я не сын художника, как назвал меня ваш нетактичный друг, а сам художник.
— Непризнанный?
— Опять догадались, доктор. Что вы еще про меня скажете?
— Зря ершитесь! Непризнанный не значит бездарный.
— Попробуйте убедить в этом моего родителя! Впрочем, бесполезно. Мы странно спроектированы, доктор. Все видим по-разному. Что видите вы в этом окне? Горы? Деревья? Тучи? А я вижу крики души своей, спутанные вихрем, рвущиеся о скалы.
— Как поживает Михаил Михайлович? — прервал Сосновский.
— Вопрос, разумеется, задуман как риторический. Вы не мыслите родителя иначе, чем в бодром времяпрепровождении, так сказать, в веселом грохоте огня и стали. А между тем последние дни он погружен в думы, что противоестественно для признанного человека. Хотел видеть вас. Зайдите, утешьте! И доктор... Не забудьте скальпель. Вы обещали мне новое сердце.
Выходя, Валерий качнулся.
— Сердитый молодой человек? — спросил Игорь Николаевич.
— Доморощенный. Мажет холсты несусветной чушью, а считает художественным откровением. Позер, кривляка, паяц.
— Ты его, однако, не жалуешь.
— Зато папаша балует. Марина-то у него вторая жена. А мать Валерия умерла. Сам Михаил Михайлович — человек мягкий, деликатный, взяться за парня как следует не способен. Родительская рука не поднимается. От этих поблажек один вред. Попомни мое слово: отмочит Валерий штучку! Ну, да нас с тобой это не касается...
— Вот именно. Между прочим, я бы отдохнул с дороги.
Мазин прилег на раскладушке и сразу же почувствовал усталость, сказались пятьсот километров в машине да и весь трудовой год давал знать. Зато впереди целый месяц, свободный от повседневных хлопот и обязанностей. Ни одного преступника, разве что егерь-браконьер, да это что за преступник, так...
Проснулся он в темноте. Надрывно ревела речка, и гул ее смешивался с шумом сильного, равномерного дождя. Кровать Сосновского была пуста.
«Куда его занесло? И сколько сейчас времени?»
Мазин пошарил по столу, где лежал спичечный коробок. При неровном, вздрагивающем свете он нашел на полке керосиновую лампу и зажег ее второй спичкой. Было зябко и неуютно, хотелось надеть теплые носки и свитер и выпить рюмку водки.
Скрип досок нарушил гул воды. Мазин подумал, что возвращается Борис, но пришедший, потоптавшись на крыльце, не толкнул дверь по-хозяйски, а постучал.
— Войдите.
Появилась незнакомая фигура в модной заграничной куртке на застежке-«молнии». По блестящей ткани стекали струйки.

— Увидал огонек и позволил себе, помня приглашение...
— Это вы, Демьяныч? Не узнал вас в куртке.
— С вашего позволения, за сапогами зашел. Дай бог здоровья Борису Михайловичу. А куртку мне художник Калугин привез. Теплая она, легкая, хотя и не по возрасту...
— Теперь молодые и старые одинаково одеваются. Располагайтесь. Борис выскочил куда-то, пока я спал. Выпить не хотите?
— Спиртного не употребляю. А вы в гости к нам?
— Да вот заманил меня Борис Михайлович в ваши края.
— Края любопытные, во многом еще первозданные. Мало где природу такую сыщешь, хотя лес извели значительно. Вы, извиняюсь, как и Борис Михайлович, по юридической части работаете?
— По медицинской,— сказал Мазин неохотно. «Вечно Борька что-нибудь выдумает!» — Как ваши пчелы?
— Трудятся пчелки. Все пчелиное производство пользу человеку приносит. Много целебных продуктов дает...
Старик не закончил, услыхал шаги. Сосновский распахнул дверь, вытирая мокрое лицо носовым платком.
— Заждался, Игорь? И Демьяныч тут? За сапогами пришел?
— За ними, Борис Михайлович.
Пасечник вскочил со стула.
— Сейчас достану. Да сиди ты, христа ради.— Борис повернулся к Мазину.— Задремал ты, а я думаю, что это Калугин мной интересовался? Ну и решил сбегать.
— Что же?
— Поторопился. У него с Валерием разговор происходил. Кажется, прорвало папашу. Выглядели они мрачновато. Страсти я охладил, замолчали оба. Но Калугину уж не до меня было, да и жена вошла. Постепенно общий разговор начался, хотя и натянуто.
Сосновский вытащил из рюкзака сапоги.
— Держи, Демьяныч. Примеряй!
— И так вижу: в самый раз. Что я должен, Борис Михайлович?
— Ерунда. Медком угостишь.
— Премного благодарен.— Пасечник заспешил.
— Чудак,— сказал Сосновский ему вслед.— Надел бы сапоги. Дождь как из ведра поливает. А нас ждут на медвежатину.
Дача художника светилась в пелене дождя, напоминая корабль, застигнутый штормом в бурном море. Сверкнула молния, высветив контуры дома, и снова прокатился по ущелью гром, на этот раз сильнее, чем раньше, и продолжительнее. После вспышки тьма стала еще чернее, и особняк Калугина больше не выделялся в ней.
— У Калугина электричество?
— Он подключился к леспромхозовской линии. Постой... Свет-то погас! Оборвало провода или столб подмыло.
Мазин освещал путь фонариком-жужжалкой, сжимая его левой рукой.
Марина Калугина, одетая в толстую вязаную кофту, встретила их с подсвечником. Выглядела она озабоченно.
— Ко всему прочему выключили свет. Приходится коротать время в романтическом полумраке. Не возражаете? Тогда раздевайтесь.
На вешалке в прихожей уже собралось много одежды, в том числе две куртки, похожих на куртку Демьяныча. Мазин повесил болонью между ними и прошел вслед за женой художника. Она показалась ему совсем молодой.
Свечи усиливали необычное впечатление от большой комнаты. В центре ее находился широкий круглый стол, вернее, обыкновенный дубовый пень с набитыми поверх толстыми, грубо обработанными досками. В стене напротив двери гранитными глыбами был выложен камин. Жарко горели смолистые поленья, отчего в комнате казалось особенно тепло и уютно. Освещали ее с десяток свечей, вставленных в сработанные природой подсвечники, корни и сучья, лишь слегка подправленные рукой мастера. Калугин строго выдержал гостиную в определенном, диковато-охотничьем стиле.
Вдоль стола и поодаль сидели люди, знакомые Мазину. У камина, протянув ноги к огню, расположился Кушнарев. Валерий откупоривал бутылку с грузинским вином. В руках у него вместо штопора был большой охотничий нож. В стороне сидели учительница и бородатый парень-турист с журналом «Юность». От стола их отделяла безголовая медвежья шкура. Положив на колени сжатые в кулаки руки, присел на стул Филипенко, человек лет тридцати пяти. Мускулы плотно подпирали его поношенную гимнастерку, схваченную новеньким офицерским ремнем. Свечи оттеняли лицо с густыми бровями и крупным носом. Под глазами выделялись темные мешки отеков, что не вязалось с прямой здоровой фигурой. Задержавшись секунду на последнем госте, пасечнике Демьяныче, Мазин понял, что хозяина в комнате нет. Марина, которая успела тем временем два или три раза пересечь гостиную и прикурить от свечи сигарету, откликнулась на его мысль:
— Михаил Михайлович решил, что света недостаточно, и отправился в мастерскую за лампой, которая сломалась полгода назад. Теперь он там возится, а мы ждем.
— Хозяин всегда прав,— возразил Сосновский примирительно.
— Валерий, ты не поторопишь отца?
Тот посмотрел на Марину как-то непонятно и не ответил.
— Я прошу тебя, Валерий.
— Не стоит.
Мазин не понял, что не сто́ит, просить или идти наверх.
— Позвольте я, с вашего разрешения, побеспокою Михаила Михалыча,— предложил пасечник.
— Сделайте одолжение.
— Я пойду к себе,— заявил Валерий и вышел в другую дверь.
Мазин подсел к учительнице.
— Как ваш поиск?
— Самолет лежит в трудном месте, но Олег собирается взобраться по скале.
— Нужно ли рисковать? — спросил Мазин, узнав наконец, как зовут парня в очках. Имя это ему ничего не говорило.
— Нужно,— ответил Олег лаконично.
Демьяныч задерживался. Марина, крутя в тонких пальцах сигарету, поглядывала то на лестницу, откуда должен был появиться Калугин, то на дверь, в которую вышел Валерий. Потом она подошла к этой двери и скрылась за ней. И тут же вернулся пасечник. Он не улыбался, как обычно.
— Михаил Михалычу нехорошо. Где Марина Викторовна?
— Нужно ее позвать,— предложил Сосновский.
— Минуточку. Вы доктор, Игорь Николаевич? Посмотрите его.
Мазин бросил недобрый взгляд на Бориса, и они втроем вышли из гостиной. Лестница тянулась вдоль каменной стены. На площадке у двери пасечник остановился.
— Михаил Михалыч скончался.
Это прозвучало негромко и неправдоподобно.
— Умер?!
— Видно, Михаил Михалыч заряжал ружье, и произошел выстрел...
Мазин первым вошел в мастерскую. Наверно, днем здесь бывало очень светло, целая стена и часть крыши были стеклянными, но теперь только тусклая свечка выделяла из мрака отдельные предметы обстановки: широкий мольберт с натянутым и загрунтованным холстом и кресло, в котором, свободно откинувшись на спинку, сидел мертвый Калугин. У ног его лежало ружье. Тульское, добротное, с насечкой. Выстрел в упор обжег вельветовую ткань, края рваного отверстия пропитались кровью. Глаза Калугина были полуприкрыты и неподвижны. На чисто выбритом, скорее крестьянском, простоватом, чем интеллигентном, лице застыла боль.
Сосновский наклонился.
— Невероятно, чтобы случайный выстрел произошел одновременно из двух стволов.
— Как же вы понимаете? — спросил пасечник.
— Самоубийство?..— Борис раздвинутыми пальцами замерил расстояние от мушки до курков, потом прикинул длину руки художника и покачал головой.— Он не мог дотянуться до спусковых крючков. Иногда это делают ногами, но Калугин обут, и я не вижу палочки...
Хлопнула дверь позади, и Мазин едва успел поддержать вошедшую Марину. Она замерла, даже не крикнула.
— Марина Викторовна! — попросил Сосновский.— Умоляю вас, будьте мужественной. Вы должны помочь. Милиция доберется не скоро, и убийца может воспользоваться временем...
— Убийца? Временем? Кто это сделал?
— Мы не знаем. Но преступник недалеко. Может быть, здесь, в доме. Когда прозвучал выстрел?
— Я не слышала выстрела.
— А ты, Демьяныч?
— Не слыхал.
— Что за чушь? — нахмурился Борис Михайлович.— Марина Викторовна, соберитесь с силами. Присядьте. Вспомните, пожалуйста, когда Михаил Михайлович поднялся в мастерскую?
— Сразу, как только потух свет.
— Кто мог подняться сюда за это время?
— Не знаю. Никто. Каждый. Муж не любит свечи. Считает, что они чадят.— Она еще говорила о погибшем так, будто он был жив.— Поэтому он сказал: «Свечи не зажигай, я налажу лампу». Мы ждали минут пятнадцать. Потом мне стало неудобно держать людей в темноте, и я зажгла свечи. За это время каждый мог подняться. Но я не верю. Зачем? Зачем?
— Это важный вопрос. Хранил ли Михаил Михайлович в мастерской какие-нибудь ценности?
— Ничего, кроме этюдов.
— Ружье всегда было здесь?
— Оно висело над тахтой.
— Будем считать, что ружье сняли со стены. Что ж нам известно? — обратился Сосновский к Мазину и Демьянычу.
Оба промолчали.
— Но никто не стрелял! — повторила Марина.
— Это требует разъяснений. Видимо, искать преступника следует среди гостей. Только человек, хорошо известный Михаилу Михайловичу, мог свободно войти в мастерскую, взять ружье и навести в упор, не вызвав подозрений. Теперь убийца рассчитывает, что Калугин не назовет его имени. Марина Викторовна! Помогите нам лишить его этой уверенности.
— Как? — спросила Марина, ничего не поняв.
— Вам нужно спуститься и сказать, что Михаил Михайлович жив, но еще не пришел в себя.
— Это невозможно. Скажите сами. Я не могу.
— Сказать должны вы. А мы посмотрим, как откликнутся гости.
— Хорошо, я попытаюсь.
Мазин и Борис подняли художника с кресла и перенесли на тахту. Жена наблюдала за ними, прижав пальцы к вискам.
— Пойдемте, Марина Викторовна.
Сосновский взял ее под руку. Демьяныч поднял свечу.
— Что там стряслось? — спросил первым Кушнарев, когда они спустились.
— Ужасный... ужасный случай... Он заряжал ружье...
— Рана не смертельная. Игорь Николаевич оказал первую помощь. Попытаемся связаться с больницей,— пояснил Сосновский.
Мазин успел оглядеть каждого, но не увидел ничего, что могло бы дать повод для размышлений. Все вели себя сдержанно. Даже подчеркнутого облегчения он не заметил, но и это не было удивительно: ведь слышали только о несчастном случае, а далеко не каждый такой случай смертельно опасен. В общем, реакция казалась нормальной. Никто не проявил страха или растерянности. Впрочем, при свечах многое могло и ускользнуть.
— Сейчас лучше ложиться спать,— продолжал Борис Михайлович.— А нам придется пойти позвонить,— повернулся он к Мазину.
Тот кивнул.
— У тебя ключ от почты, Матвей?
Егерь отделил ключ от связки.
Собственно, почтовое отделение в поселке перестало существовать с тех пор, как расформировали леспромхоз, но жена Филипенко исполняла функции почтальона и телефонистки, просиживая в бывшем отделении два-три часа в день. Домик этот находился неподалеку, и Сосновский с Мазиным добрались туда за несколько минут, однако попытка связаться с райцентром окончилась неудачей.
— Похоже, связь повреждена.

— Не мудрено в такую погодку,— отозвался Мазин меланхолично. Он совсем не так представлял долгожданный отпуск. Дождь продолжал неукротимо заливать ущелье. Игорь Николаевич пригладил слипшиеся волосы.— Зато будет что рассказать студентам. Небольшая криминалистическая разминка солидного ученого... Кстати, ты блестяще принялся за дело.

— Шутки сейчас неуместны.

— Почему? — Мазин качнул слегка керосиновую лампу в решетчатом чехле, висевшую на крючке, ввинченном в потолок. По тесной, давно не беленной комнате заметались тени.— Без юмора тебе не обойтись. Особенно когда останешься наедине с покойником. Ведь ты надеешься, что его придут убивать во второй раз!

— Считаешь, что затея неудачная?

— Наоборот. Потеряешь за ночь пару килограммов. При склонности к полноте это хороший выигрыш.

— Я думал, что туда пойдешь ты.

— Я?!

— Конечно. Убийца наверняка будет следить за мной. А ты сможешь действовать, не привлекая внимания.

Мазин вздохнул.

— Я надеялся, тебя заинтересует необычное дело, Игорь.

— Что ты увидел необычного?

— Хотя бы то, что никто не слыхал выстрела.

— Выстрел прозвучал одновременно с громом. Прибавь дождь, гул реки плюс каменные стены, и все станет на место. Расчет!

— Как можно рассчитать удар грома?

— Гроза продолжалась не меньше получаса.

— Но гром мог и не ударить, когда убийца навел ружье на Калугина. Не мог же он держать его на прицеле несколько минут, дожидаясь очередного раската!

— Конечно, нет. Ты правильно предположил, что убийца хорошо знаком хозяину. Он без помех взял ружье и поднял его, когда вспыхнула молния. Она предваряет гром на несколько секунд. По вспышке, кстати, можно предположить и силу удара.

— Да... Хладнокровный наглец. Придется нам повозиться.

— Желаю успеха.

— Прекрати, Игорь. Это твой долг. Мы не знаем, когда приедет милиция. Нельзя его упустить. Я все продумал. Ситуация складывается в нашу пользу. Благодаря моей хитрости ты вне подозрений — рядовой врач. Мы делим функции: я брожу по поселку в гороховом пальто с лупой и отвлекаю преступника, а ты делаешь настоящее дело. Разумеется, и я не ограничиваюсь показухой.

— Ты перегнул, объявив Калугина живым. Мы имеем дело не с дураком. Он стрелял в упор из двух стволов, а ты хочешь убедить его в том, что он промахнулся.

— Не согласен. Преступление не шахматная задача. Всего не рассчитаешь. И не робот же он! Он должен был опасаться, что Калугин заподозрит его, что кто-нибудь войдет в мастерскую, что гром задержится... И так до бесконечности. В подобном состоянии неуверенность неизбежна. Разве ты не помнишь случаев, когда пуля проходила в миллиметре от сердца? Он...

— Пуля, но не картечь дуплетом... И почему не может быть убийца — женщина? Что мы знаем о мотивах?

— Тут я пас. Вообще все это невероятно.

— Задачка! — произнес Мазин, постепенно отступая под натиском Бориса.— Интересно, что убийца предпримет дальше? Конечно, твой ход — типичная авантюра, но лучшего, пожалуй, не придумаешь. Однако всю ночь я там не выдержу.

— Игорь! Ты настоящий друг. Спасибо, старик!

— Боря, не будь сентиментальным. Это не идет лысеющему научному работнику. Сделаем так: я незаметно поднимусь в мастерскую, а ты покрутись у гостей на глазах. Потом подменишь меня.

— Обязательно заряди ружье! Патронташ на стенке.

Они поспешили к даче. Смутная тень мелькнула впереди. Человек шел без фонаря.

— Ты, Матвей?

— Я,— ответил егерь.— Дозвонились?

— Нет. Забери ключ.

Несколько тусклых огоньков светилось в окнах второго этажа и один наверху, в мансарде. Не доходя подъезда, Мазин шагнул в сторону. Сосновский поднялся по ступенькам. Игорь Николаевич услыхал слова Марины:

— Наконец-то! Мне так страшно.

— В мастерской никого нет?

— Нет, я сказала, что он забылся.

Мазин обогнул дом и огляделся, но ничего подозрительного не обнаружил. Дождь немного ослабел, и гроза прекратилась, зато поток в реке звучал сильнее, тревожнее. Через заднюю дверь Игорь Николаевич проник в прихожую и остановился, припоминая, где находится лестница. Потом на ощупь нашел перила и стал подниматься, стараясь не шуметь.

«Прекрасное начало отдыха»,— попробовал Мазин мобилизовать на помощь юмор, но это почти не помогло. Обстановка была жутковатой. В полустеклянной комнате обосновались холод и сырость. Струйки воздуха, просачиваясь сквозь щели, колебали язычок пламени на маленьком огарке. Игорь Николаевич пересек мансарду и опустился в кресло так, чтобы мольберт отгораживал его от двери и, он сознался себе, от покойника. «Нервы разболтались»,— подумал он недовольно, убеждаясь, что присутствие мертвого художника гнетет, мешает осмыслить происшедшее. «Стоило захватить пару свечей. Огарок вот-вот догорит. А может, это и к лучшему? Убийца скорее решится... Если решится! Если попадется на удочку». И, словно подстегнутый этой мыслью, огонек затрепетал беспомощно и погас. Наступил полный мрак, но ненадолго. Постепенно окружающие предметы выступили из темноты.

Мазин поймал себя на том, что ему хочется взглянуть на мертвого. «Чертовщина какая! Прямо «Вий»! Нет, нужно подойти и посмотреть. Убедиться, что ничего страшного нет. Обыкновенный мертвец. Кто же превратил его в труп? Зачем?» И снова Игорь Николаевич почувствовал, что не может сосредоточиться. «Хватит!» Он встал и решительно направил луч фонарика на художника... И вздрогнул: из груди мертвого торчал глубоко всаженный в тело охотничий нож.

Игорь Николаевич опустил фонарик и перевел дыхание. Первым пришло чувство досады, поражения: «Сам виноват, проболтал, опоздал». Вторым — недоумение. «Как он успел? Когда?» Потом стало спокойнее. «Что-то мы и приобрели, заставили убийцу действовать, а значит, оставить новые следы, нервничать. Он был в гостиной, когда Борис сказал, что Калугин жив. Хоть это доказано».

Мазин покинул мастерскую и спустился на второй этаж. На столе горела керосиновая лампа с низко забранным фитилем. В кресле, положив голову на спинку, дремал Сосновский.

— Спите спокойно, орлы боевые.

Борис вздрогнул и заморгал.

Мазин налил в стакан вина.

— За блестящую победу криминалистической школы профессора Сосновского!

— Смеешься? Я ж доцент.

— Это по табели о рангах. Для меня же ты академик. А также мореплаватель и плотник. И герой на общественных началах. Ты все угадал, Боря... Сходи посмотри сам... а я, пожалуй, выпью и съем холодной медвежатины.

Пока Сосновский осматривал мастерскую, Мазин положил на тарелку кусок мяса, порезал, густо помазал горчицей и принялся за еду. Когда Борис Михайлович вернулся, тарелка была почти пуста.

— Ничего себе обмишурились!

— Будем точны и справедливы: не мы, а я.— Игорь Николаевич, отодвинув тарелку, достал записную книжку и карандаш.— Поэтому шутки в сторону. Начнем с наименее подозрительных. Первым я ставлю самого Калугина. Он один из трех, наверняка не принимавших участия в убийстве. Двое других — Игорь Николаевич Мазин, о котором мне доподлинно известно, что он невиновен, и Борис Михайлович Сосновский, пребывавший на виду у Мазина.

— Благодарю за алиби.

— Оно понадобится местной милиции. Еще двух людей мне хотелось бы исключить из круга подозреваемых: Марину Калугину и пасечника. И Демьяныч и Марина с самого начала знали, что Калугин мертв, и у них не было необходимости резать его вторично.

— Тогда вычеркни их.

— Охотно бы... Однако история слишком запутанна, чтобы быть категоричным хоть в чем-то. Пока отчеркну их от других, которых ты мне перечислишь.

— Кушнарев, архитектор.

— Бывший архитектор. Есть. Олег, турист. Два.

— Егерь Филипенко, три. Учительница исключается.

— Посмотрим. Пишу: Галина, четыре. Постой, а сын? Я его весь вечер не видел, кстати. Валерий, пять. Вот и обойма. Что скажешь?

— Не могу даже отдаленно предположить, зачем одному из них понадобилось покушаться на Калугина.

— Попробуй от противного. Зачем им, вернее, почему не было нужно?

— Для Кушнарева смерть Калугина — тяжелый удар.

— Они старые друзья?

— Как-то Калугин упомянул, что многим обязан Алексею Фомичу. А тот фигура странная. Вроде бы пострадал, перетерпел, не смог войти в колею, остался на мели.

— Любопытно, однако неопределенно. Оставим пока. Следующий Олег.

— Его ты знаешь не меньше моего.

— Почему он живет у Калугина?

— Тот принимал всех, кто ни появится в Дагезане.

— Итак, личность случайная, а грабеж исключен. Но есть в нем что-то замкнутое, скрытное. И решительное одновременно.

— Психология?

— Увы. Одна психология. Кто на очереди?

— Матвей. Человек наверняка решительный. С Калугиным отношения неровные. Тот возмущался браконьерством, но охотно покупал у Филипенко мясо и шкуры. Ему привозил патроны.

— Берем на заметку. Галя? Согласен, что она меньше всех похожа на убийцу, но не все убийства совершаются в одиночку.

— Чушь! Вычеркни учительницу!

— Номер пять?

— Вот это номер, прости каламбур. Сын. Сам видел, каков. Но в отцеубийство верить не хочется.

— Мне тоже. Однако где он был весь вечер?

— Когда мы пришли, Валерий откупоривал бутылки.

— Ножом?

— Тем самым?

— Похожим. Придется проверить.— Мазин посмотрел на часы.— Время бежит. Положеньице... Природа заключила двух сыщиков в старый добрый мир Шерлока Холмса. Даже отпечатки пальцев для нас практически не существуют. Одни умозаключения. А мы избалованы техникой, умными экспертами, энергичными оперативниками...

Закончить ему не пришлось. Без стука вошел Филипенко.

— Вижу: огонь. Решил зайти.— Он показал пальцем в потолок.— Марина Викторовна там? С Михайлычем? Как ему?

— Не хуже, чем было. Ты что сказать собрался?

— Если не хуже, тогда хорошо. Помощи-то ждать долго. Связи не будет, столбы посносило. И мост тоже.

Сообщил он это обычно. Видно было, что здесь, в горах, событие такое не относилось к числу экстраординарных.

— Откуда вы знаете про мост? — спросил Мазин.

— Да сбегал. Я как стал звонить, молчит, зараза. Факт, столбы понесло. Значит, и мосту не устоять. Я ремонтникам двадцать раз говорил: на соплях держится. Все ж, думаю, нужно сбегать. Пошел — точно.

— Трудно было идти?

— Мне-то? Какой тут ход! По дороге километров десять.

— Выпей, Матвей, согрейся,— предложил Сосновский.

Егерь посмотрел на бутылку, причмокнул губами.

— Охота, конечно, но жинке зарок дал. На месяц.

— Хорошее дело — крепкая воля,— сказал Мазин.— Сейчас мы еще раз проверим вашу выдержку. Давайте поднимемся к Калугину.

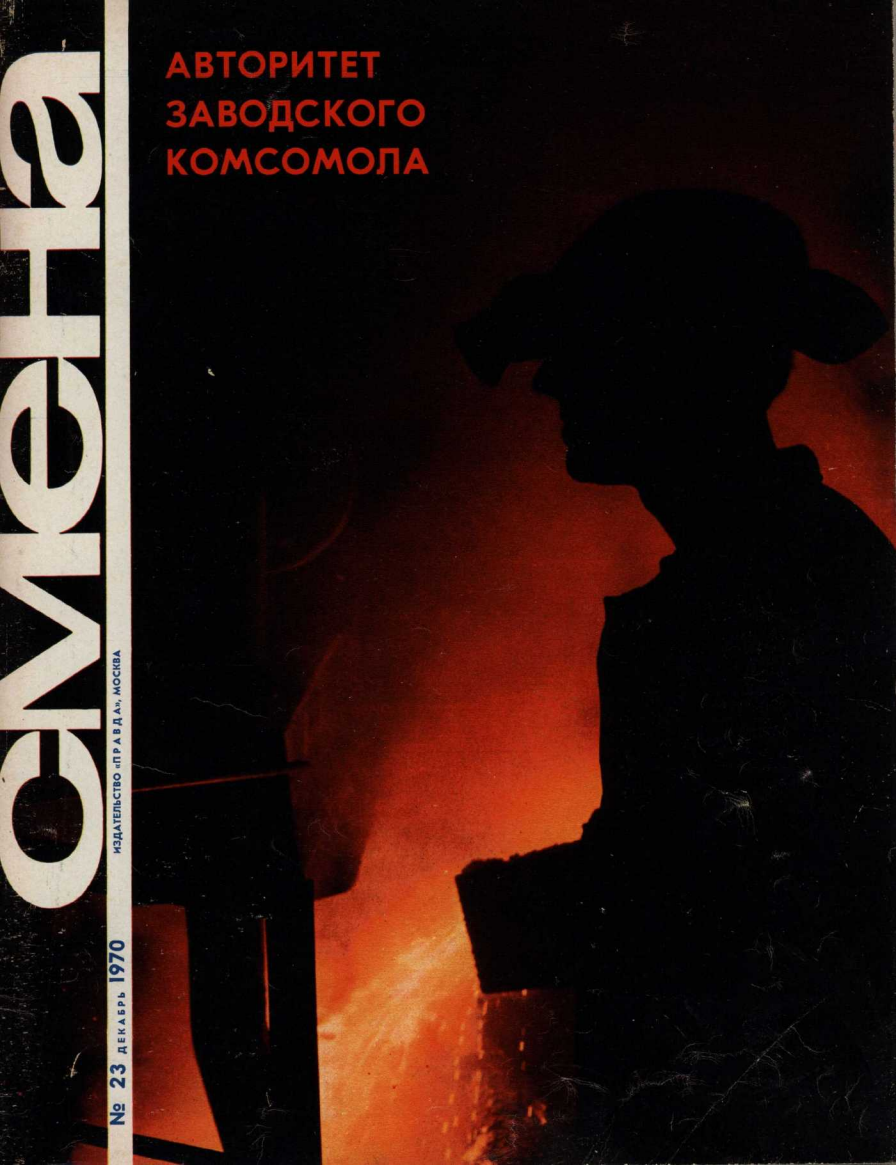
— Не потревожим? — заколебался Филипенко.

— Не беспокойтесь.

Продолжение следует.

смена

АВТОРИТЕТ ЗАВОДСКОГО КОМСОМОЛА



№ 23 ДЕКАБРЬ 1970 ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Павел ШЕСТАКОВ

ОТПУСК В

В мастерской Мазин поднял свечу к лицу Матвея. Егерь прищурился и наклонился над тахтой.

— Шестнадцатый калибр, не иначе,— пояснил он профессионально.— Да и ножик еще. Ножик зря. По мертвому резали, крови-то нету. Эх, жисть человеческая, сегодня жив, завтра нету. Кто убил, нужно понимать, не знаете, раз меня испытываете...

Возразить было нечего.

— Сам-то что скажешь?

— Ничего не скажу. Неожиданное дело. Милиция нужна.

— Связи нет.

— Ну, сбегаю. Местечко знаю. Там пихта над скалой сломанная. Если петлю закинуть капроновую, можно на тот бок перескочить. Только посветлу.

— Хорошо, Матвей. Отдыхай пока.

Филипенко повернулся было, но остановился и еще раз оглядел мертвого Калугина.

— Ножик интересный. Валерий таким бутылку открывал. Но не один же он такой на свете.

— Не один,— согласился Мазин.— Нож вынуть придется, Борис.

Сосновский достал носовой платок и извлек нож из раны.

— Нож побывал у Валерия. Что предпримем?

— Самое простое — спросим у самого Валерия. Как тебе показался Филипенко?

— Хаотичный человек. На каком он счету в заповеднике?

— Выгнать хотят за браконьерство. Ну, идем к Валерию?

— Сначала к хозяйке.

Марина Калугина не спала. Она сидела на кровати в спальне и вязала, механически перебирая спицами.

— Заснуть невозможно. Пытаюсь забыться, занять хоть руки. Чувствую себя ужасно.— Она мельком взглянула в зеркало.— Борис Михайлович, скажите скорее, пригодилось то, что вы сделали?

— Прокурор-то ваш — человек проницательный и ловушку расставил умело,— заметил Демьяныч, заваривая чай.

Рисунок Александра МЕНЬШИКОВА

Продолжение. Начало в № 22

ДЕЛО

Короткая летняя ночь шла на убыль. Мазин присел на скамеечку перед камином и принялся разбивать кочергой несгоревшие поленья. Дрова дымились, выбрасывая из-под пепла темно-красные искры. Потянуло теплом.

— Валерий скорее всего из при чем, хотя и ложится в схему. Если всплывет, что его отношения с мачехой сомнительны, получится типичная буржуазная судебная хроника. У них там процес. А ту, конайся, пока не обнаружишь, что убийца — старик Демьяныч, который застрелил Калугина потому, что тот неодобрительно отозвался о качестве его меда.

— Такой вариант нам не грозит.

— Не таси во мне чувство юмора, Борис. После трудового года не так-то просто отыскать оптимальное решение в этой дикой ситуации.

Игорь Николаевич снова занялся поленьями.

— Не спится, молодые люди?

Мазин обернулся. Его давно не называли молодым человеком. Из своей комнаты вышел Кушнарев.

— Не спится,— согласился Сосновский сухо, показывая, что к болтовне он вовсе не расположен.

— Разрешите пободрствовать вместе? — не уловил намеков архитектор.— Вы, доктор, давно навещали Михал Михалыча?

— Калугину доктор не требуется,— ответил Мазин.

Кушнарев нахмурил кустистые, сходящиеся на переносице брови.

— Как прикажете понимать?

— Убит Михаил Михайлович.

— Вот как...— произнес архитектор почти без изумления.

— Убит, и преступник неизвестен,— подтвердил Борис Михайлович.

— Вас это больше всего волнует?

Игорь Николаевич удивился.

— Разве вопрос, кто убил Калугина, незначительный?

— Важнее знать, почему? А вы спешите на расправу.

— Возмездие не расправа.

— Возмездие? Немного изменили слово «месть», и вам уже слышится благородный отпечаток?

— Как всегда, оригинальный, Алексей Фомич? — спросил Сосновский.

— Нисколько. Я имею право так мыслить. Мне причиняли зло.

— И вы прощали?

— Не в этом суть. Мне нанесли зло непоправимое. Понесут ли кару виновные или нет, моя судьба не поправится. Что же дает мне мстительное злорадство? Только очерствит душу. Я не верю в графа Монте-Кристо. Любая месть, даже во имя справедливости, порождает новое зло. Где же конец?

— Месть и правосудие — вещи разные. Убийца нарушил закон.

— УК РСФСР? — перебил Кушнарев с иронией.

— Именно,— ответил Мазин серьезно.— Что толкнуло его на преступление, неизвестно. И его следует разыскать, чтобы узнать истину.

— Истину? Вы самоуверенны. Ну что ж... Только без меня.

— Мы полагали, что Калугин был вашим другом.

— Михаил кормил меня, он считал это долгом, хотя и не только из-за благодарности...

— Что это значит?

Старик подумал, стоит ли поясняться.

— Долг не имеет отношения к смерти Михаила. Просто, когда он был неизвестен и мог навсегда остаться неизвестным, в то давно прошедшее время я мне понравились его рисунки и я сказал об этом.

— Авторитетным лицам?

Кушнарев усмехнулся.

— Нет, самому Мише.

— Выходит, человек любил вас, поддерживал,— настаивал Сосновский,— и вот он зверски убит. Сначала выстрелом в сердце, потом еще раз ножом, потому что убийца счел свое дело не довершенным до конца. Неужели ж этого недостаточно, чтобы вызвать ваш гнев?

Архитектор нервно заморгал.

— Как понять ваши слова? Вы обманули нас вечером? Когда сказали, что Миша жив?

— Я хотел посмотреть, как поведет себя преступник.

Старик выпрямился.

— Мне отвратительны такие люди, как вы! И Кушнарев, круто повернувшись, выбежал из комнаты.

— Ненормальный старик,— буркнул Борис смущенно.

— Ну, ладно. Пусть печально камин догорает. Пошли к Валерию.

— Странно, что он сам не появляется. Слишком крепкий сон для такой ночки. Впрочем, кто-то ждет. Люпус ин фабулис.

Сосновский ошибся. Протирая глаза, в гостиную вошел Олег. Он увидел людей за столом и надел очки. Заспанное лицо обрело свойственную ему деловитость.

— Доброе утро. Дежурили у больного? У врача отпуска не бывает? А я собираюсь на Красную речку посмотреть самолет. Но дождь...

— Сходите в другой раз.

— Мне нужно.

— Нужно? — переспросил Мазин.

— Да. Я журналист, работаю в аэрофлотской многотиражке.

— О... Почти летчик,— заметил Сосновский. Олег не среагировал на насмешку.

— Иногда в форме принимают за летчика. Однажды сидел я в Батуми, в ресторане...

«Породистый парень,— думал Мазин, глядя на Олега.— Ему должна идти форма: синий китель, фуражка... Но где я слышал его голос? Неужели? Сам подсказывает? Батуми, ресторан. Парень в ладном кителе и седой пожилой грузин». А он, Мазин, пьет «Цинандали» и с удовольствием закусывает жирной, сочной зеленью. Зелень лежит на тарелке длинными пучками, и он берет ароматные стебли пальцами и откусывает маленькими кусочками, заедая кислое, холодное, веселящее вино. А рядом говорят громко, потому что выпили, слова доносятся резко, мешают спокойно сидеть и пить спокойно мешают. Громкие, отрывистые слова раздражают, не задерживаясь в мозгу. Не думал он тогда, что слова эти придется вспоминать.

— В прошлом году? Коньяк пили?

— Армянский. Пьешь — и все становится сном.

Но говорил он сумбурно. Говорил о самолете. Сбитом самолете...

— Вы надеетесь, что это тот самый самолет?

— Какой самолет? — удивился Олег не очень убедительно.

Мазин не собирался выдавать себя за Вольфа Мессинга.

— О котором шла речь в ресторане. Я сидел за соседним столиком.

— Ну и совпадение! Вы все слышали?

— Бывает и похлестче,— ушел от вопроса Мазин, потому что запомнил из разговора немногое.— Кажется, вы затеяли поиск вреде Сани Григорьева из «Двух капитанов»?

Он повторял тогда: «Понимаете, я уверен, уверен!» А грузин поддерживал: «Правильно, дорогой, правильно». Больше Мазин ничего не помнил, да и стоило ли вспоминать? Зачем ему этот самолет в поиске? Особенно сейчас.

— Пойду умоюсь,— сказал Олег, не распространяясь о Сане Григорьеве. Он повернулся и заметил нож, лежавший на краю стола. Рукоятка выглядывала из-под платка.

— Откуда здесь мой нож?

— Ваш?

— А то чей же? Мне подарил его парень из иностранной делегации.

— Этим ножом пытались убить Калугина.

— Почему ножом? Говорили же про ружье. Про несчастный случай.

— Из ружья Калугин был застрелен. А ножом его пытались убить вторично. Тот, кто думал, что Михаил Михайлович не умер. Вам придется объяснить, как попал нож в руки убийцы.

— Что за компот! Калугина убили? И меня запутываете? Я вам ничего не обязан объяснять. Вы здесь такой же посторонний, как и я.

— Не горячитесь, Олег! — прервал Мазин.— Я полагаю, в ваших собственных интересах объяснить, кто мог воспользоваться ножом?

Олег кусал губы.

— Вы не разыгрываете меня? Неужели убит? Нож я никому не давал.

— Нож откопал бутылки Валерий,— напомнил Мазин.

— Это ерунда. Откуда и отдал.

— Хорошо помните?

— Разумеется. Я положил нож в карман.

— А дальше?

— Не помню. Увидел его у вас на столе.

— Постарайтесь вспомнить до приезда милиции.

— Компот,— повторил Олег.

Мазин встал со скамеечки и задул свечу. Комнату наполнил неохотный свет дождливого утра.

— Пойду погляжу погоду,— сказал он Борису.

— Отчасти. Вашего мужа пытались убить еще раз. Вот этим ножом.

Марина бросила спицы на туалетный столик.

— Вы видели... кто?

— Нет, не видели. Но остался нож. Он не знаком вам?

Она смотрела на нож долго, будто не понимая, чего же от нее хотят, но, когда сообразила, ответила быстро, торопливо:

— Никогда не видела.— И повторила: — Никогда.

— Вечером за столом Валерий открывал бутылки...

— Бутылки? Ножом?

Мазин, отвернувшись, рассматривал безделушки на тумбочке. Их было много — матрешки, индийские будды, спутник с усиками-антеннами, язвительный Мефистофель. Они двоились, троились, отражаясь в трельяже. Хотелось сдвинуть створки зеркала, убрать лишние, иллюзорные предметы.

— Вы его подозреваете, я понимаю,— слышал он голос Марины и не мог составить определенного мнения об этой не столько убитой горем, сколько испуганной, ошеломленной сероглазой женщине с короткими, чуть подкрашенными, бронзовеющими в свете лампы волосами.— Это не его нож. У Валерия никогда не было такого ножа, ведь в доме, в семье все на виду. Я не обманываю вас. Я думала всю ночь, но никого... ни на кого не могу подумать.

— Вам, и сожалению, тоже.

— Особенно на Валерия... Михаил Михайлович очень заботился... любил. И Валерий тоже. Не не имеет никакого значения, что он неродной.

Мазин оставил безделушки.

— Валерий неродной Михаилу Михайловичу?

— Да, он сын его первой жены.

— Он знает это?

— Конечно.

— Никогда бы не подумал! — признался Сосновский.— Михаил Михайлович скорее напоминал усыновленного родителя, чем отчима.

— Но случались и ссоры? — спросил Мазин.

— По пустякам. Трудно даже вспомнить. Отец говорил: «Сегодня чудесный день». А Валерий: «Нельзя так примитивно воспринимать природу». И раздражаются, злятся.

— Несхожесть мироощущения? И за этим не было ничего более определенного?

— Что вы хотите сказать? — насторожилась Марина.

— Борис Михайлович, Марине Викторовне трудно сейчас отвечать на вопросы... Постарайтесь заснуть. А мы посидим внизу, если не возражаете...

2. ТУМАН

Мазин отворил дверь и уловил в сыром воздухе сладковатый запах парного молока.

Мычание теленка доносилось справа, а впереди тропка вела к домику Демьяныча, старому, покосившемуся, купленному пасечником у давно покинувших поселок хозяев. Мазин пошел по тропинке, наступая на прошлогоднее сено, разбросанное в особенно вытоптанных местах. Мокрая трава чавкала под ногами. Клочья тумана плавали так низко, что хотелось раздвигать их руками, как занавески.

Демьяныч стоял у забора в неуместной к погоде соломенной шляпе. Спросил заинтересованно, но без лишнего любопытства:

— Как ночь прошла, Игорь Николаевич?

— Скажу, все скажу,— пообещал Мазин, понимая, что старику не терпится узнать, что же произошло на даче.— Устал я...

— Зайдите, Игорь Николаевич. Живу я, правда, запущенно. Так сказать, жилище человека одинокого.

В тесноватой избе пасечника в самом деле не чувствовалось заботы об уюте. Даже большая печь не была побелена и выделялась густыми коричневыми пятнами глины, как загрунтованная малолитражка, покалеченная в дорожной катастрофе.

— Ежели пожелаете, угощу чайком с такой травкой, что усталость как рукой снимет.

— Не откажусь.— Мазин присел к столу, покрытому голубенькой, в цветочках клеенкой.

— Сию секунду.

Демьяныч отворил дверцу настенного шкафчика, на которой была приклеена вырезанная из журнала фотография улыбающегося космонавта, достал две пачки с чаем, ловко смешал в заварном чайнике и поставил на плиту.

— Настоять требуется,— пояснил он.— Раздевайтесь пока. У меня не замерзнете.

Теплая крестьянская избушка и основательный старик, такой далекий от невероятной реальности щегольской дачи с гаражом и мансардой, где лежит труп человека, прожившего жизнь в столичной суете, действовали успокаивающе. Не хотелось уходить, разыскивать подозрительного невропата Валерия, выуживать по крохам детали истины, восстанавливая мрачные обстоятельства человеческой смерти. Хотелось спокойно прихлебывать вкусный чай и толковать о повадках пчел.

Однако Демьяныча интересовало другое.

— Борис Михалыч — человек проницательный и ловушку расставил умело.

— Нас перехитрили. Кто-то пробрался в мастерскую, когда мы звонили с почты, ударил Калугина ножом и скрылся.

— Скрылся? Удивительно, как и многое в жизни...

Простой этот и даже риторический вопрос поставил Мазина в тупик. При всем желании он не мог ответить на него утвердительно, потому что здравый смысл, логика доказывали, что скрыться невозможно и преступник по-прежнему здесь, рядом. Между тем никого из тех, кого видел до сих пор Мазин, он не мог представить себе в роли убийцы.

Демьяныч налил ароматный чай в граненый стакан и поставил на стол блюдечко с душистым медом.

— Вам, наверно, немало пришлось повидать в жизни? — спросил Мазин.

— Что положено, повидал.

— Вы верующий, Демьяныч?

— В бога не верю. Верю в диалектический закон, он нашу участь определяет.

— И участь Калугина?

— И его тоже,— ответил пасечник твердо.— Значит, суждено ему было.

— Закон законом, а на курок-то пальцем нажали.

— Ну, если по-житейски, то человек убил, конечно. Как полагаете, найдет его Борис Михалыч?

— Ему есть над чем подумать. Убийца оставил нож.

— Нож бросил? Спугнули, значит? Улику оставил. Забыл, наверно.

— Или решил бросить тень. Хозяин-то ножа известен.

— Кто ж именно?

— Олег.

— Олег? — Лицо пасечника вытянулось.

— Удивлены?

— Уж больно не похож.

— Не похож. Скорее ножом воспользовался кто-то другой. Брал его Валерий, но вернул. Мог и другой взять.

— Скажите, какая история! — Демьяныч покачал головой.— Любопытно, почему смерти его домогались? Не месть ли?

— Мне трудно судить.

— Мудреное дело, мудреное. В Москве, небось, некролог дадут...

Пасечник поднял свое блюдце и пил, держа его в растопыренных пальцах. Вдруг он наклонился через стол.

— А что вы насчет ревности думаете?

— Вам что-нибудь известно, Демьяныч?

— Неопределенно, Игорь Николаевич. Борис Михалычу я бы говорить не стал, потому законник он, в строгих фактах нуждается. Ну, а вы человек вольный, доктор, если не запамятовал...— Поглядел пасечник будто с сомнением, и Мазину в который уже раз, испытывая неприятнейшее чувство, пришлось подтвердить, что он доктор.

— К чему же вы пришли, наблюдая Калугина?

— Да так... Сплетня сплошная. Скажите, Игорь Николаевич, положа руку на сердце, была ли у него необходимость с молодой супругой свою жизнь связывать? — доверительно спросил Демьяныч.

— Он и сам не старик.

— Все же Марина Викторовна на пару десяточков лет помоложе. А что двадцать лет в наше время значат? Другой человек — вот что. Он на фронте сражался, а она про Отечественную войну в школе услыхала. Он черный кусок ценил, а она черный хлеб ест, чтобы фигуру не портить.

— В жизни такие грани часто стираются.

— Может, и стираются, а молодое к молодому тянет.

— Скажите проще, Демьяныч.

— Не решился б никогда, если б не случай ужасный. Но ежели пообещаете, что Борис Михалыча вы этой сплетней не смутите...

— Смущать не буду,— пообещал Мазин.

— Если так... Еду я, значит, раз на пасеку. На переезде с моста спустился ишака напоить. Смотрю, значит, Марина Викторовна с чумным этим парнем, Валерием. Верхом оба, и меня им не видно. Ну, он на мосту близко к ней ехал, нагнулся и поцеловал... Мне неловко стало. Отвернулся, помню. Вот и все... Ой, минутку! Дровец в печь подброшу.

Пасечник вскочил и наклонился над плитой.

— Чего не бывает,— произнес Игорь Николаевич неопределенно и, помешав ложечкой в пустом стакане, поднялся.— Благодарю за угощение.

— Но уговор наш...

— Уговор дороже денег.

И снова Мазин прошел по мокрой дорожке и по ломкому прошлогоднему сену мимо сверкавших дождевыми каплями сосен.

— Куда ты пропал? — выскочил из тумана Сосновский.

— Чай пил.

— Чай! Валерий исчез! В его спальне даже постель не разобрана. Он не ночевал дома.

— Превосходно. Кажется, Валерий Калугин единственный, кого можно не подозревать.

— Нашел алиби?

— Напротив. Все говорит не в его пользу.

Они стояли под развесистой елкой. Сосновский в раздражении взмахнул рукой и зацепил ветку. Вода полилась на головы.

— Сил у меня нет общаться с гением! Я обыкновенный кандидат наук и считаю, что в нашей ситуации твои псевдооригинальные, высокомерные и беспощадные парадоксы совершенно неуместны!

Мазин развел руками.

— Я пытаюсь найти путь — и только.

— И отвергаешь очевидное? Валерий, именно Валерий мог войти в мастерскую, не вызвав подозрений, и выстрелить, дождавшись удара грома. Конечно, патология убийства пугает, вызывает сомнение, но сын-то он неродной, как оказалось!

— Погоди. Убил, но не убедился в смерти?

— Что здесь удивительного? Ты же поклонник Достоевского. Помнишь Раскольникова? Преступник в момент преступления подвергается упадку воли и рассудка. Именно в тот момент, когда наиболее необходимы рассудок и осторожность... Я почти цитирую. Ведь Валерий психологически такой же тип. Чего стоил ему этот выстрел! Представляешь? Но он выстрелил, и тут же пришел упадок воли и рассудка. Он спешил уйти, сбежать. Он в панике. Страх гонит его наверх. Как часто бывает, преступнику везет. В руках у него чужой нож...

— Погоди. Олег помнит, что Валерий нож вернул. И его не было в гостиной, когда ты сказал, что Калугин жив.

— Олег мог и спутать. А мои слова были прекрасно слышны и в его комнате. Наконец, ему могла сказать Марина.

— Между прочим, Валерий и в самом деле к ней неравнодушен.

— Вот видишь!

— Борис! Твоя версия не хуже других. А других у нас вообще нет. Но я в нее пока не поверил. Возможно, от неосознанного высокомерия, в котором ты меня упрекнул, а скорее от усталости. Поэтому предлагаю разделиться. Ты идешь своим курсом, а я еще подумаю. Если придумаю, узнаешь немедленно.

— Дело хозяйское. Вольному воля.

Мазин почувствовал облегчение. «Если дело так просто, в нем разберутся и без меня, если же оно очень сложно, то и я не ясновидец». И, утешенный этим софизмом, он оставил Бориса и спустился к речке, подмывавшей склоны быстрой, желтой дождевой водой. Вода захлестнула валуны, которые вчера еще были видны посреди извилистого русла, и мчалась победоносно и весело, легко одолевая каменные преграды. Поток гипнотизировал, от него было трудно оторвать глаз.

— Правда, хорошо?

На скале, у самой воды, сидела Галина, натянув юбку на колени, защищаясь от холодных брызг.

— Правда. Мне не часто приходится видеть такое.

— А я здесь выросла. Меня многие дурой считают, что в глуши живу.— Она наклонилась и вытащила из воды прибившуюся к камню сосновую ветку.— Видите, сколько домов пустых? Летом еще люди приезжают, а зимой никого. А зимой, знаете, красота какая! Когда снег везде. Не налюбуешься.— Она вдруг засмеялась с горечью.— Только вот замуж выйти не за кого. Да и вообще ничего не происходит.

— Ничего не происходит? Мне показалось наоборот.

— Это вы про Михаила Михайловича? Как он там? Я никого не видела. Встала пораньше, домой собралась, да мост смыло. Сижу, жду у моря погоды.

— Калугина убили, Галя.

— Не может быть!

Учительница слушала рассказ Мазина, широко раскрыв темные, узковато прорезанные глаза.

— Вы вчера рано заснули?

— Нет. Олег зашел.

— Олег — парень интересный.

— Что из того?

— Как все учителя, вы женщина строгая.

— Учителя тоже разные. Да не о том речь шла. А вы странный. Спокойный очень. Доверие вызываете. Вас больные уважают, наверно.

— Больные? Я не врач, Галочка. Я работаю в уголовном розыске.

Мазин забрался на камень и присел рядом. Она посторонилась.

— Допросить решили?

— Что вы. Поухаживать. Правда, я лет на пятнадцать старше Олега, но иногда женщинам нравятся солидные мужчины.

— Скажите еще, что вы не женаты.— Галина рассмеялась, но тут же спохватилась:— У людей горе какое, а мы глупости болтаем. Насчет уголовного розыска у вас получилось неудачно.

— Жаль. Я хотел расспросить об Олеге.

— Он ужасно скучный. Не похож на журналиста. Все о тропе на Красную речку толковал. Показать просил.

— Вы согласились?

— По такой погоде? Там и в хороший день шею сломать можно. Прямо помешался на своем самолете.

— Он собирается написать о нем в газете.

— Пусть пишет на здоровье.

Чувствовалось, что самолюбие Галины уязвлено.

— Дорогу может показать Филипенко.

— Матвей отказался.

— Почему?

— Я знаю? Он всегда делает, что в голову придет. Живет сам себе хозяин. Начальство-то за перевалом. Зверя бьет, когда нужно и когда не нужно. Тут, конечно, без охоты не проживешь, да ведь разум требуется! И человеком быть нужно. В прошлом году пришел с гор, напился и куражится: «Я, Галина, трех туров подвалил». «Где? — говорю.— Зачем?» Оказывается, вышел к ущелью, а туры по ту сторону, на склоне. Ну, он бах-бах... Стреляет-то без промаха. Всех трех и убил. «Скотина, ты,— говорю,— Матвей. Зачем животных истребил? Ты ж их ох-

ранять поставлен!» «Верно, Галка,— отвечает,— потому и напился. А удержаться не смог. Душа загорелась. Смотрю — стоят на скалах. Пока сообразил, а карабин сам палит...»

— Карабин?

— Думаете, Матвей в горы с ружьишком ходит? Ружье для инспекции. У него в лесу винтовка в тайнике, и патронов куча. Здесь немцы к перевалу рвались, так на леднике до сих пор оружие найти можно. Стрелять у нас любят...

— И вы стреляете?

— Еще как! Однажды Матвея проучила. Расхвастался: вот я стрелок, а ты с десяти шагов в корову не попадешь! Я ему и говорю: бросай фуражку! Он подбросил, от нее один козырек остался. Посмотрели бы вы на его рожу!

Галина поднялась, придерживая вздувшуюся колоколом юбку.

— Нужно все ж повидать Олега. А то его одного понесет!

«Симпатичная девушка. Подозревать ее нелепо».

Мазин спустился со скалы и пошел вдоль речки, поглядывая на густо замешанную глиной неспокойную воду. «Интересно, что предпринял Борька? И сумел ли Матвей переправиться?» Как бы уточняя эту мысль, он посмотрел на гладкий, устойчивый с виду валун.

— Дяденька! На тот камень не вставайте. Подмыло его.

Игорь Николаевич увидел низкорослого паренька, одетого в длинную, с отцовского плеча стеганку и фуражку с золочеными листиками-эмблемой, сползавшую на уши.

— Почему ты решил, что я полезу на камень?

— Да вы ж на него смотрите и ногой примерялись.

«Нужно быть очень наблюдательным, чтобы заметить непроизвольное движение!»

— Спасибо, друг. Как тебя звать-то?

— Коля.

— Николай Матвеевич?

Угадать было нетрудно. Щуплый паренек как две капли воды походил на Филипенко.

— Сколько ж тебе лет, Николай Матвеевич?

— Четырнадцать.

— Ого! Комсомолец уже?

— Не, пионер еще. А вас как зовут?

— Меня, Коля, зовут Игорь Николаевич. Ты здесь форель ловишь?

Паренек улыбнулся городской наивности.

— Форель под плотиной клюет... А это правда, Игорь Николаевич, что дядю Мишу убили?

— Правда.

— Вот жалко. Он здесь самый лучший был.

— Самый лучший? Почему? Он рисовал тебя?

— Не... Хотел нарисовать, но я неусидчивый. Не вышло. Зато мы с ним на охоту ходили. Дядя Миша, правда, никого не убивал. И стрелять не любил. Ходить любил, рассказывать. Про войну, как он воевал. Про Москву, про художников знаменитых. Сурикова он очень любил. Знаете «Переход Суворова через Альпы»?

— Знаю.

— Обещал меня взять в Москву, в Третьяковскую галерею сводить. Ох, и любили мы с ним ходить! Особенно на Красную речку.

«Там нашли самолет».

— Почему на Красную? Это красивое место?

— У нас везде красиво. Речка из озера водопадом пробивается. Напротив красных скал. Потому и речку Красная называют. А вообще-то она не красная, обыкновенная. А на гору ни за что не взойти. Знаете, как можно увидеть озеро?

— Нет,— ответил Мазин, с удовольствием слушая симпатичного паренька.

— Нужно на Лысую подняться. Она выше озера. С нее в бинокль озеро здорово видно! Там, где лед протаял, синие-синие пятна. У дяди Миши бинокль был двенадцатикратный. Заберемся мы на Лысую, он сядет и смотрит долго-долго.

— А самолет Михаил Михайлович не видел?

— Не... Никто не видел. Отец первый. Когда лавина пропасть засыпала.

«Зачем этот вопрос? Чем мой путь лучше версии Бориса? Он стремится к упрощению, я усложняю. Но где все-таки Валерий?»

— Ты, Коля, не встречал сегодня Валерия Калугина?

— Нет.

— А с ним вы в горы ходили?

— С Валерием? — спросил мальчик, не скрывая пренебрежения.— Куда ему! Ленивый он. Шашлыки любит. Купит мяса и зажаривает на полянке,— засмеялся Коля, и видно было, что покупка мяса с его, сына охотника, точки зрения, вещь нелепейшая.

Мазин улыбнулся.

— По горам, значит, не ходок? Куда ж он сегодня девался?

— Да спит, наверное, в хижине.

— Где?

— В хижине. Тут рядом с колхозной пасекой домик ничейный. Его как дядя Миша отругает, он туда, валяется на кровати.

— Проводишь меня к домику?

— Пойдемте,— охотно согласился мальчик и сразу зашагал вперед, ловко выбирая камни поровнее и посуше.

Они обогнули калугинский дом стороной и вошли в полутемный лес.

— Далеко еще, Николай?

— Вот, Игорь Николаевич!

Посреди просторной поляны зеленело застарелой тиной неглубокое озерцо. Посреди него плавала дверь с привинченной ржавой ручкой, никому в этих щедрых лесом местах не нужная, а за озерцом Мазин увидел похожий на другие домик под тесовой крышей. Над крышей поднималась струйка сизоватого неуверенного дыма.

Мазин пошел впереди мальчика. Ему хотелось заглянуть сначала в окно, но ближнее окно оказалось закрытым, и он остановился перед неплотно притворенной дверью, поймав себя на том, что ждет чего-то неожиданного. Дверь отворилась наружу. Игорь Николаевич потянул ее и остановился на пороге. На раскладушке, покрытой расстегнутым спальным мешком, лежал Валерий, уткнувшись лицом в подушку. Мазин схватил его за плечо.

Валерий повернулся и сел на койке, уставившись на непрошеных гостей недовольным взглядом.

— Что вам нужно?

— Простите. Мне показалось, что вам нехорошо. Ваша поза...

— Моя поза никого не касается. Зачем вы пришли?

— Возможно, вы не знаете...

— Все знаю.

Мазин подавил нарастающую неприязнь к художнику.

— Если у вас все в порядке, не буду мешать.

— Убирайтесь!

— Вы не гостеприимны,— сдержался Мазин.

— Не хочу разделить участь отца.— Он вдруг вскочил и схватил ружье, стоявшее у стенки.— Убирайтесь отсюда, слышите? А то я всажу вам дроби в брюхо.

Игорь Николаевич шагнул вперед и сделал быстрое движение. Валерий отлетел на раскладушку, а ружье стукнулось об пол. Мазин поднял его и вышвырнул патрон. Валерий ошеломленно наблюдал за ним с койки.

— Извините,— сказал он наконец.

— Кто вам сказал о смерти отца?

— Ну, Марина сказала.

— Когда?

— Сразу же после того, как ваш друг затеял свой идиотский эксперимент. Спустилась вниз и сказала. Нужно ж ей было с кем-то поделиться. Она-то не прокурор, у нее нервы есть.

— У Бориса Михайловича тоже. И он не прокурор, как вам известно. Он делает все, чтобы разоблачить убийцу вашего отца. Разве вы не знаете, чем кончился «идиотский эксперимент»?

— По вашей физиономии вижу, что никого вы не поймали.

— Вы отличный физиономист. Однако Калугина пытались убить еще раз тем самым ножом, которым вы открывали бутылки.

— Нож я брал у Олега. Да что вы плетете! Это же провокация.

— Вы возвратили нож?

— Черт его знает. Наверно. Зачем он мне нужен! Оставьте меня в покое. И не воображайте себя Эркюлем Пуаро. Тут и милиция зубы сломает, будьте уверены. Не по зубам орешек. Не сумочку вытащили.

— Вы говорите так, будто имеете определенные предположения.

— Никаких предположений! — выкрикнул художник и снова сменил тон.— Вам-то зачем это, доктор? Это нас касается, меня. Не ввязывайтесь вы не в свое дело. Отдыхайте лучше.

— Спасибо,— ответил Мазин.

— А я пойду. Хорошо, что вы меня разбудили.

И Валерий вышел из домика.

«Чумной парень,— вспомнил Игорь Николаевич слова пасечника.— Он нервничает и переживает. Это понятно. Но что у него на уме? Что значит, «это нас касается, меня»? Или ничего не значит?»

Мазин посмотрел в окно и снова увидел зеленую лужу с плавающей дверью и густой туман, скрывший горные склоны.

— Вы его обязательно найдете, Игорь Николаевич,— сказал Коля.

— Кого?

— Кто убил. Я догадался.

— О чем же ты догадался?

— Да как вы у Валерия ружье вышибли, я и догадался, кто вы.

— Кто ж я, по-твоему?

— Мы с дядей Борей на лису ходили,— заговорил Коля, спеша объяснить, о чем он догадался,— и дядя Боря меня похвалил. Говорит, ты следопыт настоящий, тебе бы в уголовном розыске работать. А я спросил: а вы сами много преступников поймали? А он говорит: я мало, но у меня друг есть, он особенно опасных ловит. Я тогда еще подумал, вот бы на его друга посмотреть. А как вы приехали, я все думал, вы это или не вы. Ну, а как вы ружье выбили, понял — точно.

— Разоблачил ты меня, однако.

— Игорь Николаевич, а вы специально приехали? Вы знали, что убийство готовится?

— Нет, сынок. Я отдыхать приехал.

— А можно я вам помогать буду? Я никому не скажу, кто вы, честное пионерское!

Он не успел ответить, когда, почти слившись, раздалось три звука. Потом уже Мазин восстановил их последовательность. Вначале же он услыхал только звон разбитого стекла в окне. Но на секунду ему предшествовал выстрел, и тут же что-то глухо шлепнулось о стол.

Мазин инстинктивно, еще не осознав саднящую боль под мышкой, пригнул Колю к полу. Другая рука его потянулась за ружьем. Потом он выглянул в окно. Сквозь разбитое стекло тянуло свежим, сырым воздухом. Вокруг было спокойно и тихо. Стреляли из ближних кустов, только оттуда можно было рассмотреть в тумане силуэт в окне. Там скрывался стрелявший. Что он намерен делать? Придет в хижину? Поспешит в лес? Или будет ждать, пока кто-нибудь выйдет на поляну?

Спугнутая выстрелом, загудела в чаще какая-то незнакомая птица. Мазин стянул плащ. В рукаве было отверстие. Но болело не сильно. Видимо, заряд задел только кожу. Рубашка впитала кровь и неприятно липла к телу.

— Ранили вас, да? — спросил Коля шепотом.

— Задело.

Игорь Николаевич продолжал наблюдать за лесом. Похоже, стрелок решил выждать или скрыться. Мазин приподнял и опустил раненую руку. Царапина, к счастью, не особенно досаждала.

— Коля! Сядь к стенке ниже окна и жди меня. Ясно?

Он осторожно отворил дверь. Осмотрелся, перебежал и укрылся за ближайшим деревом. Редкий лес просматривался на значительное расстояние, но стрелять было трудно: деревья перекрывали прямые линии. От дерева к дереву он продвигался по направлению к кустам, осматриваясь при каждой остановке. Вот и заросли орешника. На ветках галдели птицы. Мазин сделал последний бросок, готовый немедленно ответить выстрелом на выстрел, и очутился на каменистой площадке среди кустов. Площадка была пуста.

Мазин нагнулся и подобрал желтоватую теплую гильзу. Из отверстия тянуло порохом. Это была небольшая гильза с характерным желобком от немецкого боевого карабина военных лет. Видимо, стрелявший спешил скрыться, раз не нашел ее на земле. Куда же он мог уйти? Каменистая площадка была частью тропы, ведущей в горы. Преследовать стрелка дальше было бессмысленно. Он мог укрыться за любым камнем и встретить пулей в упор. Мазин вышел из кустарника и направился к домику, не выпуская ружья из рук.

Коли в комнате не было.

— Николай! — позвал Мазин.

— Здесь я, Игорь Николаевич,— появился паренек.

— Зачем выходил?

Дожидаясь ответа, Мазин достал перочинный нож и ковырнул доску стола.

Коля молчал, не спуская глаз с лезвия.

— В нашем деле, Николай, главное — дисциплина. Ты нарушил приказ, и я больше не могу тебе доверять. Отправляйся домой!

Это прозвучало жестко, но не мог же он сказать: пуля, которую я извлекаю, могла попасть в тебя! Мазин ожидал возражений, заверений, что мальчуган не станет больше своевольничать, однако Коля глянул на пулю, насупился и молча пошел из комнаты.

«Пусть лучше обижается. Рисковать им я не имею права».

В рукаве стало липко. Кровь, сочившаяся из ранки, добралась до локтя. Игорь Николаевич скинул пиджак и рубашку и подошел к ведру с водой, что стояло на табурете за дверью. Он опустил туда кружку, когда за стеной послышались шаги.

Мазин схватил ружье и стал в простенок. Человек за дверью остановился, не решаясь войти. Последовала длительная пауза. Было очень тихо. Только птицы в зарослях никак не могли угомониться. Потом дверь скрипнула. Человек на пороге, одетый в дождевик с поднятым капюшоном, осмотрел помещение, никого не увидел и сделал шаг вперед. В тот же миг ствол ружья уткнулся ему в бок.

— Игорь?! — только и смог произнести Сосновский, увидев окровавленного Мазина с двустволкой в руках.— Что с тобой?

Мазин взял со стола и молча протянул ему пулю.

— Не могу представить, что тебя могли убить.— Сосновский смотрел на разбитое стекло.

— Я зашел сюда в поисках Валерия. Он был здесь. И мне не понравилось его настроение. Что-то в голове у него крутится тревожное и небезопасное. Но к откровенности не склонен. Однако что за идиот вздумал сводить счеты со мной?

— Кто-то разгадал нашу хитрость, сообразил, что ты опасен.

— Возможно. Хотя никому я сейчас не опасен. Повидав всех этих людей, я заключил: среди них нет убийцы. И ошибся. Он есть. Между прочим, что скажешь о пуле? Говорят, у Филипенко есть винтовка.

— Матвей ушел в район.

— Проверить, где он находится сейчас, невозможно.

— Если Филипенко придет в милицию в середине дня, значит, он в дороге. Придется уточнить время его появления в райцентре.

Но уточнять не пришлось. Егерь собственной персоной шел по тропинке вдоль озера.

— Что тут стряслось у вас? — спросил Матвей, как только вошел в домик.

— Стряслось кое-что. А ты почему здесь?

— Пихту подмыло. Вода идет невиданно. Вброд пойдешь — снесет, как щепку. Вернулся я, значит, а Николай так и так, говорит. Выходит, стреляли в вас, Игорь Николаевич?

— Было дело. Но не повезло стрелку. Пулю мне на память оставил и скрылся. Говорил тебе Николай про пулю?

— Сказал.

— Хочешь взглянуть?

— Позвольте, если можно.

Мазин положил пулю в большую, корявую ладонь Матвея. Ему показалось, что пальцы егеря дрогнули. Пуля исчезла в ладони, Филипенко сжал кулак. Потом посмотрел, но бегло и опустил руку.

— Знакомая? — спросил Игорь Николаевич с умеренным любопытством.

— Да нет... Так с одного раза не поймешь. Поглядеть бы, сравнить... можно?

— Хочешь оставить пулю у себя? Пожалуйста. Не возражаешь, Борис Михайлович? — Он встретился взглядом с Сосновским.

Филипенко быстрее, чем следовало, сунул руку в карман, однако Борис категорически повел головой.

— Ни в коем случае! Пуля — важнейшее вещественное доказательство. Давай-ка ее сюда, Матвей!

— Дело ваше. Я как лучше хотел, посодействовать.

Егерь протянул пулю Сосновскому. Тот положил ее в спичечную коробку. Мазин смотрел по-прежнему спокойно и доброжелательно.

— Пуля потребуется милиции.

— Дело ваше,— повторил Матвей.— Завтра с утра попытаюсь еще переправиться. А сегодня без толку. Про стрельбу, как я понимаю, лучше помалкивать?

— Лучше.

Он потоптался, оставляя на полу следы грязных кирзовых сапог.

— Покудова, значит.

Мазин повернулся к Борису. Сосновский смотрел на него оживленно.

— Не перегнул Игорь? Ты явно дал понять, что подозреваешь его.

— Все на месте. Судя по реакции, Матвей Филипенко — человек эмоциональный, горячий, как говорится, иногда жестокий, но не хитрец. Не его это стихия.

— Еще бы! Хорошо, что пуля осталась у нас.

— У нас? Ошибаешься. Пуля, что лежит в твоей коробочке, даже не похожа на ту, что продырявила мой плащ. Новый плащ, между прочим. Уверен, что не немецкая пуля.

Сосновский открыл коробок.

— Ты прав. Пуля от старой трехлинейки. А твоя?..

— Уже на дне пруда скорее всего. Матвей не так глуп и не настолько сентиментален, чтобы хранить ее как сувенир.

— И ты позволил ему спокойненько провести эту операцию?

— Спокойненько? Ну, нет. Нервничал он наглядно. Сам видел. Вывод? Стреляли из его карабина. Помимо того, что пуля немецкая, на ней была зарубка, личная метка. Наверно, такие значки нарезаны на всех его пулях. Охотничье тщеславие. Пулю узнал Николай и поспешил к отцу. Но ни он, ни Матвей не знают, что мне известно о карабине. Правда, парень догадался, что я не доктор.

— Колька?

— Представь! Очень наблюдательный мальчишка. Но сказал ли он отцу, кто я, не уверен. Почему? Неизвестно, как он относится к выстрелу, подозревает ли в участии отца... Да и слово дал пионерское. Но это мы выясним. А пока Матвей узнаёт, что я жив и пуля у меня. Не считаясь с риском, с эдакой простодушной одержимостью он пытается заполучить ее.

— Пошел напролом.

— Напролом. Значит, приспичило. Сейчас он доволен, уверен, что лишил нас доказательств. Но это чистый самообман. И недостаток информации. Он не знал, что я нашел и гильзу. Иначе Матвей подменил бы пулю немецкой, только без метки. Так что пол-очка мы отыграли. Теперь понаблюдаем.

— Да, но наши доказательства относятся к карабину, а не к его хозяину. Самого Матвея они косвенно даже обеляют. Глупо на его месте стрелять меченой пулей, непростительно бросать гильзу. С другой стороны, человек прямолинейный и эмоциональный сначала делает, потом соображает. Убив тебя, он мог бы извлечь пулю.

Мазин невольно провел рукой по телу.

— Знаешь, Борис, твои слова по-новому освещают этот хаос. Из чего мы исходили? Убийство Калугина — продуманное, подготовленное, дело рук человека хладнокровного, расчетливого. Так? А если наоборот? Погас свет. Кто мог это ожидать и предвидеть? Грозу тоже не запланируешь. Все произошло не по заказу. А убийца поднимается и, несмотря на огромный риск, расправляется с Калугиным за считаные минуты. Гениальный расчет? Или дураку счастье? Решительность у этого егеря, во всяком случае, феноменальная. Когда он узнал, что его могут заподозрить (про карабин-то всему поселку известно!), он явился и сделал то, что задумал, без колебаний. И если у него вчера была не менее веская причина... Особенно если она возникла внезапно...

— Откуда? Перед нашим приходом шел обычный разговор. Никакого скандала, крутого столкновения мнений, вспышек гнева.

— Могла быть и неприметная вспышка. Вспышка страха. Страх толкает на авантюры не меньше, чем гнев. Особенно панический. Или страх, замешанный на скрытой ненависти. Какая-то комбинация сильных, требующих немедленных действий чувств. Я отталкиваюсь от Филипенко, но речь может идти о любом. И о женщине.

— Любое обострение не останется незамеченным в маленькой группе людей.

— Разве мы осознаем все, что замечаем? Особенно когда это нас непосредственно не касается. Главное — обстановка. Толчок к убийству был дан накануне того, как погас свет. Толчок непосредственный. Потому что общее стремление вызревало исподволь. Но толчок был, хотя и остался незамеченным. Чтобы ощутить его, нужно восстановить, о чем говорилось за столом.

— Представь, эта мысль уже приходила мне в голову. Я поговорил с Мариной и Галочкой. Признаюсь, я пытался подкрепить свою версию, найти что-то связанное с Валерием. Однако ничего нового не обнаружил. Они с отцом даже не поцапались по обыкновению.

— У них был крупный разговор накануне.

— Был. Но он не походил на скандал. А о чем шла речь, я не понял и не интересовался, естественно. Они прекратили его, как только я появился. Всегдашней запальчивости в Валерии не было. И за столом он молчал. Возможно, был подавлен. Однако это домысел, не больше. Скорее его не интересовала общая беседа.

— О чем же говорилось?

— Филипенко рассказывал о сбитом самолете.

— Опять самолет?

На стр. 31

Со стр. 28.

ОТПУСК В ДАГЕЗАНЕ

— Ну, это понятно. Местная новость номер один плюс охотничьи фантазии.

— Что за фантазии?

— Матвей обнаружил останки летчика в стороне от машины.

— Выбросило взрывом?

— И я так думаю, но Матвей нагнал туману, утверждая, что скелет совершенно цел и сохранившаяся одежда не обгорела. Получается, что летчик выбрался живым из разбившейся вдребезги машины, отошел спокойненько на травку, прилег и умер. Типичная охотничья байка. А главное, связи-то с нашим убийством никакой!

— Во всяком случае, уловить ее трудно. Зато есть связь с приездом в поселок Олега. Мне почему-то кажется, что он искал самолет не только как журналист. В его настойчивости заметно что-то личное. Но почти невероятно, чтобы эта зависимость могла привести к смерти Калугина. А что говорили другие?

— Высказывались по-разному, но общее мнение сводилось к одному: узнать фамилию летчика и сообщить близким.

— Ничего криминального. Естественно.

— Еще говорили о том, что найти семью будет трудно. Олег якобы сказал: «Это я беру на себя». Калугин поинтересовался, каким образом он собирается действовать. Тот ответил: «Сохранился номер машины, фамилию летчика можно узнать в военном архиве». Тоже просто, как видишь. Потом разговор перекинулся в сферу абстрактную, как прошлое дает знать через много лет.

— Что же тут высказывалось?

— Обычные суждения. Об ответственности за совершенные поступки. Олег активно участвовал. «Истина всего дороже. Ее нельзя скрывать». Вмешался Кушнарев и стал говорить, что истина неуловима, что факты можно понять по-разному. Короче, общая болтовня.

— Что говорил Калугин?

— Он был на стороне Олега, собирался рассказать какую-то притчу, но Валерий заявил: «Отец, ты многословен, дай гостям поговорить». Калугин смутился, а тут и свет погас.

— Он назвал это притчей? Не случаем из жизни?

— Нет, нет. И Галя и Марина назвали это слово.

— Да... Улов невелик. Но закончилась ли стрельба, вот вопрос? Или есть смысл застраховать жизнь?

— Я бы принял меры предосторожности.

— Обязательно! Беру ружье, и пойдем!

По-прежнему туман заволакивал ближние и дальние горы, по-прежнему, насупившись, стоял вымокший лес, и вода в озере казалась неприветливой и холодной.

Они благополучно добрались до дома.

Там, у дубового стола, сидел Кушнарев и рассматривал полупустую бутылку. Четкие скульптурные черты лица его обмякли и разгладились, загар поблек, седые редкие волосы спутались, обнажив нездоровую кожу.

— Отдай ружье Валерию, Борис. Я посижу пока с Алексеем Фомичом.

Кушнарев исподлобья наблюдал, как Мазин подходит к столу.

— Не возражаете, Алексей Фомич?

— Я? Возражаю ли я? — переспросил старик медленно, подбирая слова, как делают это пьяные люди, понимая, что они пьяны, и стремясь вести себя нормально, «правильно».— Я не могу возражать, молодой человек, потому что нахожусь в чужом доме, и даже бутылка, которую вы видите, мне не принадлежит. Поэтому я оставлю ее вам, потому что мне пора, мне пора домой, а здесь я больше не нужен. Не требуюсь...

— Как сказать.

— Скажите же. Поясните. Осветите.

— Если удастся установить, кто убил Калугина...

— Кто убил Калугина! Нашли себе кроссворд на досуге? Смотрите! Мозги свихнете. Или шею. Может быть, мне известно, кто убил Калугина...— Он запнулся.— Ничего больше не скажу. Не хочу с вами разговаривать.

— Дело ваше,— ответил Мазин, подчеркнув сожаление.

— И не пытайтесь выведывать! Да, да, вы вместе с вашим приятелем из так называемых органов внутренних дел! Так вот, мои внутренние дела вас не касаются!

— Я вижу больше, чем вам кажется.

— Ну и самомнение! Любопытно, что ж вы увидали?

— Вашу неуверенность. Вам хочется знать, был ли Калугин настоящим другом или он только боялся вас.

Кушнарев замер. Удар пришелся точно.

— Я не ошибся, Алексей Фомич?

— С ответом повременю, если можно,— шутовски поклонился старик, но тут же посерьезнел.— На разном языке говорим. Боюсь, не поймете.

Заметно было, что архитектор не так пьян, как показалось Мазину вначале.

— Вы считаете, что убийца Михаила Калугина не должен понести наказание?

— Я излагаю свою точку зрения.

— Вы ставили вопрос теоретически, не упомянув о том, что подозреваете конкретное лицо.

— А какая разница?

— Существенная. Ответственность определенного человека нагляднее. Она поддается точной оценке правосудия.

— Вот, вот!.. Вы о правосудии, о суде своем заботитесь, а я об истине.

— Трудно с вами, Алексей Фомич. Темно говорите. Я вам о гибели Калугина, а вы о том, что человек сам себя способен наказать больше, чем правосудие. Способен-то способен... А если не собирается? Как поступать прикажете?

— Приказывать не привык. И вообще наговорил лишнего. Следователю и того не скажу. Но вы... показалось, поймете. Я вам как человек человеку... А не поняли, так и к лучшему.

— Как же к лучшему, если убийца не обезврежен?

— Для других он не опасен.

Мазин позволил себе запрещенный ход.

— На такую уверенность имеет право лишь один человек.

Желтые глаза заметались.

— Убийца? Так понимать следует?

Мазин смотрел на сапоги Кушнарева. Они были в свежей непросохшей глине.

Долго тянулась пауза. Архитектор сложил перед собой руки, переплетая пальцы. Они тяжело лежали, почти такие же темные, как и доски, из которых был сбит стол. Мазин молчал.

— Что вам нужно? Как я понимаю, лицо вы неофициальное, а тем более покойному не друг, даже не знакомый человек, а любопытствуете, опыты ставите. Зачем вам это? Приедет милиция — разберется. Если уж вы так за правосудие выступаете, зачем впереди его бежать? Милиция еще за горами, а вы уж убийцу разоблачили, а?

— Не разоблачил. Как и вы, кажется.

— Я такой цели не ставил. То, что мне известно,— дело мое.

— Милиция задаст вам вопросы.

— Факты скрывать не собираюсь, а догадками делиться не обязан.

— Значит, фактов меньше, чем догадок?

— Не знаю, чем обязан вашему настойчивому любопытству. И предположение ваше странное: зачем Михаилу меня бояться? Плохо вы представляете положение художника Калугина! Это не дагезанский дачник. Это фигура, можно сказать, союзная. А я?

— Все верно, Алексей Фомич. А, выходит, побаивался. Хотя я понятия не имею, почему Калугин вас боялся.

— Еще бы вам и понятие иметь!

— Но предположить могу. Наверно, было что-то с Калугиным, о чем вам известно, а другим нет, и не очень ему хотелось об этом других оповещать.

Архитектор хлопнул кулаком по столу.

— Да кто вам право дал на подобные предположения?

— Защищаюсь,— ответил Мазин коротко.

— Что? — не понял Кушнарев.

— Защищаюсь,— повторил Игорь Николаевич.— Если уж вы отвергаете правосудие, то признайте хоть право на самооборону. Мне бы очень хотелось знать, кто стрелял в меня сегодня.

— Стрелял? — протянул Кушнарев недоверчиво.— А вам это не того, не приснилось?

Мазин приподнял руку.

— Отверстие видите?

— Везучий вы!

— Именно. Поэтому не хотелось бы больше искушать судьбу. Мне нужно знать, кто за мной охотится. Раз выстрел оказался неудачным, он может повториться.

— Ничем не могу помочь.— Кушнарев повторил слова, которые Игорь Николаевич слышал утром, но на этот раз без вызова, вяло.

— Однако вы заявляли, что знаете убийцу Калугина.

— Я совсем другое подразумевал...

— Валерий опять запропастился,— нарушил их разговор вернувшийся Сосновский.— И Марина Викторовна его не видела. А вы, Алексей Фомич?

— Я тоже.— Кушнарев поднялся.— Простите, уважаемый, вынужден вас покинуть. Понимаю ваше состояние, но бессилен, бессилен.

Он поспешно зашагал в свою комнату.

— Ему есть что сказать? — спросил Сосновский.

— Я надеюсь понять то, что он сам до конца не понимает. Со стороны легче заметить детали, которые примелькались тем, кто рассматривает картину постоянно. А он присматривался долго, годами. Однако где же Валерий? После этого выстрела я стал беспокойным. Что делает Марина?

— Марина у себя. Совсем раскисла. Утром она выглядела живее. А сейчас, видимо, стало доходить, что произошло. Ведь она девчонка, в сущности, а в такую передрягу угодила. Зайди к ней, а я посмотрю, чем заняты остальные.

По пути в комнату Марины Мазин посмотрел в окно. Там, прижавшись носом к стеклу, стоял Коля. Игорь Николаевич повернулся и вышел из дому.

— Не прячься, пионер. Считай, что ты прощен.

Получилось удачно. Мальчишка не ожидал полной амнистии.

— Правда?

— Ты думал, что нашей дружбе конец, потому что разболтал про выстрел отцу? Пулю узнал сразу?

— Ага.

— Ага! Прекрасное слово. Хочешь просить прощения?

— Не виноват я, Игорь Николаевич! Я хотел про пулю сказать, а вы говорите, уходи, я не успел.

— Ладно, «следопыт». Теперь слушай. Работник ты оказался недисциплинированный. Пожалуй, это у тебя наследственное. Придется, брат, вступить в борьбу с самим собой. Или возьмешь себя в руки, или отставка. Решай быстро.

— Беру в руки, Игорь Николаевич.

— Предположим. А прощаю я тебя именно за то, что сказал отцу.

На этот раз Коля не понял.

— Пояснить? Думаю, ты предупредил отца потому, что был уверен, что стрелял не он.

Теперь паренек обрадовался открыто.

— Ну да, Игорь Николаевич.

— А если б ты знал, что стрелял он, как бы ты поступил?

Радость сбежала с веснушчатого лица.

— Не знаю.

— Понятно. Наверно, я не должен был задавать тебе этот вопрос. Это сложный вопрос... Значит, был уверен?

— Конечно, не он, Игорь Николаевич! Отец бы ни за что не промахнулся. Он знаете, как стреляет!

Такого своеобразного аргумента Мазин не ожидал.

— Пуля прошла близко.

Коля замахал энергично.

— Что вы! Вас же ранило в правую руку. Это от сердца далеко.

— Не так уж далеко, Коля. Но не будем спорить. Отец сказал тебе, что он подменил пулю?

— Подменил? — Мальчик покраснел.— Чтоб вы не узнали, что стреляли с карабина, да?

— По-видимому.

— А вы заметили, да? — Коля стоял красный как рак. Видно было, что ему стыдно и за поступок отца и за то, что он не удался.— Отец же не знал, кто вы, Игорь Николаевич. Он думает, что вы доктор. Я про вас не говорил. Я же слово дал...

— Доктора тоже не лопухи. Значит, отец считает, что провел нас?

— Да ведь отцу страшно, что на него подумают. Ему и так от начальства попадает. А я ему нарочно сказал. Он теперь нам полезен будет. Он этого гада все равно выследит.

— Нам? — Мазин засмеялся, а мальчик нахмурился.

— А что тут плохого?

— Под пулю отца подставить можешь,— пояснил Игорь Николаевич, не распространяясь, что сам он далеко не уверен в непричастности егеря.— В меня-то стреляли.

— Отца не подстрелят,— ответил Коля с обидной для Мазина гордостью.

— Будем надеяться. А ты рассчитываешь получить задание? Тогда иди в дом и жди меня. Можешь смотреть по сторонам. Пока все.

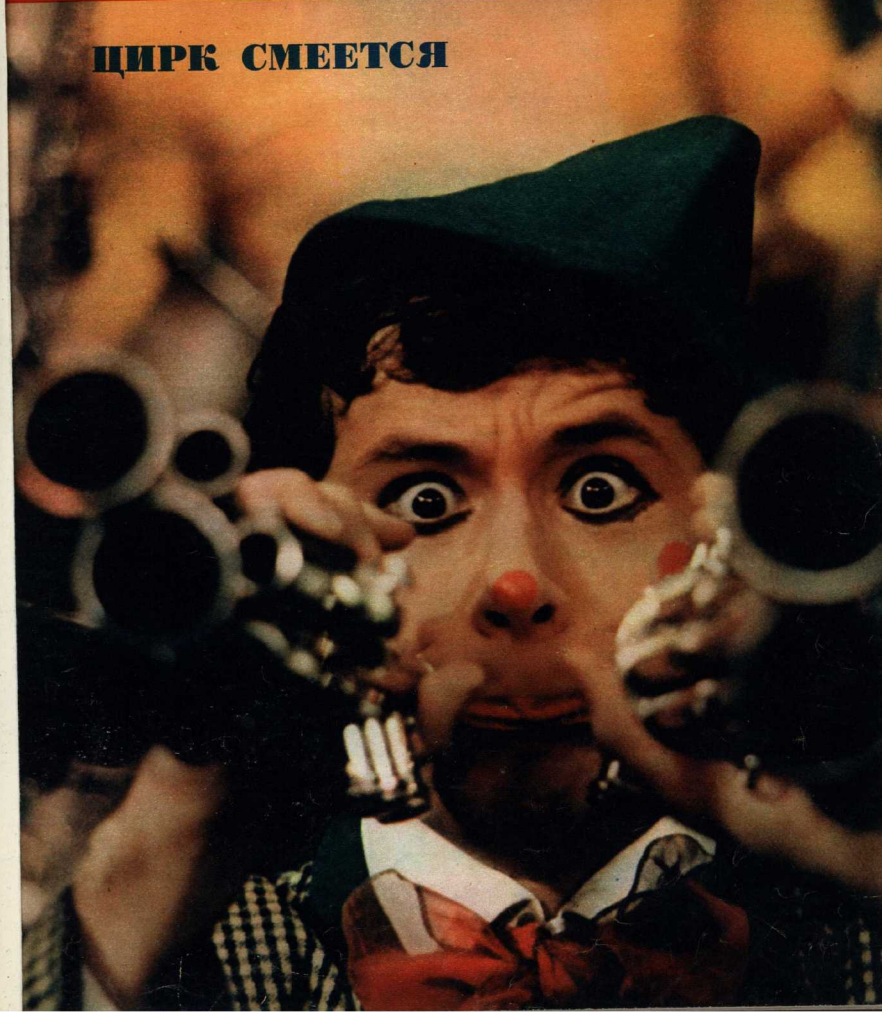
Продолжение следует.

СМЕНА

№ 24 ДЕКАБРЬ 1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

ЦИРК СМЕЕТСЯ



ОЧЕВ

Павел ШЕСТАКОВ

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в №№ 22, 23.

3. СНЕГ

«Иди в дом и жди меня»,— сказал он. Мазин вдруг осознал, что распоряжается в чужом доме, что дом этот, ни в чем не изменившись за ночь, стал совсем другим, превратился в место преступления, и вести себя в нем надлежит иначе, чем вчера вечером. Это было знакомое ощущение. Не раз ему приходилось появляться в квартирах в трагические минуты, осматривать их, как врач осматривает больного, стараясь увидеть все, чтобы сохранить в памяти необходимое, то, что требуется, не больше. Без оскорбительного любопытства осматривал он портреты и фотографии, шкафы с одеждой и столы с дорогими кому-то письмами и пожеланиями документами. Он умел делать это, не причиняя боли, профессионально и деликатно касаясь кровоточащих ран, ни на секунду не забывая, что мир состоит из людей, а не из потерпевших и преступников.

Духом этой жестокой реальности, возвращающей все на свои места, и пахнуло сейчас на Мазина в калугинском доме.

«Наверно, Марина продает дом»,— подумал Игорь Николаевич, подошел к ее комнате, и испытал сожаление. Он постучал и приготовился к тому, что ответят не сразу. Она имела на это право. Но Калугина ответила немедленно, и он вошел. Марина сидела почти в той же позе, что и утром, но уже не вязала.

— Игорь Николаевич?

— Да, я.

— Вы, конечно, осуждаете меня за то, что я здесь, а не наверху?

— Вам не следует быть там. Борис Михайлович запер мансарду до приезда милиции.

Без косметики, без привычного лоска она выглядела совсем молодой и беспомощной, похожей на вчерашнюю школьницу, провалившуюся на вступительном экзамене в институт.

— Простите, вы любили Калугина?

Она вспыхнула.

— Зачем вам это? Наверно, нет, раз *я* так поступаю.

Он помолчал.

— Я вам показалась дрянью, да?

— Почему? Вы старались ответить искренне. Как вы познакомились с Михаилом Михайловичем?

— На выставке. Там были его работы. Я задавала вопросы о его картинах, они показались мне старомодными. Он объяснял подробно, дал мне свой телефон. Я сначала боялась. Девчонки смеялись: трусишь! Ну, *я* решила доказать, позвонила.

— Его первая жена умерла?

— Да. Считаете, я женила его на себе?

— А как вы считаете?

— Никогда так не думала. Нет. Все проще. Сейчас многие стараются жить просто,— пояснила она то ли убежденно, то ли с горечью.

— Как же вы все-таки относились к Калугину?

Марина отвернулась.

— Я ценила заботы Михаила Михайловича. «А что вы дали ему?» — хотел спросить Мазин, но сформулировал вопрос иначе:

— А он вас за что ценил?

— Он ценил мою молодость,— ответила она сухо.— Дорожил мной. Покойная жена была старше его и много болела.

ДАГЕСТАН

Рисунки Александра МЕНЬШИКОВА

— В то, что случилось, я почти не могу поверить, — сказала Марина. — А теперь я знаю, такое бывает... Не в кино и не с другими. Со мной...

— Рассказывал ли Михаил Михайлович о своем прошлом?

— Он не любил говорить о прошлом. «Зачем тебе это? — спросит.— Ты тогда под стол пешком ходила. Да и не выгодно мне свой возраст подчеркивать». Огрызнется — и все.

— Что же вы знали?

— То, что все. Он деревенский. На войне был, ранили его, после демобилизации учился в Москве. Потом его признали...

— Откуда Калугин родом?

— Из Белоруссии.

— У него остались родные?

— Нет, погибли во время войны.

— Когда он женился в первый раз?

— Сразу после войны. Она была из Казани. Вдова. Ее мужа убили на фронте.

— Михаил Михайлович жил в Казани?

— Он ездил туда по делам, в командировку... не знаю. А теперь вдова я. Смешно, да? Ведь сейчас вдов не бывает.

Мазин сидел рядом с Мариной. «Пожалуй, спальни маловаты». Бросалось в глаза, что, несмотря на размеры всей дачи, комнаты были небольшими. Все, кроме гостиной. Зато комнат было много.

— Михаил Михайлович сам проектировал этот дом? — спросил Мазин, отвлекаясь от главной мысли о прошлом Калугина, которая не должна была звучать навязчиво.

— Да, тут все сделано, как он хотел.

— А какова основная идея этого дома? Вы понимаете меня? Когда человек с возможностями Михаила Михайловича и его индивидуальностью берется за такое сооружение, тут не может быть случайного, тут должна быть общая идея. Зачем такой дом? Спокойное место работы? Или отдых? Уединение?

— Нет. Он терпеть не мог одиночества. Ему постоянно нужны были люди. Знакомые, незнакомые. Он любил гостей, любил угощать, любил, когда у нас ночевали, засиживались допоздна.

— Вас это не тяготило?

— Иногда. Но хозяином в доме был он. Однажды я сказала, он вспылил: «Я трачу свои деньги!» И испугалась, что он сочтет меня скрягой, подобравшейся к тому, что он заработал.

«Она подчеркнула свое бескорыстие».

— Калугин был щедр?

— Еще бы! Вы не поверите, у нас... у него не осталось никаких сбережений. Сразу придется все продавать. И эту гостиницу...

Гостиница! Именно. Дом, в котором будут жить много посторонних людей, — вот как он замышлялся. Или почти посторонних, случайных. У Калугина нет родственников, и вряд ли можно найти столько настоящих, близких друзей, чтобы заполнить все эти комнаты.

Мазин огляделся. Широкая тахта, туалетный столик, шкаф и совсем мало свободного места... На стене картина или набросок — сразу не поймешь,— то ли современная раскованная манера, то ли непрописано, недоработано; тяжелый, пасмурный фон, почти такой, как сейчас за окном, силуэты гор, нагулявшийся лес — все грубо, в невыразительной серо-зеленой тональности, и вдруг — приковывающая взгляд яркая точка, пятно, нет, не пятно, а полоска, красный бросок кистью поперек покрытого тучами неба, как след взлетающей ракеты или, наоборот, нисущейся к Земле, входящей в атмосферу. Или метеорит? Нет, на картине два, и комок пламени не похож на небесное тело...

— Мрачновато для спальни.

— Ужасно. Далеко не лучшее, что написал Михаил Михайлович. Я говорила, что колорит меня угнетает. Тогда он взял кисть и бросил этот красный мазок. «Что это?» — спросила я. Он пожал плечами. «Так лучше смотрится». Это действительно был бесформенный мазок. Но случайный ли?

— Михаил Михайлович писал с натуры?

— Ему нравились окрестности Красной речки.

«Он знал, что там самолет, разбившийся, сгоревший»,— думал Мазин, глядя на алое пятно, след пламени, прорезавший горизонт.

— В каких войсках служил ваш муж в годы войны?

— В пехоте.

Это прозвучало отрезывающе. Где связь между гибелью самолета, разбившегося четверть века назад, и убийством Калугина? Он не был летчиком и не мог находиться в самолете. Но мог оказаться свидетелем его гибели. Мог сражаться в горах, защищать перевалы. Однажды над головой солдат вспыхнул воздушный бой. Калугин видел, как подбитая машина устремилась к земле. Это запомнилось, вернулось через годы, отразилось на клочке полотна, холста. И все? Скорее всего...

— Он воевал на Кавказе?

— Кажется, нет.

— Его не связывали с Дагестаном воспоминания, прошлое?

— Нет. Он выбрал это место потому, что его привлекла природа, натура. Так он говорил. Я еще училась тогда.

— Где вы учились?

Это был снова шаг в сторону — в нужном ли, или случайном, бесполезном направлении, Мазин не знал.

— В цирковом училище.

— Вот как?! По призванию?

Потухшее лицо Марины оживилось.

— Цирк нельзя не любить.

Было в этой женщине трудно воспринимаемое противоречие: цирк, спорт — все это требует воли, настойчивости, характера. И тут же стремление жить «просто», по течению, сладость...

— Значит, Михаил Михайлович не служил на Кавказе?

Вопрос вырвался вопреки логике.

— Я могу уточнить. Я записала важные даты из его жизни. Чтобы знать. Чтобы помнить. Чтобы как-то понять его прошлое, прикоснуться к нему. Не быть чужой. Сгащила его автобиографию, вернее, хронологию. У него хранился такой листок. Как справка. Я переписала.

«Она старалась быть хорошей женой».

Марина достала из сумки блокнот. То, что интересовало Мазина, было записано на листке, спрятанном под обложку.

«Род. 21.8.22 в Кулешовке».

«Пост. в шк.— 29 г.».

«Окончил. ср. шк.— 39 г.».

«Пост. пединституг — 39 г.».

«40 г.— призван в РККА».

«41, июль — ранен на фронте».

«41, июль — сент.— госп. Воронеж».

«41, окт.— 42, март воен. трап. Ашхабад».

«42, май — ранен на фронте».

«42, май — август госп. Арзамас. Признан негоди. Демобилизов.».

«44 — пост. Моск. худ. уч.».

Дальнейшие записи говорили почти исключительно об успехах:

«Перв. выст.». «Награжд.». «Присв. зв.» и т. п. Личных былинок мало.

«46, сент. 14. женился на К. Ф. (д. рожд. Вал.— 14. VII. 41)».

«67, 8 апр.— ум. К. Ф.».

Военные даты Мазин просмотрел еще раз. Калугин, видимо, начал войну с первых дней на границе и уже через месяц, а может быть, и раньше (числа в записи не было) был ранен, лежал в госпитале в Воронеже, что довольно далеко от Кавказа, а затем был откомандирован в Среднюю Азию, в военное училище. Потом снова фронт и снова ранение, тоже не на Кавказе, потому что к этому времени немцы сюда еще не добрались. Лечился в Поволжье. Демобилизовался. Но в сорок четвертом наших самолетов над Кавказом уже не сбивали. Правда, в сорок первом Калугин мог ехать в Среднюю Азию через Баку и Красноводск. Но что из этого? Железная дорога проходит по равнине далеко от Дагестана.

Мазин положил листок на столик и почувствовал, что дышать стало труднее. Заложило нос. «Неужели из всем прочим сюрпризам прибавится насморк?» — подумал он с огорчением.— Совсем не вовремя, хотя и не удивительно в такой сырости». Он достал платок и уловил непривычный запах. Пахло чем-то химическим. На белой ткани выделялись пятна краски. Платок был выпачкан так, будто краску вытирали, она размазалась по чистому полотну. Но, главное, это был не его платок.

— Это платок Михаила Михайловича,— узнала Марина.

Игорю Николаевичу стало неудобно.

— Вы уверены? Не пойму, откуда он у меня.

— Я привезла две дюжины таких платков. Он признавал только белые, но относился к ним варварски. Если не попадалось под руку ничего подходящего, вытирал краски.

— Тогда понятно. Наверно, я сунул платок в карман, когда находился в мастерской.

— Скорее всего. Платки обычно валялись на тахте или кресле.

Возвращать платок показалось ему нетактичным, неуместным. Он спрятал его в карман, почувствовав на ощупь, что платок запачкан чем-то маслянистым, не только засохшей краской.

— О чем вы хотите еще спросить?

Оставался трудный вопрос — он собирался спросить о Валерии.

— А вы, доктор, не боитесь, что пасечник вам в чай яду подсыплет? — иронически заметил Валерий.

— Где сейчас Валерий?

Марина плотнее поджала под себя ноги.

— Наверно, прячется в хижине возле друга.— И добавила, имея в виду Калугина: — Мы оба его бросили. Один Алексей Фомич остался с ним. А мы... такие свиньи. Стыдно. Люди разных поколений не понимают друг друга. Я это давно чувствовала, но думала, что мы, молодые, лучше... Бежим куда-то, в хижину на озере, или в самих себя, а Кушнарев остался. Я и перед ним виновата, он казался мне лишним у нас, вообще в жизни лишним. Смешно, я думала, что жить стоит, пока ты что-то значишь. А что я значу?— Ей, видимо, становилось легче от этого самобичевания, и она преувеличивала и нагнетала на себя.— Алексей Фомич не подходил к нашей обстановке. И, наверно, я ревновала. Он имел какие-то права на Михаила Михайловича, или нет...

Мазин прислушался.

— Права?

— Моральные, конечно. Старая дружба. Он приходил, когда хотел, много ел. Ел жадно, неаккуратно, вымазывал тарелки хлебом.

— Вы из обеспеченной семьи?

— Да. Мы всегда жили хорошо. Я ж единственная... Мама очень хорошая портниха, а папа — строитель. Я сбежала от их опеки, торопилась жить самостоятельно.

— И вам не нравились неаккуратные люди в вашем доме?

Марина не заметила сарказма.

— Знаете, что я поняла ночью, когда не спала? Что, когда все в порядке — а у меня было даже лучше, чем все в порядке,— жизнь воспринимаешь неправильно. Действуют вещи незначительные, создается мир пустяков, который принимаешь всерьез. И не замечаешь главного.

— Что вы считаете главным? — спросил Мазин, с интересом улавливая в Марине нечто новое, прорывающееся сквозь наивный цинизм и бездумную эгоистичность.

— Я не стала ему близким человеком. Верьте или нет, его убили не случайно. Он что-то предполагал, что-то беспокоило его, но ему и в голову не пришло поделиться со мной. Я была рядом — и далеко. Я фантазирую, да?

— Зачем вы сказали Валерию, что отец погиб сразу?

Ответ напрашивался: сказала потому, что Валерий — сын, пусть неродной, но он имел право знать правду. Ложь же была рассчитана на преступника, которым не может быть Валерий. Так следовало ответить, и так Марина и ответила, но ответ далея ей с трудом. И трудно было понять, утверждение это или встречный вопрос.

— Но он, он же не мог убить.

— Верно. С точки зрения здравого смысла нормального, неиспорченного человека. Однако и нормальный человек в самом здравом уме способен сказаться во власти неожиданных, неоправданных сомнений, утратить чувство реальности...

— Что вы хотите сказать?

Она приподнялась на тахте, забко прижав к плечам мягкий шарф.

— ...особенно когда речь идет о человеке близком, которого не хочется подвергать опасности.

— Вы это обо мне... и Валерии?

— Не только. Скорее вообще.— Мазин сказал все, что собирался. Больше говорить пока не следовало.— Вы упомянули, что Кушнарев был особенно близок Михаилу Михайловичу...

— Да, да.— Марина обрадовалась повороту разговора. Видимо, боялась даже продумать, проанализировать слова Мазина, оценить степень их определенности.— Но я не понимала этого. Он казался старым неудачником, навязчивым, неподходящим... Меня раздражало его право на постоянное внимание Михаила Михайловича.

— Опять это слово «право».

— Оно неудачное. Но странно. Казалось бы, Кушнарев должен был чувствовать себя обязанным. Михаил Михайлович так много ему помогал.

— А было наоборот? Калугина тяготила эта дружба?

— Нет. Однажды я не выдержала, сказала: «Михаил, все-таки Алексей Фомич — неприятный человек». Он посмотрел на меня так... Когда он становился резким, я чувствовала себя беспомощной девчонкой. Он бывал обычно мягким, приветливым, но иногда в нем прорывалось что-то непреклонное, категоричное. Возражать было нельзя. И в этот раз он крикнул: «Не смей так говорить!» Я растерялась. А ему стало неудобно, он попытался разъяснить: «Ты молода. Ты не жила в то время, когда нам пришлось жить, а это было не самое легкое время. Люди испытывались по-настоящему: горе было горе, а жизнь — жизнь. Кусок хлеба был жизнью, а не ужин в «Арагви». И жизнь может ударить несправедливо. Алексея ударило под корень. Это понимать нужно».

— Он стал жертвой несправедливости?

— Да. Михаил Михайлович рассказал мне. Он считался очень талантливым, самородком. Его любили, прочили блестящее будущее. И вдруг все рухнуло. Он любил женщину, очень любил... и ее нашли убитой. Все улики пали на него. Он был последним, с кем ее видели в тот вечер. Он ревновал ее, был вспыльчивым... Его арестовали, обвинили. Он отсидел почти весь срок. В самом конце, уже во время войны, в Москве поймали бандитов, которые грабили квартиры эвакуированных. Выяснилось, что и та женщина — их жертва, а Кушнарев не виноват.

Игорь Николаевич до боли сжал кулак. Судебная ошибка... И как всегда в подобных случаях, Мазин испытал острое чувство личной вины, собственной ответственности.

— Алексея Фомича освободили, но морально он был разбит. Он так верил в жизнь! Потрясла и ужасная гибель женщины, которую он любил. Сначала он ушел к себе на родину, жил там затворником, приходил в себя, потом появился в Москве, но создать ничего стоящего не смог. Пришло другое время, другие требования. Начал пить... Михаил Михайлович старался поддержать его. Это я теперь поняла, а тогда...

— Как они подружились?

— Они знали друг друга давно. Но Валерий помнит, что появился Алексей Фомич неожиданно. Много лет Михаил не слышал о нем. Потом Кушнарев прочитал в газете о выставке... Нет, кажется, это произошло иначе. Не помню точно. Да это неважно.

Неважно? Для Марины. Но Мазину, который привык мыслить профессионально, кое-что в ее рассказе показалось странным.

— Выходит, они возобновили знакомство лет десять или пятнадцать назад?

— Не раньше. Иначе Валерий бы не запомнил.

«Что же говорил Кушнарев? «Просто, когда он (Калугин) был еще неизвестным, мне понравилось его упрямство, и я сказал ему этом». И слова сыграли важную роль! Кушнарев поддержал Калугина в момент, когда тот нуждался в поддержке, очень нуждался, если память о такой поддержке сохранилась на всю жизнь, не стерлась в годы успеха. Но, выбитый из жизни, измученный, забытый, Кушнарев не мог сыграть такую роль в судьбе Калугина десять или пятнадцать лет назад, когда тот уже завоевал известность и твердо стоял на ногах. Значит, речь шла о более раннем периоде? Да, старик упомянул «давно прошедшее время». Какое же? Арестован он был до войны...»

— Когда арестовали Кушнарева?

— Он любил повторять: «Я жил на свете два-

дцать шесть лет». А родился он в девятьсот девятом.

«Девять плюс двадцать шесть получается тридцать пять лет. Если Марина не путает, архитектор попал в тюрьму в тридцать пятом году и, находясь там, наверняка не мог сыграть никакой заметной роли в судьбе Калугина. А до тридцать пятого Михаилу Калугину было... он был мальчишкой, школьником. Вот так арифметика! Старик соврал? Зачем? Своего рода самовнушение? Самообман испытавшего крах надежд человека? Но как увязать эту легенду с сомнением в искренности Калугина?

Когда я предположил, что Калугин боялся, старик согласился, даже буркнул: «Глубоко копнул». Или это была ирония? Если записи верны, у художника не было никаких оснований опасаться Кушнарева. Абсолютно никаких. Прекрасная биография, простая, чистая — школа, армия, фронт, учеба, творческий путь — все по восходящей. И семейная жизнь не вызывает сомнений: очевидная преданность первой жене, забота о ее сыне, потом этот брак, пусть со значительной разницей в возрасте, но по-человечески понятный. Ни единого нарушения ни уголовного, ни морального кодекса. И хотя у него не было к этому никаких видимых оснований, Калугин чего-то боялся. Однако, если я правильно понял, Калугину следовало относиться к Кушнареву дружески и уважительно. Мысль о том, что отношения их не просты, а чем-то осложнены, отравляла, беспокоила Кушнарева. Иначе он не высказал бы ее опрометчиво, при посторонних да еще в такой день. Почему же Калугин не должен был бояться? Потому ли, что Кушнарев был ему предан, или потому, что сама причина опасений была незначительной, преувеличивалась? Впрочем, я ушел далеко...»

— Простите, Марина Викторовна. Я утомил вас расспросами.

Мазин встал, но он видел, что ей хочется еще что-то сказать, возможно, спросить. Он посмотрел выжидательно.

Марина решилась:

— Игорь Николаевич, я не совсем поняла вас, когда вы говорили о Валерии. Вы говорили неопределенно, но связывали наши имена.

— Вас это обеспокоило?

— Да. Я уверена, уверена, что Валерий... Даже говорить страшно. Он не мог. Он не такой. И у нас ничего, ничего не было. Хотя он сумасброд, несерьезный.

— Что значит сумасброд?

— Ну, глупил иногда. Мог стать поперек тропы верхом и сказать ерунду: «Требую выкуп: не поцелуешь — не пущу».

— Эти... глупости не находили отклика?

— Что вы! Никогда. Он просто шутил, я думаю.

— А Михаил Михайлович знал о таких шутках?

— Нет. Ему было бы неприятно.

«Да, такие шутки радости не приносят. Она это понимала. Однако Калугин мог знать. Знал же Демьяныч».

— Спасибо, что рассказали, Марина Викторовна. Не беспокойтесь. Придавать этому значения я не собираюсь.

«Это всего лишь одна из рабочих гипотез»,— добавил он про себя.

...Позднее Мазин удивлялся своеобразному двойному течению времени в эти три дня. События развивались стремительно, с промежутками в считанные часы: смерть Калугина, вторичное покушение на него, выстрел на озере — все это заняло меньше суток и, казалось, требовало лихорадочного ответного ритма, энергичной деятельности. Между тем сам Мазин воспринимал происходящее как бы растянутым на гораздо более широком промежутке времени, он не мог избавиться от ощущения, что находится в Дагезане давным-давно, а не приехал сюда вчера погостить у Сосновского. Ощущение это смущало, вызывало сомнение в правильности собственных действий.

«Я похож на самодовольного, неторопливого чиновника, которого даже пуля под мышкой не может расшевелить. А ситуация иная. Нужны немедленные решения. Мне показалась наивной прямолинейная уловка Бориса объявить Калугина живым, а убийца на нее клюнул и попался бы намертво, если б я не промедлил. И продолжаю медлить, предпринимаю продолжительные исследования от Ромула до наших дней, а требуется прежде всего определить, от кого исходит опасность, и принять меры, чтобы никто больше не пострадал».

С этой мыслью Мазин вышел в гостиную, где усвоивший азы дисциплины Коля Филипенко терпеливо дожидался его за столом.

— Как вахта?

— Валерий приходил.

— Наконец-то. Блуждающий форвард. К себе пошел?

— Нет. Сначала у Алексея Фомича был, потом вас спрашивал. Я сказал. Он походил по комнате, походил, наверх поднялся, туда...— Мальчик показал пальцем на мансарду.— Спустился быстро, опять про вас спросил. Узнал, что вы не выходили, и ушел.

— Не знаешь куда?

— Не... Вы же сказали — сидеть.

«Интересно, зачем я понадобился Валерию?»

Игорь Николаевич подтолкнул Колю к дверям и вышел вслед за ним. Из взлетевшего над дорогой снежного роя появился всадник. В своей неуместной соломенной шляпе с отсыревшими, опустившимися полями Демьяныч походил на Санчо Панса, покинувшего сумасбродного хозяина.

— Мое почтение, Игорь Николаевич! — Пасечник наклонился в седле.— Новенького-то что?

Говорить о ранении не хотелось.

— Все по-старому. Ничего не известно.

Пасечник тронул осла каблуками.

— Может, на чаек зайдете? Я согрею.

— Спасибо. Захаживайте вы.

— Правильно, доктор,— услышал Мазин сзади. Он еще провожал взглядом пасечника, трусившего на ишаке по присыпанной снегом дороге. Голос принадлежал Валерию. Невозможно было спутать его ироническую и вызывающую интонацию.

— Чем я вызвал ваше одобрение? — спросил он, медленно оборачиваясь.

— Осторожностью. Побоялись, что он вам яду в чай подсыплет?

— Интересно... Зачем?

— Черт его знает.

— Не знаете? А почему подумали?

— Чтобы существовать. Мыслю — значит, существую. Вот и хочется просуществовать подольше. Есть у нас еще дома дела.

Мазин пристально посмотрел на художника.

— Что вас натолкнуло именно на эту мрачную мысль?

Валерий ответил раздраженно, но не по существу.

— Что вы уставились на меня? То вам обернуться лень, то рассматриваете, как в телескоп.

— Вы красивый парень, Валерий. Фигура у вас хорошая, культурная. И лицо выразительное: подбородок мужественный, нос приятный.

— Премного благодарен!

— Не спешите, я не кончил. Удивительно постоянно созерцать на вашем мужественном лице какое-то капризное, я бы сказал, по-бабьи обиженное выражение. И еще ваша страсть к стишкам...

— Кончайте, доктор. Тоже мне психоаналитик! Люблю я стишки. Хотите еще один послушать? Первая пуля ранила коня.— Валерий сделал паузу.— А вторая выбила стекло в известной вам хибаре.

— Вы искали меня, чтобы сообщить об этом?

— Нет. Чтобы спросить, кто будет вставлять стекло?

— Милиция установит.

— Пока милиция доберется, вам еще пару дырок просверлят.

— За что?

— Вам виднее.

Как хотелось Мазину, чтобы ему и в самом деле было «виднее».

— Послушайте, док! Я вас так на американский манер называть буду, чтобы покороче. Что мы сцепились, как собака с кошкой? Двух дней незнакомы, а обязательно слово за словом! Где ваш друг прокурор?

— Он...

— ...не прокурор. Знаю. Плевать. Вы ведь тоже не доктор?

— А кто же?

— Меня это не касается. Хотите походить на доктора, пожалуйста! Только не беритесь лечить младенцев. Мамаши вам этого не простят. И не придирайтесь ко мне на каждом шагу. Пойдемте лучше к прокурору и обсудим кое-что. Для вашей пользы.

Сосновский задумчиво мерил комнату шагами. Он посмотрел на вошедших, как бы соображая, что это за люди.

— Те же и Калугин-младший,— отрекомендовался Валерий.

— Никого больше не подстрелили?

— Кажется, никого, но Валерий не исключает возможности отравления. Он не доверяет Демьянычу.

— Вот как! — отозвался Борис Михайлович деловито. Заметно было, что его уже ничем не удивишь.— Факты есть? Основания? Почему заподозрил старика?

Валерий сморщился.

— Я видел его с карабином Филипенко минут через пять после выстрела на тропе за хижиной.

Это произвело впечатление.

— Расскажи!

— Встретил я его случайно. Мне не хотелось идти домой. Спросите, почему? Долго объяснять. Но было нужно. Бросить Марину одну — свинство, хотя и ее видеть не хотелось. Но это к делу не относится... Короче, решил идти дорогой, что подлиннее. Вдруг — выстрел, отчетливый, винтовочный. Думаю, Матвей...

— Вы знали, что у Филипенко есть карабин? — уточнил Мазин.

— А кто не знал? Не сбивайте меня. Думаю, Матвей, но вспомнил, что егерь-то в район собрался. Кто ж палит? Матвей — мужик сердитый, не дай бог его оружие в руки взять. Посмотрели б вы, как у него глаза кровью наливаются! Ну, я пошел на выстрел.

— С осторожностью или напрямик?

— Выслеживать не собирался.

— И что же?

— Наткнулся на старика. Усаживается на осла, в руке карабин.

— Что он сказал? — нетерпеливо спросил Сосновский.

— Ничего он мне не сказал, потому что я ничего не спрашивал.

В словах Валерия промелькнула неуверенность, сомнение в том, что его правильно поймут.

— Тебя не удивило, что стреляет Демьяныч да еще из чужого карабина? — Сосновский повернулся к Мазину.— Старик проповедует «не убий» живую тварь, а тут с винтовкой!

— Слишком удивило. Пока соображал, он на ишака взгромоздился и отчалил.

— Не заметив вас?

— Я, док, стоял за деревом.

— Куда он дел карабин?

— Увез.

— Открыто?

— Разве его спрячешь? Не иголка. В карман не поместится.

— Резонно. А дальше?

— Пошел домой, тут и узнал, что стреляли-то в вас. Снова удивился.

— Кто вам сказал?

Валерий усмехнулся непонятно.

— Кушнарев сообщил.

— Интересно, с какой целью?

— Не ведаю. Глубокомысленно плел, с подходами и намеками.

— На что намекал?

— Меня подозревает.

— Не горячитесь, Валерий! В такой запутанной ситуации можно заподозрить кого угодно: Кушнарев — вас, вы — пасечника.

— Я видел его с карабином. Больше я ничего не сказал. А кого подозреваю — дело мое.

— Напрасно ты не подошел к нему. Возможно, он объяснил бы свое поведение,— сказал Борис Михайлович.

— Хотел бы послушать.

— Возможен и такой вариант,— предположил Мазин.— Стрелял не Демьяныч, а... ну, Икс, скажем. Выстрелил и бросил винтовку на тропе. Пасечник проезжал и увидел ее.

— Свежо предание, но верится с трудом.

— Значит, вы допускаете, что Демьяныч мог стрелять. Не утверждаете, но допускаете. Почему? Известно, что пасечник не берет в руки оружия, что он стар и, вероятно, не такой уж лихой человек, наконец, у него нет видимых оснований желать моей смерти. Это говорит в пользу Демьяныча, не так ли? И все-таки вы допускаете противоположное. Повторяю, почему? Есть ли у вас какие-то еще неизвестные нам с Борисом Михайловичем основания? Или вас запугали путаница с ножом и подозрения Кушнарева, вы нервничаете и ищете алиби?

Валерий покусал верхнюю губу.

— А вы из простаков, док. Но, может быть, именно вы прокурор? Что-то вы в нашей беседе на допрос сбиваетесь. Не нравится мне это. Я сам к вам пришел.

— Важно понять, зачем вы пришли и с чем.

— С чем, я выложил. А вот зачем, ответить трудно. Предположим, вы мне симпатичны, и я не хочу, чтобы вас подстрелили.

— Спасибо. Уверен, что в вашей иронии есть доля серьезного. Но не все вы сказали. Что-то еще у вас на душе осталось.

— Душа, док,— загадка. Особенно славян-

ская. Оставим ее. И пасечника тоже. Нет у меня улик против него. Но он мне не нравится. Финиш.

Он круто повернулся на каблуках, оставив на полу комок грязи, прилипшей к подошве, и вышел из домика.

— Эмоциональный юноша, — проговорил Игорь Николаевич, раздумывая.— Старика он подозревает. И не подошел к нему в лесу, потому что выслеживал, хоть и не нравится ему это слово. А зачем было следить, если он не знал, что стреляли по человеку? Не знал? Мог и не знать. Такие ребята легко заводятся. Но материал он нам подбросил. Но как его систематизировать? Может быть, в самом деле спросить у Демьяныча?

— Постой. А что плел Валерий об отравлении?

— Это от избытка воображения. Сначала предостерег, потом говорит, зайди! Непоследовательно. Однако зайти придется. Не понимаю, зачем ему было тащить с собой карабин?..

Пасечник увидел Мазина в окно и гостеприимно распахнул дверь.

— Решились, Игорь Николаевич?

— Соблазнился чаем.

— Чаек готов. Он у меня всегда готов. Присаживайтесь.

— Как сапоги, Демьяныч?

— Великоваты сапожки оказались. Портянки подворачивать приходится. Не будет ли неловко, если я их егерю уступлю? Нога у него побольше...

Старик возился неторопливо, и ничего в его поведении не подтверждало подозрений Валерия, разве что желание угодить, да и в том незаметно было угодничества, скорее чувствовалось хорошее доброжелательство.

— Выходит, не продвинулось расследование, Игорь Николаевич?

— Расследование? Это вы, Демьяныч, громко сказали. Расследовать милиция будет, а мы с Борисом Михайловичем помочь хотели по возможности, да похвастаться пока нечем.

— Может, оно и к лучшему, Игорь Николаевич. Дело замысловатое, запутаться легко, а коль результата нет, значит, на худой конец и путаницы нет, ошибки нету.

Мазин улыбнулся.

— Кто ничего не делает, тот по крайней мере не ошибается?

— Попроще беру. Себя виню, наговорил вам лишнего.

— Лишнего?

— Именно. Про Валерия.

— Почему так строго, Демьяныч?

— Если уж бесхитростно сказать, от обиды вышло, Игорь Николаевич. Плохой советчик — обида.

— Чем он вас обидел?

Пасечник подул на горячий чай.

— Да ничем вроде и не обижал. Скорее видимость одна. Человек тяк устроен: составит мнение и поверил, горе одно!

«Они почти одинаково признаются во взаимной антипатии!»

— Как сказал Цицерон, горе порождается не природой, но нашими мнениями?

— Очень верно, Игорь Николаевич. Запомнить такие слова хочется. Мнение — важный предмет. И у меня своя гордость есть. Хоть я не заслуженный художник и ничем не знаменитый, а человек простой, трудящийся, но люблю, чтобы меня люди уважали. Тщеславие такое. Здесь я с людьми поладил, никто не жалуется, а вот Валерий, чувствую, против меня настроен. Зла не делает, но в шутках, насмешках проявляется. То сектантом обзовет, то единоличником. А какой же я единоличник, если за колхозной пасекой смотрю? Недобрый он, Игорь Николаевич. Отцу завидовал, а это нехорошо. И насчет супруги его вел себя недостойно. Врать я вам не врал. Что видел, то было. А говорить не следовало. Перепуталось все, а я вроде бы мщу, счеты свожу. Потому повторно вас прошу: сплетню мою до следствия не доводите.

— Напрасно беспокоитесь, Демьяныч.

— Успокоили, Игорь Николаевич, успокоили. А то я заметил, изменились вы с утра.

«Ему не откажешь в наблюдательности!»

— В самом деле?

— Сдержаннее стали, посуровели.

«Старик настойчив, и за этим не одно любопытство. Однако о карабине ни слова. Впрочем, если он не знает, что в меня стреляли, зачем ему говорить об этом?»

— С утра кое-что произошло, Демьяныч. В меня стреляли.

Мазин сделал паузу, а пасечник осторожно поставил на стол блюдце с недопитым чаем и вытер губы.

— В вас? Не ожидал. Как же это произошло?

— Я стоял у окна в домике на озере,— начал Мазин, а окончив рассказ, спросил: — Как вам моя история показалась?

Ответ последовал фаталистический:

— Да раз возникло, Игорь Николаевич, смертоубийство, так что поделаешь? Кто такое начал, того не остановишь, пока он цели своей не добьется или, наоборот, шею не сломает.

— Цель-то в чем?

Пасечник глянул, как показалось Мазину, снисходительно.

— Не знаю, Игорь Николаевич. А вы?

И он принялся наливать себе чай. Не в чашку, а прямо в блюдце, очень крепкий чай из заварного чайника. Густого, ароматного настоя.

— Есть у меня, Демьяныч, зацепка для поиска. Пуля. Нужно выяснить, у кого здесь карабин имеется.

Пасечник поднес блюдце к губам и причмокнул, раскусывая во рту кусочек сахара.

— Труда это не составит, Игорь Николаевич. Секреты здешние на виду. От своих не скроешь. Тесновато.

— И вы знаете?

— Знаю, да и без меня вам его фамилия известна.

— Догадываюсь,— согласился Мазин.

— Но не Матвей в вас стрелял. Потому что не такой он парень, чтобы карабин в лесу бросить.

— Бросить?

— Именно. Привелось мне той тропкой ехать утречком. Гляжу — стоит винтовка, к дереву прислоненная. Бесхозная.

«Прислоненная к дереву! Любопытная аккуратность».

— Что же вы с ней сделали?

— Как что? Отвез Матвею.

Мазину стало досадно. Подтвердилась простая и бесплодная версия. Похожая на мираж, проплывший заманчиво по горизонту. Филипенко не стрелял, Валерий не стрелял, Демьяныч тоже. Остаются Олег и Кушнарев. Впрочем, почему он списал первую тройку? Матвей мог пожертвовать карабином, чтобы отвести от себя тяжкое обвинение, Валерий мог подсунуть оружие на пути пасечника и наблюдать из кустов, как тот среагирует. Да и сам Демьяныч...

— Откуда ж мне было знать, что из этого ружья на вас покушались? Вот и доставил хозяину. Еще чайку позволите?

Мазин подвинул пустой стакан.

— Налейте. Вы здесь, значит, обитатель не постоянный.

— Временный. Пчелок подкормиться вывез.

— Калугина давно знали?

— Что вы! — покачал головой пасечник, снисходя к простодушию собеседника.— Откуда мне такого человека знать? В Тригорске по случаю пришлось познакомиться. Медок у меня Михаил Михайлович брал. Он там в санатории лечился. Понравился ему мед, беседовать стали. Он и посоветовал пчел сюда на лето вывозить. Место тут подходящее. И народ любопытный.

— А вы любитель понаблюдать за людьми?

— Есть грех, Игорь Николаевич.

— Поделитесь, Демьяныч.

— Да о покойнике мы с вами уже рассказывали и о Валерии с Мариной Викторовной. А других вы сами знаете: друг ваш Борис Михайлович, Филипенко — лихой человек.

— Лихой?

— Отчаянный. Не уважаю я людей, которым живую тварь жизни лишить ничего не стоит. Матвей при этом еще и бахвалится. По-настоящему, зачем эта охота? Государство обеспечивает, в магазине продукты продаются, зачем же живодерствовать? Тем более заказник, природа Советской властью охраняется. А он, вишь, пушку какую завел и стреляет!

— Однако карабин вы ему вернули.

— Это, Игорь Николаевич, вопрос другой. Людей не переделаешь. Осудить я Матвея могу, а переделать не в силах. Если уж природа подогнала характер, с тем и помрешь. Горячий егерь, обидчивый, непростительный, а уж такой есть. Отбери у него карабин — другой заведет, а стрелять не перестанет.

— И по людям может?

— Охота все ж и человекоубийство — вещи разные.

— Несомненно. А что про Олега скажете?

— С неделю всего как в поселке объявился. Замкнутый парень. Гордец. С чего бы это, Игорь Николаевич, молодежь такая пошла?

— И Олег вам таким показался?

— Не скажу. В себе парень. Что-то ищет, рыщет.

— Он искал самолет, который обнаружил Филипенко.

Демьяныч почесал худой, покрытый короткими, выцветшими волосками затылок.

— Зачем ему самолет?

— Он журналист, хочет написать о погибшем летчике.

— Вот оно что... Ну вроде я вам обо всех рассказал.

— Про Кушнарева не говорили.

— Что про него скажешь? Ближайший друг считался...

«Считался... казался... вроде бы...» А на самом деле? Кто есть кто в действительности? Об этом думал Мазин, возвращаясь от пасечника.

Сосновский хозяйничал. В печи теснилось энергичное пламя. Стало тепло и уютно. Пахло жареным мясом.

— Чем порадовал Демьяныч?

— Ларчик просто открывался.

— Ты поверил?

— Сам не знаю.

— Забавно, Игорь, получается. Знаменитый сыщик в тупике! Ты мне Печорина напоминаешь. Из «Тамани». Помнишь, как его контрабандисты околпачили?

— И прикончить хотели.

— Вот это не смешно. Значит, ничего из старика не вытянул?

— Определенного нет. Пожалуй, несколько изменилось мое отношение к нему.

— В какую сторону?

— Если говорить упрощенно, оно ухудшилось. Старик не такой доброжелательный, каким хочет казаться. Он никого не подозревает и все-таки не удержался, о каждом сказал такое, что может при случае наслоиться на тот или иной факт, создать неприятное впечатление.

— Это подозрительно?

— Вряд ли. У него не было необходимости покушаться на Калугина вторично, убивать тоже вроде незачем. История с карабином правдоподобна.

— Кого же подозревать?

— Пока я всех считаю невиновными.

— Обидно, что мы ничего не выяснили до приезда милиции. Даже то, что убил Калугина тот же тип, что стрелял в тебя, по существу, не доказано.

— Меня другое тревожит. Боюсь очередного кровопролития и не знаю, как его предотвратить. Мне, как Архимеду, не хватает рычага. Если б знать, почему хотели убить меня!

— Ты опасен!

— Чем? Кручусь по поселку? Этого ж мало для убийства. Убивать меня имеет смысл только в одном случае: если я напал на след, если получил преимущество в поединке, если противник попал в безвыходное положение. Только в этой ситуации любой риск оправдан! Но я не вижу в своей позиции никаких, даже элементарных преимуществ.

— Значит, видит он.

— Находится в приятном заблуждении?

— Не очень-то приятном. А что касается заблуждения... Не проглядели ли мы чего? Не выплеснули в ажитации с водой и ребенка? Что-то не заметили, не оценили. А преступник думает, что оценили.

Мазин заходил по комнате.

— Утверждать, конечно, невозможно, но это мысль. Нужно пересмотреть каждый шаг, каждую мелочь.

— Тигр! Орел! Стол не опрокинь.

— Тесно у тебя, Борька.

— Я ж не рассчитывал на взлет твоей неукротимой энергии. Думал, отдыхать человек едет. Будет на коечке полеживать с книжкой, рыбку ловить.

— Я на воздухе побуду, подышу, подумаю на морозце.

— Смотри не простудись. По-моему, ты уже сопишь.

— Есть немного. Нужно платок взять, кстати. А то я калугинский затащил из мастерской.

Игорь Николаёвич показал выпачканный в краске платок.

— Он не из мастерской. Ты взял его в избушке на озере, когда я перевязал твоим платком рану,— сказал Сосновский.

— В самом деле? Не обратил внимания. Да, вспомнил, он валялся на койке, где лежал Валерий.

Конец первой части.

СМЕНА

№ 1 ЯНВАРЬ 1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ТРАКТОРЫ ОДНОГО ДНЯ.

ТРУДОВАЯ ВАХТА РАБОЧИХ ХТЗ В ЧЕСТЬ ПАРТИЙНОГО СЪЕЗДА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Павел ШЕСТАКОВ

ОТПУСК В ДАГЕЗАНЕ

ПОВЕСТЬ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1. ЛУНА

Было еще светло и очень тихо. Река примолкла, истощив нерасчетливо растраченные силы. Хотелось идти долго, отрешившись от беспокойных мыслей, но на пути вырос Валерий.

— Видели пчеловода? — резко спросил он.

— Демьяныч подтвердил мое предположение.

— Выкрутился?

— Не суди ближнего... И возьмите свой платок.

Художник посмотрел на платок.

— Не такая уж ценность. Но если вы щепетильны... Из хижины утащили?

— Случайно.

— Не сомневаюсь. Куда направляетесь?

— Алексея Фомича хочу повидать.

Валерий приподнял одну бровь.

— Дотошный вы...

Архитектор брился у окна. В комнате пахло «Шипром».

— Не помешаю?

— Представьте, нет. Присаживайтесь. Я ждал вас.

За окном громоздкая туча с трудом продиралась по ущелью, цепляясь за скалы. В ней отражались розовые закатные лучи. В комнате стало виднее. Здесь царил строгий и неприхотливый, почти солдатский порядок. Кровать была покрыта однотонным шерстяным одеялом, закрывавшим и подушку, ни на столе, ни на стуле не валялось ничего постороннего, и только несколько полевых цветов в глиняном кувшинчике нарушали строгое однообразие обстановки.

— Вы сыщик-любитель или профессионал?

— Полномочий предъявить не могу.

— Бумажки меня не волнуют. Меня интересует, подготовлены ли вы к роли, которую на себя взяли. Или играете в детектива, пользуясь советами Бориса Михайловича?

— Можете на меня положиться.

— Доверие предполагает взаимность. Если же я включен в проскрипции, взаимопонимание исключено.

— Для проскрипций у меня до сих пор нет данных. Поэтому я готов к любой неожиданности.

— От меня сенсаций не ждите. Хотя обязан признать, что не ошиблись вы. Я в самом деле был несправедлив к покойному Мише, когда заподозрил в его отношении к себе нечто нехорошее. Но это вопрос не практический. Это мое, личное.

— Я знаю, Алексей Фомич, что вы особенно дорожите справедливостью. Мне стала известна...

— Моя грустная история? Это не тайна. Это в прошлом. Не поправишь. Я говорил. Не хочу множить зла. У ваших коллег все сошлось. В чем я могу упрекнуть своих судей? В том, что у них не хватало... это трудно сформулировать... не хватило сил приподняться над очевидностью? Они выполняли долг, как они его понимали, даже добра желали, справедливости. Но я не выдержал, упал духом. Миша понимал мою трагедию. Он любил меня. Не боялся, а любил. Может быть, жалел.. Я не имел права чернить его в ваших глазах. Он погиб. Это наказание...

— Кто наказал?

— Не ловите меня! Михаил наказал себя сам.

— Сам? Он же убит.

На отжели под обрывом в напряженной позе изготовившегося к старту бегуна лежал человек. Это был пасечник...

— Что из того! Наказать себя можно и чужими руками. Но я не жалею об этом. Я боюсь слов, удобных, незаменимых формул, в ужасный смысл которых мы не вдумываемся и не способны их осмыслить, потому что если осмыслить, то лишишься рассудка.

— Я думаю о том, кто убил Калугина,— сказал Мазин.

В отсвете красного заката глаза старика блеснули диковато.

— Послушайте, вы добиваетесь, чтобы я помог вам убить взамен Михаила другого человека, да?

Мазин отодвинулся. «Неужели его так взвинтили мои слова о допущенной несправедливости?»

— Я разъяснял, чего я добиваюсь. Я не хочу, чтобы этот другой человек прикончил сегодня ночью еще одного, третьего человека.

— Вас? Да? Вас? Чем вы ему помешали? Он

Продолжение. Начало в №№ 22—24 за 1970 г.

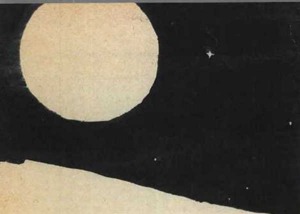


Рисунок **Александра МЕНШИКОВА**

боится? Значит, он тоже спасает себя! Разве вы не понимаете, что он защищается? Если б вы не угрожали его жизни, он не стал бы стрелять в вас!

— Алексей Фомич! — сказал Мазин устало.— Не верю я в вашу философию. Может, обижу я вас, но скажу: в отношении своем к убийце Калугина вы не из теории исходите!

— Как понять прикажете? — вскочил архитектор.

— Поясню. Только бритву спрячьте. Не люблю режущих предметов. Вам хотелось бы, чтоб убийца понес кару, но существует причина, которая пугает вас, заставляет опасаться разоблачения убийцы или обстоятельств преступления. Помилуйте нетактичного прагматика, но люди в своих поступках не столько от теории идут, сколько теорию под поступки подгоняют.

— Я не лицемер.

— Верю. Бритву-то спрячьте, прошу! Думаете вы, как поступить лучше, правильнее, но устойчивости в решениях не находите, вот и выдумываете, мечетесь, себя убедить хотите, не меня!

Кушнарев опустился на койку и сложил наконец бритву.

— Неотвязный вы человек! Что еще вымыслили?

— Вымыслил? Две вещи могут вас страшить. Или истина повредит вам самому, или она повредит... ну, да вы понимаете кому.

— Клянусь вам честью, молодой человек, совестью своей, я не подлец... Неизвестно мне, почему убили Михаила Калугина.

— Так я и знал,— вздохнул Мазин.— Так и знал. Все ваши сомнения отсюда. Ведь как бы вы ни теоретизировали, а изверга, зверя защищать бы не стали. Вас червь сомнения гложет, не уверены вы, неизвестно вам — а не было ли на самом Калугине вины? Вы не за самосуд, разумеется, но вы настрадались, знаете много, видели, даже случай бессилия правосудия вам знаком, и потому, именно потому не хотите вмешиваться.

Мазин замолчал, потом добавил негромко:

— Поступайте, как знаете. Философствуйте в одиночку.

В приоткрытую форточку тянуло морозом и проникал приглушенный рокот успокаивающейся реки, бежавшей почти рядом, под окном. Чувствовалось, что наверху, где вода собиралась в мутный и быстрый поток, стихия уже побеждена. Скоро Филипенко переправится, вызовет милицию, делу будет дан законный ход, а он, Мазин, превратится в рядового свидетеля, даст показания, и отпуск его возобновится.

«И все-таки, кто же этот Калугин? Что заставляет тебя заниматься его судьбой? Профессиональная инерция? Чувство самолюбия? Стремление к собственной безопасности? Нет! Тут не выделишь единственную причину. Ты поступаешь так, как обязан поступить, а долг в конечном счете категория не менее сложная, чем любые другие моральные побуждения, он также соткан из множества переплетенных ниточек, и их не разберешь, не разорвешь, не разорвав всю ткань».

— Алексей Фомич, если вы сказали все...

— Нет. Но я в затруднении. Сознаюсь, может проясниться неблагоприятное для Михаила. Никто ошибок в жизни не избежал, однако за некоторые платить приходится так дорого, что упрекать больше нельзя, бессовестно копаться в чужом белье.

Мазин видел, что старик не может преодолеть себя. Как только он приближался к черте, за которой начиналось главное, то, что он знал о Калугине, Кушнарев лишь беспомощно разводил руками во мраке.

Прорваться к нему, как понимал Игорь Николаевич, можно было единственным путем — догадаться, сообразить самому, что тяготит архитектора. Мазин заметил, что старик не способен хитрить и быстро капитулирует, когда становится известной хотя бы часть того, что ему хочется удержать в секрете. Кушнарев ни за что не соглашается сказать первое слово, но он болтлив и готов назвать Б и В, хотя А и не произнесено. Осмыслить и использовать эту вторичную информацию — вот в чем задача!

«Он говорил об услуге, о поддержке, о помощи, оказанной Калугину. Но Кушнарев сидел в тюрьме, когда эта помощь могла оказаться необходимой. Неувязка? Противоречие... Соврал? Зачем? И как можно соврать? Вот оно! Соврать невозможно. Во всяком случае, самому Калугину. А тот признавал, подтверждал, что помощь была. Пусть лишь слова. Именно слова. Да как я этого раньше не сообразил!»

Открытие было настолько простым, что Мазин с трудом сдержался. Сдержался по двум причинам. Бросить эту сильную карту стоило только в единственный, подходящий момент. Потому что эта карта была все-таки не козырным тузом. И еще потому, что Кушнарев перепугался, приблизившись к опасной грани, и сделал неожиданную попытку отчаянным маневром отвлечь Мазина, пожертвовать частью, чтобы сберечь основное.

— А любители в скважину замочную заглядывать есть. И подсмотрели даже.

Трудно дались ему эти слова, эта жертва, в полезности которой Кушнарев наглядно сомневался.

— Кто?

— Нужно ли?

— Необходимо.

— Олег.

— Не ожидал,— сказал Мазин искренне.— Олег здесь единственный случайный человек. Я считал, что он интересуется самолетом.

— Одно не исключает другого.

— Вы хотите сказать, что прошлое, ошибка Калугина и самолет связаны?

Кушнарев уверенно покачал головой.

— Абсолютно нет. Здесь другое, неясное. Вы полагаете, что Олег появился в здешних краях сам по себе и остановился в доме Калугина случайно? Это не так. Они знали друг друга.

Архитектор смотрел на Мазина не с торжеством человека, сообщившего неизвестный собеседнику факт-сюрприз, а с грустью.

— Что из того?

— Само по себе непредосудительно, разумеется. Непонятно, почему Миша и Олег скрывали свое знакомство. Я прекрасно помню, как Олег появился в доме. Михаил его представил: вот юноша, в наши дебри забрался, журналист, познакомились только что.

— Почему же вы думаете, что Калугин его знал?

— О! Это просто и несомненно.

Кушнарев полез в карманчик вязаного шерстяного жилета и извлек телеграфный бланк.

«Дагезан. Калугину. Вашего разрешения выезжаю условие помню. Олег»,— прочитал Мазин.

— В куртке Михаила Михайловича находилась. Когда тело переносили, Марина Викторовна попросила меня вынуть все из карманов...

На сгибах помятого бланка виднелись табачные крошки.

«Что это? Ключ или еще один мираж? Калугин и Олег не распространялись о своем знакомстве, но в крошечном поселке телеграмма могла стать известной многим. Калугин ее даже не выбросил».

— О каком условии помнит Олег?

— Понятия не имею.

— И больше вам ничего не запомнилось, не показалось странным в их общении, отношениях?

— Нет. Дня за три до телеграммы, я, правда, услыхал мимоходом брошенные фразы, которым значения не придал, потому что ничего привлекающего внимание в них не нашел. Уж после телеграммы вспомнил. Мы с Демьянычем о пчелах беседовали в гостиной, а Миша с Олегом вошли, и Миша спросил: «По-прежнему безрезультатно?» Тот отвечал: «За осыпью крутой склон. Поищу в другом месте». Тогда Михаил говорит: «Нет, нет. Там ищи!» Тут он меня увидал и отошел.

— Не хотел, чтобы слышали разговор?

— Кто знает...

— Выходит, Калугин советовал Олегу искать самолет там, где он и обнаружился?

«А знать о самолете не мог! Что из того? Олег давно слышал о самолете, искал его. Где-то, при вполне объяснимых обстоятельствах, он познакомился с Калугиным, рассказал о своем поиске, и тот пригласил парня в Дагезан. И разговор логичен. Олег не сумел пробиться к озеру, которое хотел осмотреть, а Калугин советует не отступать, не оставлять «белых пятен». Разумно. Но какие условия могли бы обсуждаться между ними? Условия, без которых Олег не мог приехать в Дагезан? Он принял условия и приехал, почему-то никому не сказав о знакомстве с хозяином. Не в этом ли заключалось условие? А куда гнет Кушнарев? Зачем он рассказал об Олеге? Почему думает, что тот «подсмотрел в скважину»?»

Вопросов набегало слишком много, и Мазин почти с облегчением оборотился на отвлекающий скрип отворившейся двери. Там, словно подслушав его мысли, появился Олег. Видно было, что день он провел под открытым небом, штормовка намокла и топорщилась, схваченная морозцем, к джинсам прицепились репья и комья глины.

— У вас гость, Алексей Фомич? Добрый вечер, доктор. Все еще подозреваете меня или откопали, кто воспользовался ножом?

Спросил он почти небрежно, но небрежность эта говорила больше о выдержке, чем о легкомыслии.

— Вы собирались выяснить это сами.

— Ошибаетесь. Это вы рекомендовали мне встряхнуть мозги до прибытия милиции. Но у меня не нашлось времени.

В комнате потемнело, выделялся только квадрат окна, да и то неярко. Мазин не видел лиц собеседников. Он вспомнил, что электричество так и не подключили и рассчитывать приходится в лучшем случае на керосиновую лампу, а то и на огарок свечи. А хотелось видеть Олега, его лицо, на котором просматривались одни очки да полукруг короткой бородки.

— Жаль. Человек-то убит. Впрочем, вас больше интересует сбитый самолет.

— Представьте.

— А если смерть Калугина связана с находкой самолета?

Олег еще больше отодвинулся от окна. Ему потребовалось время, чтобы взвесить и оценить мысль Мазина.

— Парадоксы ищете? То с ножом, теперь с самолетом?

— Тут факты разного порядка. Связь между ножом и вами очевидна, хотя им и мог воспользоваться другой человек, связь же между находкой самолета и убийством в самом деле производит впечатление парадокса, но только на первый взгляд.

— Что вы знаете?

— Знаю, что вы приехали сюда не случайно.

— Вам не дает покоя батумский ресторан?

— Вспомнили меня?

— Это вы меня вспомнили. Но раз уж у вас такая хорошая память, вы должны помнить и другое: я говорил открыто, гибель этого самолета меня давно интересует.

— Почему?

Он мог бы возмутиться, надерзить, но ответил обстоятельно:

— Я работаю в авиационной газете, приходилось встречаться с ветеранами, они вспоминали этот случай. Самолет пропал без вести в сорок первом году. Произошла авария. Он выполнял важное задание, и летчик заслужил, чтобы родные узнали, где он погиб. Достаточно?

— Почему никто не искал самолет до вас?

Олег снял очки и протер стекла носовым платком. С каждым вопросом он становился суше и спокойнее. Трудно было понять, насколько правдивы его ответы, но он не увиливал от них.

— Искали. Безрезультатно. Видимо, мешала лавина.

— А вам повезло?

— Не мне, а Филипенко. Машину нашел Матвей.

— Нашел там, где искали вы.

— Нашел там, где она находилась.

— И все-таки вам повезло. Даже неоднократно. Калугин оказался жителем поселка, рядом с которым разбился самолет, предложил вам гостеприимство...

В спокойствии Олега пробилась первая трещинка.

— Ну и что?

— Ничего особенного. Удачно, что вам не пришлось жить в палатке. Сыро, холодно. Радикулит подхватить можно.

— У меня отличное здоровье.

— А тренаж неважный. Озеро не одолели.
— И это известно?
— Тесно живем,— повторил Мазин слова Демьяныча.— Однако удачи не кончились. К озеру поднялся Филипенко. Не по совету ли Калугина?
Олег достал из кармана штормовки спички и сигареты. Первая спичка сломалась. Вторая тоже не зажигалась. Наверно, коробка отсырела. Мазин вынул зажигалку и протянул журналисту.
Ответ после паузы прозвучал с вызовом:
— Возможно. Калугин любил советовать.
— А у вас не сложилось впечатления, что советы его на редкость безошибочны?
— Если и сложилось, какое отношение имеет это к смерти Михаила Михайловича?
«Резонно. Нельзя же думать, что парень сошел с ума и убил Калугина, чтобы не делить с ним славу первооткрывателя! Да и что за открытие? Случайно разбившийся самолет, летевший в тыл. Однако сложилось!»
— Когда разбился самолет, Олег?
— Двенадцатого октября.
«Знает даже день. Нет, не могла обыкновенная, непримечательная история так заинтересовать их обоих. Калугина тоже. Но чем? И что произошло в тот день? Калугин ехал из госпиталя в Ашхабад. Ехал поездом. Из окна вагона за сто километров не увидишь. Но услышать, узнать что-то в пути можно. Только обязательно значительное, чтобы запомнить на два с лишним десятка лет!»
— Калугин знал эту дату?
— Я сказал ему.
«Он? Не наоборот?»
— Давно?
— Порядочно.
— Странно. Вы же тут неделю всего живете. Или вам случалось встречаться с Калугиным раньше?
— Нет.
«Вот и попался»,— подвел итог Мазин без особого торжества, потому что победа далась легко.
— Алексей Фомич, зажгите лампу, пожалуйста.
Кушнарев сидел, опустив голову на руки, и Мазину пришлось повторить свою просьбу, прежде чем он встрепенулся и заспешил, не попадая стеклом в выгнутый ободок.
— Покажите бумагу, которую вы нашли, Алексей Фомич.
— Не нужно, Игорь Николаевич, не стоит.
— Лучше разрешить недоумение сразу, чем держать камень за пазухой. Это ваша телеграмма? — обратился Мазин к журналисту.
Олег поднес бланк к лампе, посмотрел, поправил очки.
— Как она к вам попала?
— Объясните, что здесь написано. И почему вы не сказали, что давно знакомы с Калугиным?
Игорь Николаевич выдвинул фитиль. Стало светлее. Олег положил бумагу на стол. Он не делал никаких попыток оспорить право Мазина задавать вопросы, но держался по-прежнему ровно, не роняя достоинства.
— Не понимаю, почему он ее не выбросил. Это была его затея. Калугин не хотел, чтобы в поселке знали о нашем знакомстве.
— Как вы познакомились?
— Он приезжал в наш город, писал летчиков. Мы разговорились; оказалось, что у него здесь дача. Я рассказал, что меня интересует самолет. Последнее сообщение с борта было из близкой от дачи точки. Он предложил остановиться у него в гостях.
— А условие?
— Я не придал ему значения. Калугин просил, если я найду самолет, не упоминать его фамилию в газете. Я счел это за обычную скромность.
— Откуда он знал, что самолет лежит у озера?
— Он никогда не говорил, что знает, но упорно советовал искать в верховьях Красной речки.
— Упорно?
— Упорно. Когда я не одолел, как вы выразились, подъем, он послал туда Матвея. Обидно. Подняться было можно. Я ходил туда сегодня с Галиной.
— Когда вы вышли?
— Рано.— Олег откашлялся.— Может быть, достаточно, доктор? Я стремился, как мог, удовлетворить ваше любопытство.
— Спасибо.
— Всего доброго.
«Самоуверенный парень. У Демьяныча верный глаз».
— Игорь Николаевич! — услыхал Мазин. Впервые архитектор назвал его по имени и отчеству, и в этом обращении Мазин уловил не только доверие, но еще и другое — раскаяние.— Все я напутал, занимался словоблудием, сам не пойму, зачем. Ведь зарекался не болтать... К счастью, прояснилось.
— Что прояснилось, Алексей Фомич?
— Да галлюцинации мои. Что Олег странно вел себя, и вроде Миша скрывал, что зависел от него. Вот уж ахинея!
— Не уверен. На мой взгляд, ничего этот парень не прояснил, наоборот, замутил. Что знал Калугин о самолете? И почему журналист к нему прикипел? В такую погоду жизнью рисковал. Зачем? Самолет нашли. Никуда он не денется. Зачем к черту на рога в такой спешке взбираться?
— Характер, Игорь Николаевич. Спортивный, упрямый.
— Ладно, Алексей Фомич. Понимаю вас. Поймите и вы меня.— Мазин решил бросить свою карту.— Факты мне требуются и ваша помощь. Расскажите, как Калугин попал в тюрьму.
Кушнарев сник.
— Как это я... как мог проговориться...
— Вы не проговорились. Я сопоставил ваши слова о помощи Калугину с датами его жизни. Не вините себя. Он совершил серьезное преступление?
— Серьезное? Он напился водки.— Кушнарев вдруг заторопился, спеша поскорее избавиться от всего, что таил, что давило на него.— Тогда он выпил. Первый раз в жизни выпил. И друзья, нет, не друзья, подонки, враги злейшие решили сломать замок на киоске или ларьке, а его попросили постоять, предупредить, в случае опасности свистнуть. Вы знаете, как это делается. Он свистнул или не успел... Все попали в милицию. Признали предварительный сговор группы лиц... Беда заключалась в том, что мальчик органически не мог переносить неволи... Обостренное чувство свободы, художник, хотя он не был еще художником, а ребенком, мальчишкой, ведь всего шестнадцать лет! Он не мог перенести этой страшной нелепости. И совершил еще две непростительные глупости. Сначала он...
— ...попытался бежать?
— Да! Откуда вам...
— Нетрудно сообразить. Его поймали и увеличили срок.
— Именно. Тогда Миша попытался покончить с собой.
— Вы спасли его?
— Помог. А спасла война. Он попросился на фронт... И прожил еще больше четверти века.
«Это шаг вперед. Но как сосчитать шаги? Сколько их?»
— Я встретился с ним в Москве, на выставке. Тогда я боялся встреч со знакомыми. Они напоминали мне о прошлом, а прошлого больше не было. Жизнь разделилась на до и после... Все-таки я был не чужд изобразительному искусству. Фамилия художника мне ничего не говорила...
— Фамилия вам ничего не сказала?
— Миша сменил ее. Ему тоже не хотелось встречать старых знакомых. Но я узнал один пейзаж — тусклый день на севере, почти незаметные краски. Он не бросался в глаза, посетители не задерживались, но я уже видел эту тундру в другой рамке... Мне захотелось посмотреть на автора.
Понимаете, не в том дело, что я его за рукав стеганки схватил, когда он в смерть хотел кинуться. Не за то он мне обрадовался. Это странно, так в жизни только бывает. Мне в свое время, еще до ареста, в школе случилось побывать, где Миша учился, увидеть его рисунки. Они запомнились. И потом «там» я сказал ему, что думал, и о рисунках, и главное, как человек жить должен, дорожить собой, если его коснулось настоящее, если в нем загорелась искра таланта. Короче, сказал то, что тысячу раз повторял себе и во что сам не смог поверить, потому что дара того подлинного не было и многого другого не хватило, не коснулось. А его коснулось! И он поверил и выжил. Как художник выжил, понимаете? За это он и кормил меня, за слова мои, а не за то, что я его за стеганку схватил. За рукав и охранник схватить мог. «Стой, мол, парень! Не положено тебе жизнью своей распоряжаться!»
И мне от этого легче жить стало...
— Алексей Фомич! По-вашему, Калугин скрывал прошлое исключительно по соображениям моральным, личным, не практическим?
— Практическим?
— Он поступил учиться, проходил различные официальные рубежи, заполнял анкеты, писал автобиографию... Утаивал ли он и там?..
Кушнарев сидел у самой стены. Круг неяркого света, ограниченного абажуром, не достигал его.
— Именно! Добрались, докопались! Но почему вы не способны мыслить за пределами уголовного кодекса? Почему не верите, что человек сам себя и осудить и оправдать может?
— Так поступил Калугин?
— Не спрашивал! Не интересовался, потому что видел, справедливо он поступил. Нет больше мальчишки, что дрожит на углу, пока дружки замок сворачивают. Того судить нужно было за то, что не думал, голову на плечах имея, не ведал, что творит. Дурак был, не человек, не личность. А Михаил Калугин формальностям неподсуден. Долги выплатил, имя заслужил чистое. Человек, художник. Совесть ему судья. И мелочные подробности роли тут не играют.
— Играют. Получается, что Калугин фамилию сменил незаконно и прошлое скрывал, а не просто не любил о нем распространяться.
— Кровью пролитой на фронте он заслужил... талантом своим...
— Алексей Фомич! Не понимаете вы меня! Формальностям друг ваш действительно уже неподсуден. И не о том я хлопочу, чтобы память его очернить. Поступки его меня с другой стороны интересуют. Как они самому ему навредили! И не подписал ли он себе смертный приговор сам, когда впервые чужой фамилией подписался?
Кушнарев приблизился к лампе.
— Вот вы как повернули!
— Ощупью продвигаюсь, ориентиры пока в тумане. Самолет меня измучил, не могу его от смерти Калугина отделить. И соединить не могу. В самой смерти логики не вижу. Предположим, нашелся подлец, задумал нажиться на прошлом Калугина. Но тогда художник шантажиста убить должен, а не наоборот! Получается, не Михаил Михайлович боялся, а сам он кому-то мешал. Вот главная неувязка! И вам приходила эта мысль в голову, пока вы решали тяжкий вопрос, сказать мне, что знаете о Калугине, или нет. В том и тяжесть — жертва ли Калугин? Убит злодейски, или была тому причина? Колебались вы, даже в неискренности к себе его заподозрили...
— Во мне колебаний больше нет.
— Но были! И шли они от поступка, который вы теперь оправдали, и меня убеждаете (а не себя ли?), что имел Калугин право присвоить чужие документы! Чьи? Все документы кому-то принадлежат. Где же их владелец? Калугин-второй? Вернее, Калугин-первый?
— Понятия не имею. И плохого думать не желаю.
— Мне тоже не хочется. Больше ничего вам не запомнилось?
— Есть еще зацепка, но ничтожнейшая. Собирался Михаил в тот день беседовать с Валерием.
— О чем?
— Если б знать! Заглянул я к нему, а он мне: «Погоди, Алексей, с сыном потолковать нужно». «Уму-разуму поучить?» «Да нет,— отвечает,— хуже». Но пояснять не стал. А выспрашивать, сами понимаете, как я мог?
«Разговор этот был нарушен Сосновским. Но и сам Сосновский пришел говорить. Не поговорил. А потом было уже поздно».
— Зацепка не ничтожная, Алексей Фомич, а характерная. С двумя людьми собирался говорить Калугин. С очень близким и вовсе не близким, но сведущим в законах. Он собрался посоветоваться с Борисом Михайловичем. И с сыном. Знаменательное сочетание. Предположим, Калугин решился довериться обоим. Такое можно объяснить... только так: ему грозило большее, чем разоблачение прошлого. Он знал об угрозе! Но не успел Калугин сказать Валерию?
«Он мог назвать имя предполагаемого убийцы, человека, который заинтересован в тайне Калугина больше, чем он сам. Но если верна эта версия, таким человеком должен быть кто-то немолодой, современник тех, давних лет. Таких двое — Кушнарев и Демьяныч. Оба не ложатся в схему и отдаленно. Кушнареву я верю, Демьяныч Калугина не знал, да и история с ножом в его пользу. Однако если Валерий знает, как объяснить его поведение? Почему молчит? Ждет милицию? Или ничего не знает? А что, если замешан вовсе не пожилой человек? Мало ли тут возможных связей, взаимодействий, последствий?»
— Пойдемте к Валерию, Алексей Фомич!
И тут Кушнарев негромко рассмеялся.
— Иначе я вас представлял, Игорь Николаевич. Логическим, рациональным, не поддающимся увлечениям.

— Разочаровались? Ведь вы за высшую истину — через сто лет. Спешку не одобряете.
— Не обижайтесь, молоды вы еще. Но умны. Пойдите к Валерию, попытайтесь. Верю я в вашу справедливость. А мне идти к нему не хочется. Зачем я там? Уличать, если откажется? Вы и без меня с ним справитесь. Даже лучше без меня, потому что беда эта всех ожесточила, подозрительными сделала. Валерий тоже озлился. Я это чувствую. Сказать я уж все до предела сказал. Не нужен больше. И больно мне будет, если что худшее откроется. Михаил, Игорь Николаевич, дорог мне. На ногах я ему помог удержаться, и заслугу свою в этом вижу. Так не отбирайте ее у меня.
— Хорошо, Алексей Фомич. Схожу сам.
Он запомнил комнату Валерия, хотя и не был в ней, и без труда сориентировался в темном коридоре. Нащупав ручку, Мазин подергал ее сверху вниз. Из комнаты не ответили. Тогда он повернул ручку до предела. Дверь оказалась запертой. Валерий или не желал откликнуться, или отсутствовал.
Кушнарев стоял на пороге.
— Не достучались?
— Нет. Возможно, он в хижине.
— Пойдемте?
— Придется.
— Я с вами.
Мазин удивленно посмотрел, как архитектор натягивает на голову берет.
В холле Игорю Николаевичу показалось, что на дворе еще светло, на самом деле ночь давно наступила. Самозваный снегопад кончился, ветер угнал последние тучи, и луна, скрывавшаяся в горах, появилась над ущельем, огромная, тяжелая, круглая, как перезрелый апельсин, готовый сорваться с пригнувшейся к земле ветки. Она-то и освещала все вокруг.
По голубому скрипучему снегу шагалось легко и быстро. Мазин первым заметил, что дверь хижины открыта. «Жарко ему, что ли? Перетопил, наверно». Но дыма над трубой не было.
— Валерий!— позвал Игорь Николаевич.
Никто не отозвался. Кушнарев смотрел в сторону. Мазин шагнул через порог.
В комнате было пусто. Печь погасла, видимо, недавно. Ощутимо слышался запах дыма, хотя заслонка в трубе была выдвинута до предела. На койке, как и днем, царил хаос — подушка смята, одеяло перекошено. Зато разбитое пулей стекло успели заменить прибитой к раме фанеркой. Мазин перевел взгляд на стол и увидел бутылку с водкой. Рядом стояли два пластмассовых стаканчика, но никакой закуски. Пить не начинали. Тускло мерцала керосиновая лампа.
— Очередная загадка!— развел он руками.— Где же Валерий?
— Стоило зайти к Марине Викторовне.
— Пожалуй. А почему он не потушил лампу?
— Рассеянность, волнение, влияние алкоголя.
— Предположим, хотя бутылка полная. Любопытно, с кем он собирался ее опустошить?
Мазин передвинул по столу стаканчики.
— Вы видели такую примитивную посуду у Калугиных?
— Не приходилось.
— Может быть, Валерий пригласил гостя и побежал на угол за колбасой? Вас не шокирует мой юмор, Алексей Фомич? Мы слишком долго беседовали всерьез.
— С вашего позволения я выйду на воздух. Здесь угарно.
Собственно, Мазину в хижине оставаться тоже было незачем. Не ждать же гостя. Лучше поискать хозяина. У печки стояло ведро со щепками для растопки. Поверх щепок валялась еще одна бутылка, но пустая. Днем ее не было. Игорь Николаевич взял бутылку за горлышко и поднес к носу. Несмотря на насморк, ошибиться было трудно. Водкой несло отчетливо. Пили недавно. Но Мазин не успел оценить новую находку.
— Игорь Николаевич!— послышался голос Кушнарева.— Здесь...
— Иду, Алексей Фомич.
После накаленных разговоров оба стремились быть подчеркнуто вежливыми.
— Обратите внимание!
Кушнарев вытянул руку в сторону реки. От хижины по узкому лугу до самого берега виднелись следы. Они четко выделялись на освещенном луной снегу.
— Вот так открытие!— воскликнул Мазин.
— Интересно?— спросил Кушнарев.
В следах не было ничего криминального, ни капель крови рядом, ни примет того, что владелец рифленых подошв тащил какой-то подозрительный предмет. Поразило Мазина направление следов. Они вели не к тропе и не мимо пруда в сторону дороги, а прямо туда, где луг обрывался над речкой крутым откосом. Игорь Николаевич двинулся рядом, стараясь не затоптать след. Он был далек от скоропалительных предположений, но тревога уже появилась, шевельнулась, засосала в груди. У обрыва он остановился. Следы прерывались, будто человек дальше полетел по воздуху. Но он не мог полететь, он мог только упасть.
Игорь Николаевич наклонился над обрывом. Внизу катилась вода, пенилась, натыкаясь на изогнутый берег, поворачивала и убегала через лес, вниз по ущелью. Она не бурлила, да и было ее гораздо меньше, чем днем, но сейчас, ночью темный поток пугал, отталкивал. Мазин осмотрел берег метр за метром. И не увидел ничего, кроме воды и камней.
Кушнарев тоже пересек луг.
— Куда же он девался?
— Мысли приходят мрачные. Обратного следа нет.
— Сумасшедший парень!
Сосновский тоже считал Валерия способным на отчаянное решение. Если они правы, нужно искать труп. Труп пораженного ужасом, сломленного, убившего себя преступника? Или очередной жертвы?
— Придется спуститься и поискать по течению.
Архитектор покачал головой.
— Не рано ли мы его похоронили, Игорь Николаевич? Человек молодой, полный сил. Задиристый, но не меланхолик. Такие не склонны к самоубийству.
В словах Кушнарева слышалась разумная мысль. Вина Валерия не доказана, и самоубийство не больше чем гипотеза.
— Однако пройтись по речке, не замочив ног, ему не удалось бы.
Мазин еще раз оглядел «пейзаж в лунном свете». Что-то изменилось на втором плане. Со стороны леса двигалась неожиданная фигура.
— О-го-го! Игорь!
— Борис Михайлович,— узнал Кушнарев Сосновского.
— Я ищу тебя по всему поселку,— сказал запыхавшийся Борис.
— А мы ищем Валерия.
— Зачем?
— Чтобы узнать, как он переправляется через горные реки.
Сосновский вытаращил глаза.
— Да он сейчас через собственную кровать не переправится. Набрался, как бегемот.
— Валерий?
— Кто ж еще!
— Где он?
— Дома. В спальне.
— Ты уверен?
— Еще бы. Он обложил меня такой руганью...
— Реальнее, чем мистика со следами,— согласился Мазин с облегчением.
— Какими следами?
— Видишь? Уперлись в обрыв. А мы — в следы.
— На самом берегу снега нет. Он спустился и вернулся берегом.
— Просто, как Колумбово яйцо. Хотя спускаться крутовато, да и зачем?
— Спросишь у этого психа сам. Я с ним больше не имею никакого дела.
— Так обругал?
— Было.
— Через дверь обругал?
— Игорь! Не поддавайся лунному гипнозу. Я видел его, даже пощупать мог, но чересчур несло сивухой. Парень так проспиртовался, что возле него курить опасно. Хоть табличку вешай — «Ноу смокинг!».
— Почему он ушел из хижины? Он был здесь недавно.
— Я знаю. Он сказал...
— Что?
— Полностью процитировать не могу, но, исключив нецензурные выражения, приблизительно так: убирайтесь, прокурор, я не в настроении и сильно пьян. И готов отстаивать свое одиночество вплоть до применения физической силы. В хижине мне... забыл точные слова... Смысл — не нравится. Поэтому он пришел домой, и из спальни его никто не вытащит.
— Ясно. Побеседовать с ним не удастся. Останемся на точке замерзания. Зачем ты искал меня?
— Я беспокоился.
— Борис, я тронут. Предлагаю вернуться маршрутом Валерия. Пройдемте вдоль речки.
Мазин не хитрил, он не собирался осматривать берег. И он не знал, что увидят они всего в ста метрах от места, где оборвались следы, ему и в голову не приходило, кого они увидят.
На отмели под обрывом в напряженной позе изготовившегося к старту бегуна лежал человек. Голова его находилась в реке, шапку снесло, и почти успокоившаяся вода скользила по редко поросшему черепу, а согнутая нога в новом резиновом сапоге ярко блеснула в лунном свете. Другая нога, в носке домашней вязки, зацепилась за выступавший из песка камень.
Секунду или минуту все молчали.
— Демьяныч?— растерянно спросил Сосновский.
Мазин спустился по скользкому склону, придерживаясь за обнаженные, мокрые и холодные корни. Скользкая глина предательски уходила из-под ног, но он не упал. Он подошел к трупу и глянул в его лицо. Действительно, на отмели лежал мертвый пасечник.
Следом скатился Борис и остановился, стряхивая комья грязи с колена.
— Я ошеломлен, Игорь. Кто его сюда?.. Как?
Мазин не ответил. Все, что с трудом выкапывал он из хаотического нагромождения несопоставимых фактов, оказалось ненужным, ошибочным. Он испытывал чувство человека, сбитого с ног неотразимым ударом, хотя и стоял и внешне спокойно рассматривал залитый холодным светом труп, похожий на перевернутую скульптуру спортсмена, какие любили устанавливать в парках культуры двадцать — тридцать лет назад.
«Предположим, он пришел в хижину повидать Валерия. Не застал его... Пошел и бросился в реку? Глупо. Пойти и броситься в реку мог любой, кроме Демьяныча! И бросить в реку могли любого, кроме него! Так ты думал? И вот смотри! Он лежит рядом. Мертвый!»
Игорь Николаевич вобрал глубоко воздух. Нужно было выходить из нокаута. Раз! Два!.. Пять... семь... Пора вставать!
— Сними-ка с него сапог, Борис. Прежде всего нужно установить идентичность следов. Они исчезнут вместе со снегом, как только появится солнце. А труп никуда не денется. Вода падает, да и что мы поймем без экспертизы! Синяки могут быть и от ударов об камни: его несло по течению.
На бледном, застывшем в ледяной воде лице пасечника выделялись темные пятна. След удара был заметен и на затылке, но отчего наступила смерть — от ударов, или старик захлебнулся, или от того и другого вместе, или по третьей, неизвестной причине,— гадать не стоило, требовалась экспертиза. Заняться нужно было тем, что вело к фактам.
Сосновский наклонился и потянул за каблук. Сапог легко скользнул по ноге. Он перевернул его и вылил воду. Стало понятно, почему другая нога оказалась разутой.
— Второй смыло. Сапоги номера на два больше.
— Вижу. Неудачный подарок. Старик это сразу заметил и не захотел примерять при тебе. Помнишь?
— Деликатный был мужик.
Они поднялись на луг. Найдя особенно четкий след, Мазин приложил носок к передней его части и опустил сапог. Подошва совпала с углублением в снегу. Игорь Николаевич надавил, прижимая сапог к земле, потом поднял. След не деформировался. Все углубления совпали с выступами.
— Как в аптеке!— обрадовался Борис.— Это он шел от хижины к обрыву.
Кушнарев наблюдал за ними, скрестив руки на груди.
— А дальше?
— Дальше? Очутился в реке...
— Вот именно, очутился.
— Причины смерти будут установлены, пока же я склоняюсь к самоубийству. Он шел один.
— Демьяныч гораздо меньше, чем Валерий, походил на человека, склонного к самоуничтожению,— сказал Мазин, к которому постепенно возвращались здравый смысл и логика.
— Ты видишь...
— Вспомни рост Демьяныча и сравни со следами. Это же следы бегущего человека! Характернейший нажим на носки.
— Поищем причину.
— Смертельно пьян и ничего не соображал?
— В рот не брал, даже по праздникам.
— И бутылка в хижине полная. Пил, видимо, Валерий один. Второй вариант: сошел с ума. Внезапное помешательство.
— Теоретически не исключено. Отчего? Сознайся, у тебя мелькала мысль, что Демьяныч — убийца?

— Мелькала,— признал Мазин коротко.
— Но ты ее отверг? Он не похож на убийцу.
— На самоубийцу тоже...
— Как могли его убить, если это не самоубийство? Кто-то позвал с берега, старик поспешил туда и получил камнем по голове?
— Масса возражений. Как убийца пробрался на берег, не оставив следов? Как он должен был вопить, чтобы его услышали в хижине! Откуда он знал, что старик там в одиночестве?
— Мы не подумали о несчастном случае.
— Вам пора подумать об отдыхе,— вмешался Кушнарев.— Не пренебрегайте вековой привычкой. Утренние мысли — лучшие мысли.
— Ночь же — время ошибок,— согласился Мазин.
— Что подтверждается статистикой преступлений,— присоединился Борис.— Коллектив всегда прав. Отбой до рассвета?
— Я, пожалуй, останусь здесь,— сказал Мазин неожиданно.
— Здесь?!
— Передремлю в хижине. Подумаю.
— Запрись по крайней мере!
Мазин помахал рукой. Луна скрылась, потемнело, и два силуэта быстро затерялись на фоне леса и гор. Он остался один. Только этого он и хотел, потому что никаких конструктивных мыслей по-прежнему не было. Два человека боролись в Мазине. Один усталый, потерпевший поражение, мечтающий отдохнуть... Самолюбие другого не могло смириться с неудачей. А может быть, не самолюбие, а профессиональное чутье, которое подсказывало, что победа приходит нередко в самую трудную минуту, что вот-вот возникнет второе дыхание и сквозь мучительную бессмыслицу проступят контуры единственно возможной системы? Но где же эта критическая точка?

Нужно было прилечь, успокоиться, сосредоточиться, уснуть, на худой конец. Вместо этого он снова зашагал к реке.

Труп Демьяныча, невзрачного, худощавого старика, склонного к доморощенной философии, в промокших носках, порванных на пятках, лежал теперь в полуметре от воды. Река больше не могла да и не пыталась дотянуться до пасечника, предоставив его полностью людям и закону. Мазин обратил внимание на сжатые в кулаки руки. Одну прикрывала пола расстегнувшейся куртки. Он приподнял ее и увидел кусочек белой ткани между скрюченных пальцев. Это был тот самый, выпачканный краской платок Михаила Калугина, который Мазин захватил в хижине и вернул вечером Валерию.

«Если бы я был суеверным, мне следовало бы выбросить эту тряпку немедленно. Не платок, а эстафета смерти! Калугин вытирал им краски, я сунул в карман после выстрела. Демьяныч сжимал его в агонии. Остается Валерий...»

На этот раз решение было принято неколебимое. Спать! Мазин приоткрыл дверь в хижину и поежился. Из комнаты улетучились последние остатки тепла. Он зажег лампу и присел над печкой. Разжечь ее не составляло труда. Щепки и дрова были заготовлены впрок.

«Разумеется, здесь еще могут обнаружиться интересные вещи. Если милиция со всей техникой поспеет завтра и осмотрит хижину при дневном свете, а не при мерцающей коптилке, в которой догорают последние капли керосина, то...»

Никакой техники не потребовалось. И дневного света тоже. У самого поддувала между поленьями лежал портсигар, старый, без папирос, со сломанной пружиной. Когда Мазин взял его в руки, портсигар раскрылся. Он был недавно вычищен, но в углублениях осталась темная грязь, которая скапливается от долгого пребывания в сыром месте. На серебряной матовой поверхности Игорь Николаевич прочитал:

«Костя! Всегда жду!
Любимый город другу улыбнется, знакомый дом, зеленый сад и нежный взгляд!
Твоя Клава. 14. X. 39».

А ниже надписи были нацарапаны отдельные буквы и цифры. Царапины были повторены несколько раз. Видимо, писавший хотел углубить их, сделать заметнее.

В 137 ссв
КС 54 ююв

Мазин закрыл портсигар. Цифры могли обозначать градусы, если ссв означает север — северо-восток, а ююв — юг — юго-восток. Но что такое В и КС? Водка и коньяк старый? Он усмехнулся и прилег на кровать.

Продолжение следует

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

смена

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 2 (1048)
ЯНВАРЬ
1971

ОТПУСК В ДАГЕЗАНЕ

Павел ШЕСТАКОВ

ПОВЕСТЬ

5. РАДУГА

Ему снилась война. Слышался нарастающий треск пулеметов. Треск усиливался, переходя в грохот орудий и рев моторов. «Сейчас!» — подумал Мазин, изготавливаясь к атаке, и открыл глаза. Он лежал одетый на койке, печь давно погасла, в хижине было холодно, зато в окно врывалось слепящим потоком омытое дождем утреннее солнце. Над ущельями не осталось ни облачка, вершины самодовольно сахарились в синем небе, а рядом с хижиной громыхала зеленая металлическая стрекоза, размахивая свистящим винтом. Потом вертолет подпрыгнул неуклюже и устремился вниз, к лугу, где вместо снега снова зеленела мокрая трава. Дверца машины отворилась, и в проеме появился незнакомый человек в кожаной тужурке, а за ним офицер милиции в кителе и фуражке с высокой тульей.

— Игорь Николаевич! — закричал он и, спрыгнув на землю, побежал навстречу Мазину.

— Волоков! Дмитрий Иванович! Неужто ты? Здравствуй, дорогой!

— Здравия желаю, товарищ...

— Подполковник,— закончил за него Мазин.— По-прежнему на одно звание впереди. Не ожидал тебя тут встретить.

— Нам в Тригорск позвонили из района. Калугин-то — личность заметная, да и вертолета у них нет. Знакомьтесь с товарищами... Капитан из райотдела... А это Глеб, медик наш.

Мазин пожал руки приехавшим.

— Нарушил я ваше курортное времяпрепровождение? Ну ничего, немного разомнетесь.

— После вас-то?

— После меня. Каюсь, пытался разгрызть орешек на общественных началах, да зубы попортил. Положение, майор, серьезное. Пока вас дождались, произошло второе убийство. Думаю, убийство, хотя и другие предположения не исключены.

Волоков присвистнул.

— Про второе девушка не сказала.

Тут только Мазин заметил учительницу. Галина стояла поодаль в брюках и спортивной куртке.

— Галочка! Когда же это вы?

— Ночью вышла. Когда подморозило. Светло было.

— Пришла в райцентр перед утром,— подтвердил майор.— Оттуда сообщили нам, мы забежали по пути, вот и прибыли все вместе.

— Где же Матвей?

— Дома папка,— ответил Коля. Он только что прибежал и во все глаза разглядывал вертолет.

— Кто еще убит, Игорь Николаевич?

— Я хочу сделать официальное заявление. Но без посторонних.

Это сказал не Мазин, а Олег. Журналист подошел, запыхавшись.

Волоков посмотрел на Мазина.

— Можно побеседовать в домике,— предложил тот.

— Вы, конечно, с нами?

— Если Олег не возражает.

— Я не возражаю. Доктор отчасти в курсе. Пусть будет свидетелем.

— Какой доктор? — не понял майор.

— Я не доктор, Олег.

— Тем лучше.

Мазин пропустил вперед Волокова и Олега и задержался, чтобы представить капитану подошедшего Сосновского.

— Борис, покажи, пожалуйста, где лежит Демьяныч.

Когда он вошел в комнату, Олег барабанил пальцами по столу. Заметно было, что он настроен решительно.

— Я буду говорить коротко и самое главное.

— Почему же? — возразил Волоков.— Говорите обо всем, что вас волнует. Главное мы с Игорем Николаевичем отберем.

— Я не волнуюсь. Я журналист. Моя фамилия — Перевозчиков. Но это не моя фамилия. Это фамилия женщины, которая спасла меня во время войны. Мне было несколько месяцев, когда моя мать эвакуировалась из Ленинграда. Она умерла в пути, а я остался у этой деревенской женщины, которую очень уважаю и люблю. Она спасла меня, но ей самой приходилось туго. Я попал в детский дом, окончил школу, получил образование, как видите. Я поставил цель — узнать о своей семье. Но документы затерялись, а Перевозчикова помнила только, что мы из Ленинграда, что маму звали Тася, а отец был летчик. Мама говорила, что он погиб, и называла его Константином.

— Константином? — переспросил Мазин.— А мать?

— Тася,— повторил Олег.— Наверно, Анастасия. Или Таисия.

— Спасибо. Продолжайте, пожалуйста.

Вошел Сосновский и присел в углу.

— Вы понимаете, как мне было трудно. В Ленинграде тысячи людей носят такие имена. О возрасте родителей можно было только догадываться. Маме могло быть и двадцать и тридцать с лишним. Внешний вид ничего не говорил, она же пережила блокаду! С отцом еще сложнее. Двадцать пять или сорок? Лейтенант или полковник?

Искал я долго. Даже в аэрофлотскую газету поступил, чтобы находиться в среде авиаторов. Многие сражались на фронте, у них были друзья, бывшие пилоты. Я искал летчика по имени Константин, погибшего в начале войны, у которого оставались в Ленинграде жена и маленький сын. Однажды командир нашего авиаотряда говорил: «Утверждать, Олег, ничего нельзя, но есть у меня приятель в Батуми... Летом гостил я у него, прошлое вспоминали. Рассказал и твою историю. Он человек горячий, взмахнул руками. «Вай! — кричит.— Это же Калугин Костя, мой лучший друг!»

— Калугин?

Фамилия произвела впечатление на окружающих.

— К Михаилу Михайловичу мой отец никакого отношения не имел. Они однофамильцы.

— И летчик Калугин оказался вашим отцом? — спросил Мазин.

В словах Мазина Олег уловил сомнение.

— Я уверен.

— Мы не спорим с вами. Рассказывайте.

— Теперь о сути дела. Когда я стал расспрашивать командира отряда об отце, он замялся. «Слетай сам попутной машиной в Батуми,— предложил.— Чанишвили лучше знает». Я немедленно полетел. Нашел Чанишвили. Он полковник запаса, встретил меня отлично. Обнял, говорит: «Вылитый отец! Сразу видно: Костин сын!» Но рассказывать не торопится. «Отдохни с дороги, в море выкупайся, вина нашего, грузинского, отведай. Куда спешишь, дорогой!» Выпили мы, он и начинает: «Отец твой, Олег, был настоящий человек. Мы с ним еще на Халхин-Голе с самураев стружку снимали. Он орден Красного Знамени получил, я тоже. Потому, прошу, верь в отца своего, как мы, друзья его, верили. Бывают несчастья хуже, чем смерть в бою...»

Олег замолчал, собираясь с мыслями.

— В чем же заключалось несчастье?

— Отца очернили. Его память. Осенью сорок первого года, в разгар боев, он неожиданно получил приказ срочно вылететь на юг с секретным грузом.

Перед вылетом Чанишвили видел его в последний раз. Отец негодовал, что его, боевого летчика, используют как воздушного извозчика. И вот что важно! Чанишвили спросил, что за груз повезет отец, и тот ответил: «Не знаю».

— Он не вернулся из полета?

— Он погиб. Последняя радиограмма была отсюда. Отец сообщил, что в двигателе неполадки.

— На днях егерь Филипенко нашел в горах остатки разбившегося самолета,— пояснил Мазин Волокову.

— Самолет разбился,— продолжал Олег,— но тогда это не смогли установить, и отца заподозрили в измене. В том, что он перелетел к немцам. Радиограмму сочли обманом, приемом, чтобы отвести подозрения. Работала комиссия, опрашивали и Чанишвили. Он сказал, как и мне, что не верит в предательство отца. Ему сделали внушение. Аргументировали тем, что отец якобы бежал к немцам не с пустыми руками. Чанишвили доказывал, что отец не знал характер груза. Ответили: он мог догадываться. Поиски с воздуха разбитой машины не принесли результата. Официально отец считался пропавшим без вести, но на память его легло пятно.

— Чем доказал Чанишвили, что погибший летчик был вашим отцом? — уточнил Волоков.

— Как чем? Все совпадает! Имя. Он был ленинградец, у него осталась жена с трехмесячным ребенком. Чанишвили писал в Ленинград, ему ответили, что Калугина эвакуировалась, но куда — неизвестно и по месту прописки не вернулась. Это мой отец!

— И вы взялись восстановить его честное имя?

— Я решил найти самолет. Это единственная возможность доказать правоту отца раз и навсегда.

— Вы достигли цели. Поздравляю. Но какое отношение имеет погибший самолет к смерти художника Калугина?

Игорь Николаевич почувствовал, что волнуется. Каким окажется ответ на вопрос, так его занимавший и до сих пор не решенный?

— Калугина убил Матвей Филипенко. Убил, чтобы присвоить золото, находившееся в самолете.

— Вы сделали чрезвычайно важное заявление, товарищ Перевозчиков,— произнес Волоков официально.— Мы ждем ваших пояснений. Откуда вы узнали, что в самолете было золото?

— Мне сказал Чанишвили. После войны он слышал, что золото отправляли в уплату долга союзникам за военные поставки. Через Кавказ и Иран.

— И такой груз не был найден! — поразился Волоков.

— Уверен, что искали формально. Убедили себя, что отец сбежал.

Сосновский поймал взгляд Мазина и подмигнул: «Видал, старик, какой поворот! Где нам было знать!»

Игорь Николаевич кивнул. Но ему хотелось взять Олега за куртку и тряхнуть так, чтобы отлетели подальше эти проклятые очки, через которые парень не видит ничего, кроме самого себя.

— А вы сразу напали на верный след? — продолжал майор.

— На Красную речку меня направил Михаил Михайлович. Я уже рассказывал товарищам. Мы познакомились случайно. Он делал зарисовки в аэропорту. Я заинтересовался его фамилией, подумал, не родственник ли. Оказалось, нет, но

Продолжение. Начало в №№ 22—24 1970 г., № 1 1971 г.

я ему чем-то понравился, он написал мне из Москвы. Я взял письмо с собой.

Олег положил на стол конверт.

Волоков прочитал вслух:

«Милый Олег!

Вашими молитвами Аэрофлот доставил меня домой без повреждений, и я занялся обычными делами, то есть включился в московский ритм вечной спешки, которая часто напоминает бег на месте. Работается в столичной суете трудно, в душе я остался провинциалом и потому, едва распаковав чемодан, мечтаю бежать с этюдником на дачу, в связи с чем у меня возникло одно соображение. Буду рад, если оно вам понравится.

Запала мне ваша история! Я понимаю, что девяносто человек из ста по лености мысли или, напротив, от повышенной трезвости ума отнесутся к вашим намерениям скептически, но я, старый прожектер, на вашей стороне и предлагаю следующее: приезжайте в отпуск ко мне в Дагезан! Места хватит, с моими, я уверен, вы сойдетесь, нам будет веселее, а для вас отличная база поиска. Насколько я понял, трасса полета проходила поблизости. Полазите по горам, потолкуете со старожилами, если и не повезет, в проигрыше не останетесь: горы вливают в человека жизненные силы.

Со своей стороны, прошу одно: ни в коем случае никому (даже из моих близких!) ни слова о том, что я в курсе ваших изысканий. Я достаточно известен, шумиху не переношу, особенно в печати (простите!), и если вас ждет удача, это удача ваша. Таково мое единственное условие. Если оно не покажется вам обременительным, телеграфируйте день приезда. Мы подготовим комнату.

Жду вашего согласия!

Мих. Калугин».

Письмо подтверждало прежний рассказ Олега.

— Однако, Дмитрий Иванович,— сказал Мазин,— у Олега сложилось впечатление...

— Нет! Я проанализировал. Это вы с Кушнаревым наталкивали меня... Калугин не мог знать точного места падения самолета. Он ничего не знал о самолете до разговора со мной.

— Так он сказал?

— Не считайте меня кретином. Я основываюсь на фактах. Да, Калугин рекомендовал мне искать на Красной речке, но он не послал бы туда Филипенко, если бы знал о золоте.

— Как это на вас похоже! — воскликнул Мазин.— Почему же вы не сказали Калугину о золоте?

— Так было правильно.

— Еще бы!

— Надеюсь, вы не подозреваете, что я собирался присвоить золото? Я не мог доверить...

— А он вам доверил. В свой дом пригласил.

— Товарищ майор,— повернулся Олег к Волокову,— мне неизвестны должность и звание Игоря Николаевича, поэтому я прошу вас, как лицо официальное, дать мне возможность закончить свое сообщение. Мне не нравится, когда меня перебивают и обращаются, как с преступником. Повторяю, я не мог доверить дело государственной важности постороннему. Приглашение же на дачу — вопрос сугубо личный.

— Спасибо. Разобрался.— Мазин оставил иронию.— Я не хотел вас обидеть, Олег. И не заподозрил ни в чем нехорошем. Решили вы так: сын вернет золото, которое, как считалось, похищено отцом. Это ваш долг и ваше право?

— Да. Что в этом плохого?

— Чуть-чуть ненужного тщеславия, капля самоуверенности, немного недоверия к людям... Короче, всего понемножку, а результат печальный.

— Можно, конечно, думать и так, но я не согласен, я ни в чем не виноват.

— Виновным вы считаете Филипенко?

— Разумеется. Не зная, что находится в самолете, Калугин направил к озеру Филипенко. Он хотел помочь мне в поиске, хотел, чтобы в окрестностях не осталось белых пятен. Егерь обнаружил машину, но ни слова не сказал о золоте.

— И вы решили, что Матвей присвоил его?

— А что бы подумали вы?

— Я бы принял такую гипотезу в числе других. Ведь золото могли найти и до Филипенко. При падении оно могло оказаться в стороне от самолета и не попасть на глаза Матвею. Однако вы имели основания подозревать.

— Я оказался прав.

Олег поглядел на Мазина со сдержанным торжеством. Тот молчал. Волоков ждал с любопытством.

— Скрывать правду от Калугина больше не имело смысла. Я поделился с ним опасениями. Михаил Михайлович был невероятно поражен, услыхав про золото. Конечно же, он ничего не знал о самолете, его советы были совпадениями — и только! Но он, как и вы, не хотел поверить в вину Филипенко. Это его и погубило. Он рассказал все егерю. Когда я пришел вечером в гостиную, за считанные минуты до смерти, до того, как погас свет, Михаил Михайлович шепнул мне: «Матвей ничего не нашел. Побеседуем попозже, когда гости разойдутся».

— И ваш вывод?

— Единственно возможный. Калугин спросил у егеря, нашел ли он золото. Тот отказался и, воспользовавшись первой же возможностью, убил Калугина.

— А почему не вас?

— Это понятно. Калугин не назвал мою фамилию, и у Матвея сложилось впечатление, что он единственный, кто знает о золоте.

— Резонное предположение. И ножом он ударил?

— Что ему оставалось делать?

— Но как попал к убийце нож, вы не представляете?

— К сожалению... Товарищ майор!..

— Минутку, Олег,— прервал Мазин.— Оставим пока Матвея с разрешения Дмитрия Ивановича. Зачем стреляли в меня и кто, по-вашему?

Олег едва успел заморгать, но Мазин не ждал ответа.

— Не знаете. А что случилось с Демьянычем?

— С пасечником?

— Да. Почему он умер?

— Первый раз слышу.

— Охотно верю. Всему, что вы говорили, верю. Не смотрите на меня, как на противника. Вы сообщили много интересного. Хотя и поторопились. Дмитрий Иванович еще не вошел в обстановку. Ему нужно ознакомиться с фактами, и тогда у него появится необходимость побеседовать с вами подробнее.

— Но мои обвинения против Филипенко вы игнорируете?

— Напротив. Я сопоставил их с тем, что вчера вам удалось проникнуть на Красную речку, и это подтвердило ваши подозрения. Существуют и другие основания, чтобы задержать Матвея,— сказал Мазин, не расшифровывая своей мысли, потому что думал он не только о подмененной пуле.

— Несомненно,— присоединился Сосновский.— Помимо прочего, он незаконно хранит немецкий карабин.

— Возможно сопротивление? — спросил Волоков.

— Если мы не опоздали,— проговорил Мазин.— Я видел его сына возле дома, а окно открыто...

Он не ошибся. В доме Филипенко они застали только рыдающую жену егеря.

— Говорила я ему, извергу,— кричала она взахлеб,— не доведет тебя лихость до добра! Дострелялся, живодер. На кого ж ты нас с дитем бросил?!

— Где ваш муж? — спросил Мазин по возможности мягко.

— В горы побег. Как вертолет прилетел, как увидел Матвей милицию, затрясся весь, а тут Колька бежит: папка, за тобой! Он фуфайку натянул, оленины вяленой напхал в сумку и через речку подался.

— А Николай где?

— В сарае ревет. Боится показаться.

— Ладно. Не расстраивайтесь раньше времени. Борис! Отдай пулю Дмитрию Ивановичу и расскажи о наших похождениях. А мне хочется с мальцом потолковать.

И он пошел через двор к сараю. Там на березовом чурбаке сидел Коля.

Игорь Николаевич провел пальцами по его взбившимся вихрам.

— Ревешь?

— Убью...

— Кого?

— Очкастого. Подстерегу в лесу и убью.

— Этим отцу не поможешь. Навредишь. Самого арестуют.

— Пусть.

— Нельзя, пионер!

— Пусть!

— А я сказал: нельзя. Дело есть.

Коля поднял глаза. Они быстро заплывали слезами.

— Какой ты голубоглазый! Вытрись-ка, возьми платок. Два человека отцу твоему помочь могут — я и ты. Если тебя задержат, мне вдвое труднее станет. Поэтому кровную месть отложи до лучших времен. Сейчас работать нужно. Как думаешь, отец уйдет или поблизости скрываться будет?

Николай нахмурился.

— Нужно мне доверять. Иначе нельзя. А я тебе. Далеко отец?

— Не уйдет он...

— Тогда договор такой, вернее, задание. Не теряя ни минуты, отправляешься на поиски отца. Найдешь, скажешь, пусть не паникует. За то, что натворил, ответить нужно. Лишнего я не допущу. Пусть посидит день-два в лесу. Важно, чтобы ты знал, где. И будь под рукой, чтобы я мог с отцом связаться, когда потребуется. Все запомнил?

— Запомнил.

— Доверяешь? Если нет, можешь отказаться.

Мазин дотронулся до грубо сложенной летней печки.

— Ночью мороз был, а у вас тут тепло.

— Папка топил. Что-то делал в сарае.

— Да... вот еще. Возьми, отдай отцу.

Игорь Николаевич держал в руке гильзу.

— Это... та, да?

— Она. Передай в знак доверия. И возвращайся побыстрее!

Он проводил взглядом мальчика, побежавшего через поляну к речке, и направился в поселок.

— Игорь Николаевич!

Галя шла навстречу, ступая по непросохшей траве мокрыми синими кедами.

— Галочка, вы сегодня хорошо выглядите.

— Благодарю, товарищ подполковник!

— Вы решили обращаться со мной официально? А я-то мечтал побродить с вами по горам, поискать эдельвейсы.

— Попросите вашего друга майора отпустить меня домой. Мама заждалась. Я ж собиралась туда и обратно, а застряла.

— Возможно, вы ему понадобитесь.

— Зачем? Матвея ловить?

— Вы уже знаете?

— А то! Говорят, из-за золота он рехнулся. Двух человек убить, это ж нужно! Психопат несчастный.

— Вы верите в эту историю?

— Так сбежал же он. Был бы не виноват, зачем бежать?

— Мысль ваша, Галочка, только кажется логичной.

— Странно, знаете, что? Вот видишь человека, и в голову тебе не приходит, что видишь его в последний раз. Михаил Михайлович сказал: иду за лампой! И не вернулся... Ужасно это! А вчера возвращаемся мы с Олегом, вечереет, снежок чуть срывается, Демьяныч навстречу. «Здравствуйте,— говорю,—дедушка! Куда собрались на ночь?» А он ласково так, уважительно: «Матвея иду проведать, подарочек есть для него». Сверток под мышкой держит. И ушел... Навсегда.

— Демьяныч направлялся к Филипенко? Что было в свертке?

Галя сморщилась.

— Я вам, Игорь Николаевич, про то, что в душе возникло, рассказываю, а вы сразу на служебный лад переворачиваете. Сухой вы человек. Не знаю я, что в свертке было.

Мазин посмотрел на тучи, утрамбовавшиеся на этот раз не на пути в долину, а сбоку, в понижении между горами.

— Это не наша. Сюда не доберется. Над Красной выльется.

Они проходили мимо пруда. Вертолет стоял на лужайке, но в домике никого не было. На берегу, на откосе, маячила длинная фигура.

— Валерий осматривает место происшествия.

Художник заметил Мазина с Галиной, побежал через луг.

— Док! Постойте! Вы искали меня вчера?

— Доброе утро, Валерий! Я не доктор.

— Если я вам нужен...

— Теперь делом занялись...

— Плевал я на формалистику! Если я вам нужен...

— Может быть, я вам нужен, Валерий?

— Черт с вами! Вы мне нужны! Всегда поворачиваете по-своему.

— Успокойтесь. Я хитрю. Вы мне тоже очень нужны, однако я в двусмысленном положении. Вторжение в сферу чужих полномочий...

— Не будьте служакой! — перебил художник.— Знаю, что вы не доктор, но не представляю вас в мундире. Есть в вас что-то человеческое.

— Спасибо за признание. Что ж... Поговорить стоит. Подождите меня здесь, а? Я провожу Галочку и вернусь.

— Ладно...

Когда Мазин возвратился, Валерий стоял почти там же, только прислонился плечом к сосне.

— Заждались?

— Нет. Нужна вам эта Колдунья! Вы наверняка какую-то цель преследовали.

— Была и мысль. Спросил кое-что у Глеба. Перекинулся парой слов с майором. Но вашего пренебрежения к Гале разделить не могу. В хижину зайдем?

— Нет. Не хочу туда. Лучше на воздухе. Что вы хотели узнать?

— Боюсь, что теперь, после смерти Демьяныча, это не так значительно, чем то, что хочется рассказать вам.

— Мне не хочется. Я себя за шиворот тяну! Только не стройте глубокомысленную рожу, не надувайте щеки, не изображайте гениального сыщика, который все знает! Ни черта вы не знаете и не узнаете, если я вам не скажу. Но я скажу, потому что я идиот!

— Нельзя ли помягче, Валерий?

— Нельзя. Столько лет считать себя умником и вдруг убедиться, что дурак! Такие переходы легко не даются.

— Что это вы ополчились на собственную порядочность? Зачем? Чтобы быть порядочным, требуется мужество. Так в чем же правда?

— В том, что не могу я, не могу вынести, чтобы вместо меня, за мою вину вы упрятали за решетку этого примитивнейшего дикаря, ничтожного живодера Филипенко!

— Он сбежал.

— Потому что идиот. Еще хуже меня. И с карабином наверняка. Пока вы его возьмете, половину перестреляет, и все ему! Вышка!

— Валерий! Вы не из тех людей, на которых после пьянки находят приступы покаяния и самобичевания. Я бы вам посоветовал опохмелиться. В хижине осталась бутылка...

— Да прекратите ж вы под добряка работать! Глотайте кролика с потрохами, с ушками, с хвостиком пушистым. Пусть правда торжествует на земле. Пасечника гнусного я убил, а не Филипенко.

— Попробуйте доказать! — вздохнул Мазин.

— До-ка-зать? — Валерий сжал кулаки.— Не жирно ли будет, товарищ подполковник?

— Не понимаю, чем вы возмущены. Вы что, оваций ждали, букетов? Чем вы хвастаетесь? Какими заслугами? Кровопролитием? Зря! Признанием? Тоже не подвиг, между прочим. Майор Волоков — работник отличный. Если вы виноваты, докопается. Так что признание вам одному нужно. Чтобы на снисхождение и смягчение рассчитывать. Оваций не будет. Букеты за свой счет. Поэтому рассказывайте, что у вас произошло с Демьянычем.

— Произошло! Дал ему по морде — все. Убивать не собирался.

— И он свалился в речку?

— Зачем в речку? На пол.

— Где вы его били?

— В хате. Не бил. Один раз ударил.

— За что?

— Заработал. Затрещина ему причиталась, это факт. А вот больше...

— Тут вы не уверены?

— Не уверен.

— По-вашему, убитый до берега сам добрался?

— Убитый? Смеетесь?

— Кто смеется, Валерий? — Мазин перешел на «ты».— Одно из двух: либо ты убил старика, и тогда он не мог ходить по берегу, либо ты морочишь мне голову. Давай уточнять: что ты сделал после того, как ударил Демьяныча?

— Плюнул и ушел.

— И больше его не видел?

— Сегодня. В белых носках.

— Как же он попал в речку?

— Неужели не понимаете? Он очухался и решил сделать холодную примочку. Пришел на берег, но в голове-то кружилось. Споткнулся.

— И захлебнулся?

— Выпил лишнего.

— Сам виноват, выходит?

— Не знаю, как это по вашему кодексу рассматривать.

— А по твоему как?

— Если б я его не ударил, был бы жив. И Филипенко бы не сбежал.

— Филипенко-то в убийстве твоего отца обвиняют.

— Не может быть! Не убивал он отца.

— И это на себя возьмешь?

— Ну, знаете ли...

— Не воображай себя ни жертвой, ни героем. Как родного я тебя не люблю, но помочь хочу. Насколько это возможно для такого избалованного сумасброда!

— Вы мне насчет старика поверили? Что я ударил и ушел?

— Да.

— Это по-человечески. Службист бы усомнился. Решил бы, что убил, оттащил на берег и бросил: плыви по волнам, нынче здесь — завтра там, до самого синего в мире...

— Оттащил? — заинтересовался Мазин.

— Ну вот, теперь ухватились.

— Не бойся. Следы его, не твои. Но экспертиза, Валерий, утверждает, что пасечник не утонул. В воде он оказался уже мертвым.

— А в самом деле, ну зачем я наговорил вам это? Филипенко пожалел? Ну кто этот Филипенко?

— Человек. Сынишка у него есть.

— Гомо полусапиенс. Черт с ним! Смотрите, Игорь Николаевич, какой дождь на Красной речке льет! А у нас солнце.

— Туман у нас, Валерий. Как в твоей голове. Ведешь себя глупо. Многое у тебя сошлось, перепуталось, когда ты узнал, что на егеря вина пала. Не его ты спасать кинулся! Порядочность тут фундамент, а над ним здание — большое, запутанное, с ходами, переходами, лестницами вниз, вверх, да все внутрь, вглубь, а наружу дверей не видно. Вдруг мелькнуло где-то на четвертом этаже. Ты туда — прыгать решил, а тебе трап подкатывают, как к межконтинентальному лайнеру. Пожалуйте! Ты и обрадовался. Интервью давать собрался. А мне не интервью, мне факты нужны. Все факты. Кое-что сказал — спасибо. Прояснил. Но главный-то нарыв остался. Не вскрыт. Кто отца убил? Говоришь, не егерь? Почему? Олег уверен, что он.

— Олег — самоуверенный болван.

— Всех разругал. А сам?

— Про меня вы уже сказали.

— Правильно сказал?

— Почти. А Филипенко не виноват, точно.

— Кто ж виноват?

— Кушнарев отца убил.

Мазин положил руку на плечо Валерия.

— Ты отдаешь себе отчет в таком обвинении?

— Отдаю.

Валерий сказал серьезно, глядя мимо Мазина, как туча смещается к югу, оставляя над Красной речкой чистое, вымытое небо.

— Доказать можешь?

— Это вы сами... Факты соберете по кирпичику. Зачем вы меня искали вчера?

— Я долго разговаривал с Кушнаревым.

— И он вас охмурил? Слезу пустил? Рассказал, как пострадал невинно?

— Об этом я узнал от Марины Викторовны.

— А что он об отце говорил?

— Он сказал, что Михаил Михайлович сидел в тюрьме.

— Мерзавец.

— Ты знал об этом?

— Узнал. Накануне смерти отца. И понял многое.

— Что он успел тебе рассказать?

— Все.

— И про побег?

— Вы знаете про побег? От Кушнарева?

— Да.

— Тогда он сам себе яму выкопал. Понимаете, что меня сдерживало?

— Догадываюсь.

— Растерялся я. Сообразить не мог, как поступить, что делать. А он решил, что в безопасности, что не знает никто... Что он говорил?

— Калугин скрывал, что был осужден. Он пытался бежать, но неудачно. Получил дополнительный срок. Освободился в годы войны, воевал, но прошлого стыдился и сменил фамилию.

— Не понимаю, зачем ему понадобился такой вариант.

— Вариант?

— Смягченный.

— Валерий, давай присядем на то поваленное дерево.

— Что, в ногах правды нет?

Солнце постепенно прогревало лес, лучи его подсушивали отсыревшие ветки, наполнявшие воздух хвойным ароматом. Мазин достал из кармана портсигар, повертел в руках, постучал пальцем по крышке.

— Я думал, вы не курите,— сказал Валерий.

— Не курю. Эта штука попала ко мне случайно. Портсигар пуст.

И, подтверждая свои слова, Мазин открыл портсигар, показал художнику и снова спрятал в карман.

— Очередной прием? — спросил Валерий.

— Вроде этого.

— Темп сбиваете?

— Если хочешь... Для себя, главным образом. Чтобы без внутренней суеты осознать то, что ты мне скажешь.

— Могу и ничего не сказать.

Мазин посмотрел мягко, заботливо.

— Лучше скажи.

— Ладно. Побег оказался удачным. Наврал мерзавец. Но лучше б такой удачи не было.

— Пожалуй.

— Не понимаете вы! Не в побеге соль. И страшное не это. Человека убили — вот где тайна.

— Кто убил?

— Сволочь эта. Но доказать, что отец непричастен, невозможно. Понимаете? Вдвоем они были, а свидетелей нет.

— Кого убили?

— Не знаю. Не спросил, а отец не успел. Как в бреду все получилось. Представить трудно. У нас так отношения складывались... В общем, виноват в этом я. И консерватором его считал и все прочее. А тут узнал, что не родной. Мальчишеские комплексы одолели. И еще... Но об этом не стоит. Это лишнее. Одно поймите: я его далеким считал, непонимающим, чужим, благополучным, удачливым, самодовольным. Деньги, дача, хвалы газетные, жена молодая... А он совсем другой жизнью жил. И вы поймите, поймите! — Валерий схватил Мазина за рукав и дергал, то притягивая, то отталкивая от себя.— Меня-то он любил! Ценил, уважал, а я ничего не видел. Почему так говорю? Со мной ведь он решил поделиться, мне рассказать! Довериться! Мое мнение ему важным оказалось! То есть подлинным сыном он меня признавал, а не пасынком, не воспитанником, не чужим! А я...

— Спокойнее, Валерий. Хорошо, что ты так говоришь, но спокойнее! Нужно спокойнее!

— Ладно. Отец позвал меня. Ну, я в уверенности, что очередная нотация... И вдруг обухом. «Сын! Хочу, чтоб стал ты моим судьей. Виноват я. Совершил ошибку, осудили меня справедливо, но не выдержал, молодость подвела. Бежал. Думал, повезло, а оказалось... Бежали мы вдвоем, и так получилось, что погиб при этом человек. Клянусь, не я убил. Тот, другой. Запомни и поверь! Не я. Но и я виновен. Не помешал. Не предотвратил. Не спас. Всю жизнь вину эту загладить хотел. В твоих глазах особенно. Что мог, все сделал. Но выхода нет. Жив убийца, и все сначала... Откроется прошлое. Не страшно. Одного боюсь. Чтоб ты не осудил».

Валерий низко опустил голову, так что Мазин не видел его лица, видел один заросший затылок.

— Михаил Михайлович назвал Кушнарева?

— Да.

— Передайте его слова по возможности точно.

— Я хорошо запомнил. Я спросил: «Он тебе угрожает?» Отец кивнул. «Где он?» «Здесь». О ком еще он мог говорить? Кушнарев знал отца много лет. Он сидел в тюрьме. Он жил у нас, ел, спал, брал деньги... Шантажировал.

— Чего же он захотел еще?

— Не знаю. Может быть, ничего. Может быть, у отца истекло терпение. Годы терпения.

— Но имя Кушнарева не прозвучало?

— Как же! Я не договорил. Я подумал о нем и спросил: «Это Кушнарев?» Отец заколебался на мгновение, посмотрел на меня и ответил... Я ручаюсь за точность фразы. Он сказал: «Кушнарев? Не Кушнарев, а Паташон». Понимаете?

— А вы?

— Это ж ясно! Кушнарев — не Кушнарев, а Паташон. Преступник Паташон. Убийца.

— Однако у него убедительная биография.

— Легенда, а не биография. Которая вся шита белыми нитками. Я никогда, никогда не видел и не слыхал, чтобы он занимался архитектурой или даже высказывал свои суждения. Он такой же архитектор, как вы детский врач.

— Кто же он?

— Профессиональный аферист.

— Обычно аферисты не склонны нарушать сто вторую и ближайшие к ней статьи.

— То есть убивать?

— Да.

— Мы же не знаем, кого убили и при каких обстоятельствах. Отец не сказал, не успел. Пришла Марина, потом ваш друг.

— Резонно. Все, что вы сказали, резонно.

— Говорите лучше «ты».

— Можно? Спасибо, Валерий! Видишь ли, дорогой, тебе сейчас события яснее кажутся, чем мне. Ты не заботишься о частностях, набрасываешь картину в современной манере, а я реалист, мне нужно, чтоб на лице каждая морщинка была проработана. Натуралист даже. Тебе Пикассо, а мне Лактионов. Уловил разницу?

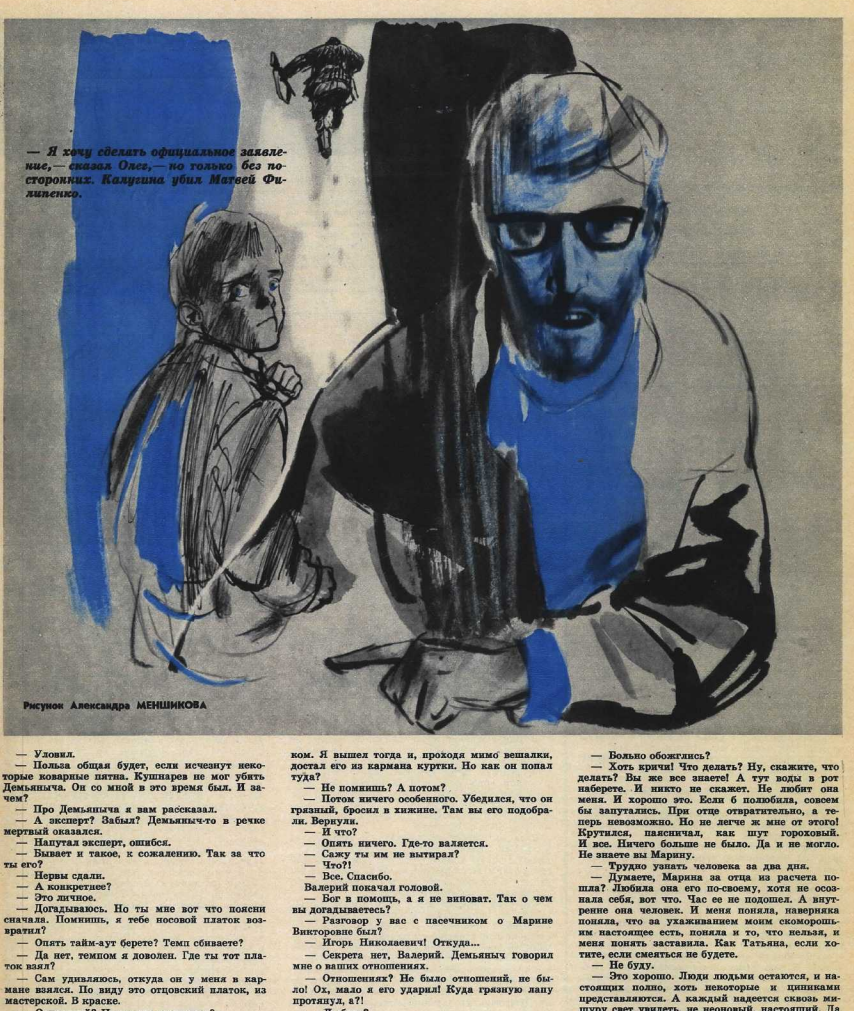


Рисунок Александра МЕНЬШИКОВА

— Уловил.

— Польза общая будет, если исчезнут некоторые коварные пятна. Кушнарев не мог убить Демьяныча. Он со мной в это время был. И зачем?

— Про Демьяныча я вам рассказал.

— А эксперт? Забыл? Демьяныч-то в речке мертвый оказался.

— Напутал эксперт, ошибся.

— Бывает и такое, к сожалению. Так за что ты его?

— Нервы сдали.

— А конкретнее?

— Это личное.

— Догадываюсь. Но ты мне вот что поясни сначала. Помнишь, я тебе носовой платок возвратил?

— Опять тайм-аут берете? Темп сбиваете?

— Да нет, темпом я доволен. Где ты тот платок взял?

— Сам удивляюсь, откуда он у меня в кармане взялся. По виду это отцовский платок, из мастерской. В краске.

— Отцовский? Не ты его выпачкал?

— Нет. Наверно, я захватил его случайно в мастерской. Но хоть убейте, не помню, когда. Да чепуха это! Зачем вам?

— Вспомни, когда ты его в первый раз увидел?

— Что за смысл?

— Будет и смысл, если вспомнишь.

— Я наткнулся на этот платок, когда вы с Сосновским пошли наверх, к отцу. С пасечником. Я вышел тогда и, проходя мимо вешалки, достал его из кармана куртки. Но как он попал туда?

— Не помнишь? А потом?

— Потом ничего особенного. Убедился, что он грязный, бросил в хижине. Там вы его подобрали. Вернули.

— И что?

— Опять ничего. Где-то валяется.

— Сажу ты им не вытирал?

— Что?!

— Все. Спасибо.

Валерий покачал головой.

— Бог в помощь, а я не виноват. Так о чем вы догадываетесь?

— Разговор у вас с пасечником о Марине Викторовне был?

— Игорь Николаевич! Откуда...

— Секрета нет, Валерий. Демьяныч говорил мне о ваших отношениях.

— Отношениях? Не было отношений, не было! Ох, мало я его ударил! Куда грязную лапу протянул, а?!

— Любите?

— Называйте так.

— Не ожидал.

— Почему это?

— Говорят, молодежь упростила эти отношения.

— Упростила? Десять тысяч лет никто упростить не смог, а мы на глазах у вас переиграли? Чушь собачья. Подонки трепются. Впрочем, я сам такой был. Пока не обжегся.

— Больно обожглись?

— Хоть кричи! Что делать? Ну, скажите, что делать? Вы же все знаете! А тут воды в рот наберете. И никто не скажет. Не любит она меня. И хорошо это. Если б полюбила, совсем бы запутались. При отце отвратительно, а теперь невозможно. Но не легче ж мне от этого! Крутился, пасечничал, как шут гороховый. И все. Ничего больше не было. Да и не могло. Не знаете вы Марину.

— Трудно узнать человека за два дня.

— Думаете, Марина за отца из расчета пошла? Любила она его по-своему, хотя не осознала себя, вот что. Час ее не подошел. А внутренне она человек. И меня поняла, наверняка поняла, что за ухаживанием моим скоморошьим настоящее есть, поняла и то, что нельзя, и меня понять заставила. Как Татьяна, если хотите, если смеяться не будете.

— Не буду.

— Это хорошо. Люди людьми остаются, и настоящих полно, хоть некоторые и циниками представляются. А каждый надеется сквозь мишуру свет увидеть, не неоновый, настоящий. Да вы поглядите! Здорово-то как!

Мазин посмотрел туда, куда протянул руку Валерий, и увидел между деревьями взметнувшуюся над ущельем арку. Праздично яркие цвета солнечного спектра, неразъединимо переходя один в другой, перекинулись от хребта к хребту над речкой, лесом, снеговыми пиками, так что вершина радуги трепетала там, где тянулись самолетные трассы, а основания упирались в видимые простым глазом расщелины.

— Хорошая примета,— сказал Мазин.

— Да вы смотрите, смотрите...

И Валерий улыбнулся Мазину, забыв на минуту тревоги, опасения, невеселые раздумья. «После такой улыбки мне придется поверить всему, что он наговорил»,— подумал Игорь Николаевич, дожидаясь, пока художник вернется на грешную землю. И он вернулся.

— Что вам еще хотелось узнать?

И тут Мазин задал вопрос, который возник внезапно не только для Валерия, но и для него самого.

— У тебя есть паспорт?

— Паспорт?

— Ну, пусть не паспорт, любой документ, подтверждающий личность.

— Мои? Вы что...

Валерий, как под гипнозом, вытащил затрепанную книжечку.

— Это удостоверение. Правда, карточка отвалилась.

— Фотографии мне не нужна. Спасибо.

Мазин вернул удостоверение и рассмеялся.

— Я ж говорил, что радуга — хорошая примета. А теперь скажи наконец, за что ты ударил пасечника.

Валерий, сбитый с толку «проверкой документов», не противился.

— Представьте мое состояние. Отец. Марина. Паташон. Все перепуталось. А тут является этот духобор с синухой.

— Водку принес Демьяныч?

— Со стаканчиками.

— Зачем он пришел? Да еще с выпивкой! Он же непьющий.

— Не понимаю. Что-то потребовалось. Предложил выпить. Я отказался. Выпил уже немало и больше пить не хотел. Пил я, чтобы заглушить себя, но напиваться, превращаться в скота не собирался. По главное, не поправился он мне, вел себя нагло.

— Нагло? — удивился Мазин, не представляя деликатного пасечника в подобном состоянии.

— Не хамил, разумеется, открыто, но внутренне как-то нахальничал. Развалился, наследил ботинками.

— Какими ботинками?

— Отвратительными, грязными ботинками.

— Тебе не померещились они спьяну? — Мазин поднялся, отмахиваясь от комаров.— На мертвом Демьяныче были сапоги, резиновые сапоги, которые принес ему Борис Михайлович.

— Не мог же я так упиться! У меня память на детали. Я же все-таки художник...

— Оставим пока... Итак, старик раздражал тебя?

— Действовал на нервы. Вытащил бутылку, не сомневаясь, что я стану пить. Дальше — больше. Слушаю и ушам не верю. Заговорил о Марине.

Валерий замолчал.

— Что именно?

— Что-то гнусное, хотя и елейное. Я ударил. Он лязгнул зубами и... и все!

— Все так все. От удара по лицу он умереть не мог. Как дальше жить будет, Валерий?

— В пустыню удалюсь. Подобно древним отшельникам. Если в тюрьму не посадите.

— Боишься?

— Боюсь. Когда признаться решил, не боялся. А теперь неохота.

— Ну, друг, досматривай радугу, а меня, я вижу, один молодой человек спешит о чем-то проинформировать.

И Мазин двинулся, обходя встречные деревья, туда, где, неторопливо перебирая ногами, стоял Коля Филиненко.

— Нашел отца?

— Нашел. Верит он вам, Игорь Николаевич.

— А ты веришь?

— Ага...

— Тогда ответь мне честно, Николай. Что нашел отец возле разбитого самолета? Вы же там вместе были?

— Да ничего мы там, Игорь Николаевич, не нашли. И дядя Миша меня расспрашивал. Про ящик какой-то. Я ему сказал: кроме портсигара, ничего мы не нашли. Честное пионерское!

— Этого портсигара?

— Ага... Его папка дяде Мише отдал. Сразу, как пришли.

— У отца Калугин тоже спрашивал?

— Не... У меня. И предупредил: «Об нашем разговоре, Николай, отцу ни говори! Ему обидно будет».

Над удольем блекла, размываясь синевой, радуга.

Окончание следует.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

смена

№ 3 ФЕВРАЛЬ 1971

Павел ШЕСТАКОВ

ПОВЕСТЬ

ОТПУСК В ДАГЕЗАНЕ

6. ПОЛДЕНЬ

Поздно вечером Мазин зашел к Волокову и, осведомившись, как идут дела, сказал:

— Возможно, я смогу помочь вам, Дмитрий Иванович. Но сначала нужно побывать на Красной речке.

— А он не сбежит, Игорь Николаевич?

— Нет. Скажи своим ребятам, пусть спят спокойно. А Глебу персональная благодарность. Он мне помог.

Потом Мазин вернулся домой и долго беседовал с Сосновским.

— Кажется, это — единственное решение, Борис? Или я увлекся?

— Не сомневаюсь, что ты прав.

И все-таки почти до рассвета он не мог заснуть...

Вертолет летел на Красную речку.

Его черная тень, бегущая впереди, уменьшилась. Летчик набрал высоту, чтобы пройти над плоской вершиной одной из двух гор, взметнувшихся над долиной крутыми, осыпающимися, голыми склонами. Рядом с машиной появился распластавшийся в воздушном потоке орел! Он смотрел на шумливую, брюхатую, с вытянутым хвостом птицу подозрительно, недобро. Проводил немного и, накренившись, ушел, легко спланировав вниз, к озеру, которое, как и говорил Мазину Коля, синело среди льда оттаявшими полыньями. Тень от вертолета пересекла озеро и заметалась в теснине. Машина начала снижаться. С одной стороны Мазин увидел узенькую, рвущуюся на выступах ленточку водопада, с другой — надвинулись коричневатые камни. Он понял, что это и есть «красные» скалы.

Человек в гимнастерке ждал их внизу. На шее у него висел карабин. Признав старшим среди прилетевших Волокова, егерь подошел и потянул через голову ремень.

— Добровольно сдаюсь на решение правосудия,— произнес он заранее, видимо, заготовленную фразу и, оглянувшись на Мазина, добавил: — Вины за собой никакой не имею!

После этого Матвей положил карабин на землю.

— Вы Филипенко?

— Так точно, товарищ майор. Разрешите заявить, никакого золота тут и в помине не было. Самолет же вон там находится, а летчика прах, то есть что осталось, поблизости. Все как было, ничего не трогал.

— Посмотрим.

Они пошли цепочкой: рядом с Матвеем Олег, за ним следователь из прокуратуры, потом Волоков и в хвосте капитан с Глебом. Валерий остался с Мазиным.

— Почему Паташона не арестовали?

— Не весь материал собран.

— Здесь-то что искать? И зачем вы меня притащили? Забил вам Олег голову несуществующим золотом! Горючее зря извели!

— Милиция обязана проверять такие заявления.

— Я-то зачем?

— Ты мне сейчас поможешь. Борис, дай ему компас.

Сосновский вынул круглую коробочку, Валерий с недоумением покрутил ее перед глазами.

— Ты можешь определить направление север — северо-восток?

Художник подержал компас на ладони, дожидаясь, пока успокоится стрелка.

— Сюда?

— Сюда. Отправляйся к водопаду и отмеряй от подножия ровно сто тридцать семь шагов на север — северо-восток.

— Повинуюсь, потому что абсурдно.

Пока он вышагивал по дну теснины, Сосновский заметил:

— Если это не шаги, а метры, возможно расхождение.

— Вряд ли у него была рулетка.

— Эй!— закричал художник.— Что дальше?

— Стой на месте.

Мазин подошел к Валерию, взял компас и направился к красной скале. Оттуда он отсчитал пятьдесят четыре шага и вернулся почти на то же место, где ждал художник. Речка здесь срывалась с уступа небольшим водопадиком, под ним виднелось углубление, куда не проникал поток. В углублении зеленели мхом камни.

Мазин присел на корточки.

— Неужели вы думаете, что там внизу золото? — спросил Валерий присмиревшим, изменившимся тоном.

— Не уверен.

— Я спущусь,— предложил Валерий.

— Поосторожнее. Не поскользнись.

Художник двумя прыжками соскочил вниз и, прижавшись к откосу, протиснулся в углубление, не задев потока. Сверху была видна его спина и затылок с растрепавшимися волосами.

— Есть!

Он повернулся в волнении, и вода хлестнула его по лицу.

— Что?

— Ящик железный, вроде тех, в которых возят кинофильмы.

— Ты можешь вытащить его?

— Попробую.

Валерий дернул за ящик и отскочил, снова попав под водопад.

— Он легкий!

— Оставь ящик и вылезай. Нужно дождаться товарищей, как положено.

Валерий растирал по лицу брызги.

— Что ж произошло, Игорь Николаевич?

— Что понял, расскажу...

Они сидели на широком брезенте, который летчик вытащил из машины. Посредине Мазин положил испачканный носовой платок, портсигар и почерневшие, обожженные в печи подковки с ботинок.

— Передаю вам, Дмитрий Иванович,— сказал он.

— Вот вам еще,— буркнул Филипенко и бросил на брезент гильзу.— А пуля в пруду, Игорь Николаевич.

— Нож я передал вчера,— заключил перечень Сосновский.

Мазин отодвинул гильзу немного в сторону.

— Не знаю, как начать... В плане поиска или шире? Попробую, как получится. Завершилась трагедия, растянувшаяся на много лет. Случай облек ее в драматическую форму, так что разгадка непонятного выдвинулась на первый план. Но все тайны рано или поздно раскрываются, силлогизмы уступают место раздумьям, проблемы криминалистические сменяются нравственными, человеческими... Впрочем, я собираюсь держаться в рамках фактов.

Был паренек. Талантливый паренек. Он еще не знал, что талантлив. Так случается нередко, особенно в молодости. Люди склонны переоценивать свои возможности, но бывает и наоборот: их не замечают. Он совершил ошибку и поплатился за нее строго. Закон для всех одинаков, однако сами мы разные, и время течет для нас по-разному, особенно за решеткой. В семнадцать лет оно может показаться бесконечным. Три года для заматерелого преступника — семечки, для Михаила Калугина (я буду называть его так) — вечность.

Он пытался бежать, и срок увеличился. Да, Валерий, Михаила Калугина поймали.— Мазин повернулся к художнику, собравшемуся возразить.— Кушнарев не обманул меня. И тебе отец сказал правду. Но Кушнарев сказал о первом побеге, а Михаил Михайлович имел в виду второй. Он спешил и говорил только о главном.

Срок увеличился... Теперь ему и конца не было. Парня охватило отчаяние. Поставьте себя на его место, и вы поймете! Я не оправдываю Калугина. Он совершил уже две ошибки, и обе с точки зрения закона были преступлениями. Закон действовал неотвратимо, но справедливо. Однако ему, человеку предельно эмоциональному, положение представляется безнадежным...

И он совершает третью ошибку. Ошибку, за которую придется поплатиться жизнью... Не скоро. Впереди еще четверть века. А пока возникает мысль снова бежать. И тут, к счастью, как показалось Михаилу, и к большой беде на самом деле, находится человек, который берется ему помочь. У этого человека, несмотря на сравнительно молодой возраст, уже много имен, но самое популярное из них Паташон.

Безобидная кличка... Не Акула, не Удав. Шутовская кличка. Представляешь мелкорослого человечка, склонного к юмору, любителя посмешить. Тогда еще помнили забавный персонаж из немого кино. Но мне приходилось замечать, что из таких невзрачных шутов вырастают самые коварные и злобные «удавы» и «акулы» не по кличке, а по сущности. Может быть, на них сказывается характер пути в «высшие круги» преступного мира.

С чего обычно начинает Акула? Он первый парень в своем квартале, его боятся, его девочки любят, он щедр, не скопидомничает, он по-своему великодушен. Нарушает закон он сначала из озорства, из безнаказанности, от небольшого ума, по нашему недосмотру, а потом уж обнаруживает, что забрался далеко, что путь назад труден. К трудностям же он не приучен. И появляется злоба. Увы, не на себя, а на окружающих, на жизнь, которая «подвела». Ведь начиналось все так хорошо, весело, лихо, а что вышло? И вот затерялся, растворился бесшабашный парень. Он уже Акула. Акула не озорует на улице. Он там дела делает. И подбирает нужный человеческий материал. Из младших. Которыми можно помыкать, затягивать и посмеиваться: «Развяжи-ка мне ботинки, Паташон», «Постой на стреме, Паташон», «Пролезь в это окошко, тебе, худому, удобно!»

Почему же Паташон расшнуровывает ботинки, бегает за папиросами и в конце концов лезет в окошко? Ему выгодно. Мальчик не тянется к учению, но любит поскоморошничать, скорчить рожу, передразнить, подметив чужую слабость. Его выходкам смеются, но с ним не дружат. Он одинок среди сверстников. Прибавьте, что и дома несладко: скорее всего безотцовщина, малокультурная, вечно занятая, раздражительная мать.

И вдруг все меняется. Замухрышку больше нельзя трогать. Потому что дело не ограничится ответной затрещиной за обиду или насмешку. Грозят

Окончание. Начало в №№ 22—24, 1970 г., №№ 1, 2, 1971 г.

неприятности покрупнее. Он и сам поражен. Те, кто вчера издевался, сегодня его боятся. Удав или Акула уступили частицу своего могущества. И он увидел, что бойкие классные заводилы не меньшие трусы, чем был он сам. Помимо прочего, это открытие не способствует правильному восприятию жизни. Создается обманчивая, но правдоподобная модель. Сила в руках сильного. Это западает. На всю жизнь. А так как физической силы Паташону не хватает, он оттачивает изворотливость. Ему нравится не прощать обиды, метить тем, кто считает себя сильным. В нем нет великодушия. Он готов при случае унизиться, но он ничего не забывает. Это опасный преступник.

Я думаю, что именно такой человек встретился в колонии с Калугиным. Он там не в первый раз, он постиг тюремную науку, и сроки его особенно не пугают. Далеко в прошлом остался школьник-замухрышка. Паташон — вор в законе, его обслуживают, ему угождают. Его боятся. Теперь уже его самого. И не без оснований. Хотя внешне он не так страшен. И комплекция не та, и шутки-прибаутки не забыты. Некоторые недалекие работники даже считают Паташона не худшим заключенным. Он не бузит, не режется бритвой, не устраивает демонстраций. Не работает, правда, но на то он и вор в законе. Однако отбывать срок ему больше не хочется. Началась война, армия отступает, ему мерещится анархия, жестокая вольница, безначалие, мерещится «его время». Так соединяются несовместимые интересы не только разных, но полярно противоположных людей. Возникает кратковременный трагический альянс. Им «везет».

О подробностях побега приходится догадываться. Однако детали несущественны. Можно предположить, что Паташон, у которого были связи в уголовной среде в Закавказье, выдвинул план пробираться на юг через горы. Край в этой стороне безлюдный, а перевалы доступны. Чем соблазнился Калугин, не знаю. Скорее всего Паташон пообещал достать ему документы, без которых невозможно было попасть в армию, а именно на фронте, как показало будущее, стремился смыть вину Михаил Калугин.

Теперь о самолете. Летчик Константин Калугин выполнял важное задание. Ему был доверен ответственный груз. Но не золото.

Олег вскочил.

— Это тоже предположение?

— Нет, это факт, Олег. Груз, который вез Константин Калугин, рядом с вами. Ящик находится в нише под водопадом.

С волнением металлическую коробку подняли и поставили на брезент. Открыть ее удалось не без труда. Всем хотелось поскорее взглянуть на содержимое. Наконец Волоков откинул крышку.

— Бумаги.— И, отделив клочок слипшегося, почти уничтоженного временем и природой листа, добавил: — Разобрать, что это, на глаз невозможно.

— Может быть, техническая документация эвакуированного предприятия? Чертежи оборонного объекта или военной продукции? — предположил Сосновский.

— Я думал о чем-то подобном,— сказал Мазин.— Если золото и возили в Иран, о чем мне неизвестно, то не из прифронтовой зоны. Не знаю, как возникла эта легенда, но не в этом дело.

Олег выглядел потесненным с позиции, однако не разбитым.

— Кто же, по-вашему, спрятал ящик? Откуда вы узнали о тайнике?

Мазин подвинул в его сторону портсигар.

— Бумаги спрятал Константин Калугин. Теперь ясно, что он не разбился вместе с машиной, а выпрыгнул с парашютом. Он понимал, что металлический закупоренный ящик не будет уничтожен, что он может уцелеть. И летчик, спасая груз, извлек его из-под обломков и спрятал в надежном месте. Он сделал все, что мог. Унести ящик с собой было нельзя. Хотя в нем и не золото, он достаточно тяжел для путешествия по тропам и перевалам. Укрыв груз, Константин Калугин нацарапал на портсигаре координаты. Почему не на бумаге? Наверно, побоялся довериться ненадежному материалу. Ведь предстоял путь через реки, снег, и мало ли что еще ждало его!

— Как попал к вам портсигар? — спросил Олег.

— Об этом я скажу немного погодя. Вы посмотрели его? Мне больно разочаровывать вас, Олег. Но летчик Калугин не был вашим отцом.

— Не считаю вопрос доказанным. Имя женщины...

— Клавдия, а не Анастасия.

— Женщина, которая спасла меня, могла спутать имя матери!

— Но ваша мать умерла и похоронена в деревне, где вы остались. А жена летчика Калугина прожила еще двадцать лет.

Мазин смотрел теперь не на Олега, он смотрел на Валерия. И тот не мог оторвать глаз от подполковника.

— Зачем вы смотрели мое удостоверение? — спросил он с трудом.

— Ты уже догадался. Мне нужно было узнать твое отчество. Что ты знаешь об отце?

— Я считал, что он бросил маму.

— Нет. Его убил Паташон. Для матери же он пропал без вести, а возможно, и хуже — дезертировал, бежал. Не осуждай ее за слабость. Молодая женщина с ребенком осталась одна, тянутся нескончаемо трудные военные дни. И вдруг случайно (так ей кажется) Клавдия Федоровна знакомится с демобилизованным солдатом, студентом. Он учится в Москве, собирается стать художником, в Казань приехал на короткое время, однако заинтересовался ею, пишет, помогает. Какая женщина отнесется равнодушно к таким знакам внимания, особенно когда — будем откровенны — мужчин стало гораздо меньше?

Между тем молодой художник предлагает ей выйти за него замуж. Чем еще можно объяснить его поведение, кроме настоящей любви? И любовь находит отклик. Ведь пять лет прошло, как исчез Константин Калугин. Война кончилась, надежды на его возвращение угасли... Мы все верим в людей, нам больно обманываться в них, но требовать от Клавдии Федоровны безграничной верности памяти мужа, требовать отречения от жизни ради памяти было бы несправедливо. Особенно потому, что ей и в голову не могло прийти, что привело к ней Михаила. Еще не Калугина...

На каждый поступок обычно влияет большой комплекс соображений. Думаю, очень многое повлияло и на решение Михаила Михайловича. Но уверен, в основу легла потребность загладить вину. Какую? — спросите вы и особенно ты, Валерий. Я, как и ты, убежден: будущий художник Калугин не убивал летчика Калугина. Верю и его словам и всей его остальной, прожитой с того дня жизни. Однако существует еще криминалистическая наука, и, я надеюсь, найдутся доказательства, и неопровержимые.

Вина, которую испытывал Михаил Михайлович, была глубже, чем сознание того, что он не уберег летчика, стал невольным пособником его гибели. Мне кажется, что случай этот подвел итог, завершил цепь ошибок, начавшихся с того ужасного дня, когда согласился он охранять приятелей-преступников, грабивших киоск или ларек. И тогда, когда пришло впервые решение бежать, был он виноват. И когда пытался броситься под поезд, и когда бежал наконец «удачно»...

Поступки его, конечно, разные, и рассматривать их следует по-разному, но было в них и общее: с каждой ошибкой росла вина перед жизнью, перед людьми, перед самим собой, суживалась дорожка, впереди становилось темнее, мрачнее. И тут вспышка — смерть летчика!

Зачем убил его Паташон? Чтобы завладеть пистолетом или избавиться от лишнего свидетеля, на которого неожиданно наткнулись в пути? Во всяком случае, груз был спрятан до встречи, и не он послужил причиной убийства. О грузе беглецы и не подозревали... Но убийство наверняка было подлым, зверским. И оно ошеломило парня. Наконец-то он понял, куда ведут неверные тропки.

Не знаю, как расстались они с Паташоном. Его последующие похождения еще придется проследить, но ясно, что пути его с Михаилом разошлись круто. К большому сожалению, не навсегда.

О дальнейших событиях судить легче. Испытавший глубокое потрясение юноша добрался до фронта и не щадил там жизни. На гимнастерке появились орденские ленточки. Он пролил кровь, он имел основания считать, что расплатился сполна за преступление, совершенное по мальчишескому недомыслию. Но прийти и рассказать правду он не решился.

Да и внешней необходимости в этом не было. После бесконечных неудач пришла полоса везения. А когда начинает везти, то везет во всем. Даже там, где сначала удачи не замечаешь. Михаил Михайлович жил и воевал под доставшейся ему по случаю фамилией. Неблагозвучной фамилией. Вы знаете ее, Валерий?

— Да.

— Марина Викторовна тоже знала. Эта фамилия сохранилась в старых документах. Нарочно фамилию Дураков не выберешь. И не только по эстетическим соображениям. Она режет слух, привлекает внимание, запоминается. Значит, выбора не было, пришлось воспользоваться тем, что подворачивалось под руку. Как это произошло, пока неизвестно, но каким образом Михаил Михайлович избавился от неприятной, постоянно грозящей разоблачением фамилии, я знаю, как знали и в его семье, не подозревая об истинной причине перемены.

Многие ли мужчины принимают фамилии своих жен? Единицы. Если кто и решится, то не от хорошей жизни. Нужны убедительные основания, чтобы такая замена показалась окружающим оправданной, не вызвала подозрений. Но что может быть естественнее, чем желание молодого художника сменить фамилию Дураков? Каково читать на афише «Выставка Дуракова»? Какой повод для шуток! А люди искусства самолюбивы. И жена это понимает. Правда, фамилия Калугин принадлежит первому мужу, но зато и сыну! И это почти усыновление.

Так появляется художник Калугин. Везения здесь больше, чем расчета. Да и расчет не шкурнический. Вина перед погибшим летчиком, перед его сыном, стремление расплатиться за ошибки, начать новую жизнь, в семье, по-настоящему — все это просматривается очевидно.

Мне кажется, я понимаю этого человека и его поступки. Даже то, что, привязавшись к тебе, Валерий, он не пошел на формальное усыновление. Думаю, что он не считал себя вправе лишить тебя отца, вычеркнуть его из твоей жизни. Единственный в семье, он знал правду, знал, что Константин Калугин — жертва обстоятельств и злой воли. И он не мог обокрасть убитого и оболганного человека. Полагаю не без оснований, что Михаил Михайлович собирался раскрыть тебе правду.

Ложь давила на него, отравляла радости и успехи. Он мирился с ней в надежде, что придет час, когда он восстановит справедливость, сможет довериться тебе, Валерий. Но как это было трудно! Как воспримет правду Клавдия Федоровна? Поверит ли до конца? Не заподозрит ли его самого в убийстве Константина? А сам ты, Валерий?

Калугин бесповоротно осудил первую часть своей жизни, но во второй ему было чем гордиться. Успех он завоевал трудом и талантом, завоевал заслуженно. В семье он поступал так, как казалось ему единственно правильным. Годами складывалась уверенность, обретался смысл существования. И все это нужно было отдать на суд тебе, Валерий, человеку незрелому, не пережившему столько, сколько пережил он, многого не понимающему. Однако иного пути не было. Калугин уклонился от суда государственного, но не мог полностью довериться и суду собственному. Лишь ты имел в его глазах право на суд. Не юридическое, но по-своему неоспоримое. Потому что ты был сыном Константина Калугина.

Однако вернемся к фактам. Не зря считают, что мир тесен. Работая над картиной о летчиках (не случайно, наверно!), Калугин познакомился с Олегом Перевозчиковым, который разыскивал отца, погибшего якобы при известных нам обстоятельствах. Еще раз уточняю, Олег! Вы не сказали о золоте?

— Нет.

— Это в вашем характере, но не думаю, что это его лучшая черта.

Олег провел пальцами по бороде.

— На первый взгляд Михаилу Михайловичу снова повезло. Судите сами! Видимо, он рассуждал так: Олег заблуждается, пусть же он найдет самолет. Правда о летчике Калугине вскроется, позорное пятно будет смыто. Валерий узнает об отце все... кроме того, что отчим был недобрым свидетелем его последних минут. Таким образом откроется правда только необходимая. По счету будет выплачено, тайна же умрет на этот раз навсегда. И Михаил Михайлович после колебаний, не сразу, а письмом приглашает Олега в Дагезан, выдвинув условие...

— Довольно хитро придумано,— сказал Олег.

— Нет. Калугин не был хитрецом. Скорее, он был человеком слабовольным, склонным к решениям, которые напрашивались сами, лежали на поверхности. Он постоянно опасался противопоставлять себя обстоятельствам. Даже когда бежал... Его тяготила ложь, но он предпочитал оставаться на грани полуправды. Полуправда и привела его к гибели. Но не вам упрекать его, Олег! Вы тоже скрыли то, что считали истиной! А две полуправды — это уже ложь, та ложь, которая и определила ход трагических обстоятельств.

Олег подергал бороду, но возражать не стал.

— Калугин старается, чтобы вы не тратили время впустую. Когда выяснилось, что проникнуть в теснину затруднительно, он посылает сюда Мат-

вел,— верное доказательство, что о грузе он не подозревал. Зато вас, Олег, это взволновало сверх меры.

— Мне важно было найти золото и вернуть его государству.

— Знаю. Поэтому вы и решились с большим опозданием довериться Калугину. Как он воспринял ваше сообщение?

— Он был поражен.

— Наверно, сообщение ваше не только изумило, но и обрадовало Калугина? Ведь узнай он о том, что в машине ценности, тогда, в сорок первом, судьба его могла сложиться совсем иначе, соблазн был бы слишком велик. Помогая вам, он не предполагал, что делает дело уже не личное, а государственное. Он поверил вам и одновременно поверил в то, что Матвей не видел никакого золота. Вам он поверил, потому что знал, что летчик не погиб в машине, а спустился с парашютом и успел побывать на месте катастрофы. Следовательно, он мог спрятать груз. Где? Ключ к разгадке лежал в кармане Калугина. Об этом я узнал от Коли.

Егерь подвинулся поближе.

— Это вы про портсигар, Игорь Николаевич?

— Да. Когда ты отдал его Калугину?

— Сразу, Игорь Николаевич, как вернулись мы с Колькой, я сперва к Михал Михалычу зашел. Говорю, так и так, лавина, значит, мостом тут легла, и пройти можно, хоть и трудно, а там самолет, здесь, значит, и скелет лежит, а в кармане у него, значит, где карман был, эта штука. И его подрал малость.

— Ты прочитал надпись в портсигаре?

— А то как же! Клава, значит, ему подарила. И еще буквы там. Я подумал, обыкновенные ориентиры, не подумал, что здесь...

— Ясно. Что сказал тебе Михаил Михайлович?

— Говорит, оставь, Матвей, мне покамест, потому что парень этот с бородой тут ищет, и в газету писать хочет, и про тебя, про меня, значит, напишет, но потом, а пока все не нашли, не нужно говорить, чтоб не помешать сбору материала, что ли...

— И ты больше никому о портсигаре не сказал?

— После — нет.

— Разрешите спросить мне,— вмешался Олег.— Когда Калугин сообщил тебе о золоте?

— В жизни никогда не говорил.

— Это напрасная ложь! Он спросил: нашел ли ты золото в самолете?

— В жизни не спрашивал. Не сойти мне с места.

Мазин остановил спор.

— Успокойтесь! Калугин спрашивал о находке у Николая, который ходил сюда вместе с отцом. Он здесь не говорил вам, Олег, что беседовал с Матвеем. Он сказал только, что Филипенко золота не брал. Ведь Матвей вряд ли отдал бы портсигар, если бы понимал, что значат нацарапанные там цифры.

— Это наивно! Не понимаю, зачем вам так упорно выгораживать Филипенко? Предположим, он отдал портсигар. Но с мальчиком-то разговор был! Или вы думаете, что сын ничего...

— Ерунда, Олег! — нетерпеливо поднялся Валерий.— Оставь Матвея в покое. И так намудрил. Протри очки и успокойся.

— Не горячись, Валерий,— предостерег Мазин.

— Извините, Игорь Николаевич! Спасибо, что вы этот клубок распутали. Мне трудней всех пришлось. Не умещается, что рядом мой отец лежит. Страшно встать и подойти. Но не сомневаюсь, что мысли и жизнь Михаила Михайловича были такими, как вы рассказали. Все это я видел, чувствовал, но не знал... Вы же понимаете... Он тоже мне отцом был. И я от него не отрекусь. Но почему вы про того, кто дважды отца убил, молчите? У вас система, доказательства... я понимаю... Но мерзавец ускользнуть может!

— Нет, Валерий. Он умер.

— Умер?! Я видел его, когда садился в вертолет.

— Ты видел Кушнарева, а не Паташона. Это разные люди. Так и сказал тебе Михаил Михайлович. А ты не понял, решил, что Паташон скрывается под личиной Кушнарева.

— Неужели же?..

— Именно так, Паташон — Демьяныч. Остальные его клички и имена уточнит Дмитрий Иванович.

— Но его ж убили... Неужели я?

— Нет. Однако можешь считать, что ты с ним расквитался. Больше того, удар этот, я полагаю, спас твою собственную жизнь. Постараюсь аргументировать... Олег пояснил, как Михаил Михайлович узнал о спрятанном грузе. Но как узнал о нем Паташон? Сам он сказал мне, что они встретились на базаре в Тригорске. Художник Калугин и... пасечник Демьяныч. Между прочим, самые отчаянные, беспощадные преступники старательно пекутся к старости о своем здоровье. Может быть, они понимают, что это, собственно, чудо — то, что они дожили до старости, и стремятся продлить его по возможности. Паташон же бесшабашностью никогда не отличался, а здоровьем похвалиться не мог. Поэтому его обращение к природе не так уж загадочно. Объяснима и склонность к домашней философии. По-своему и он пытался осмыслить прожитое, хотя и не увидел в жизни ничего, кроме «мудрой беспощадности», как он мне доверительно сообщил. Так или иначе, старость пришла, он дряхлел, возможно, ему казалось, что и в самом деле с мирской суетой покончено, завозился с пчелками не без пользы — и доход и медок целебный...

Обманчивая тишина! Такой человек не способен измениться. Без малого полвека преступной жизни не ошибка молодости. Да и вряд ли Паташон сожалел о прошлом. Он не стал другим, он только растерял зубы. На беду, не все.

Калугин, очевидно, не сразу узнал Паташона. Это не удивительно. Не виделись они десятилетия, а знали друг друга недолго да и выглядели в то время по-другому. У Паташона же память оказалась лучше. Сказалась волчья закалка, вечно в бегах, раздумывать некогда, и врага и своего узнавать с ходу нужно, а то головы не сносить! Однако и он сомневался. И если б Калугин по широте характера не пригласил пасечника в Дагезан, возможно б, и обошлось...

Но возникли контакты, появилось время присмотреться. И Паташон убедился — он! Что же делать? Умнее было бы отойти от греха подальше. Нет! Не та он личность. Жажда поживиться и не только поживиться — покуражиться, помучительствовать, испытать садистское наслаждение, поиздеваться над беспомощным, попавшим в капкан человеком — вот что подмывало Паташона. И тактику он выбрал подлую: объявляться не открыто,

— Теперь ясно, что он не разбился вместе с машиной, а выпрыгнул с парашютом...

Рисунок Александра МЕНШИКОВА

а постепенно, намеками, я или не я, сам догадайся, а покою не будет и пощады тоже не будет.

Калугин мрачнел, но надеялся, как свойственно надеяться в самом безвыходном положении. И тут — золото! Понимаете, что это слово для Паташона значило? Это не деньги, бумажки, которые он шантажом выудить собирался. Это сам смысл его жизни, символ, если хотите. Так определились пружины действия. Помножьте золотой мираж на злобу, на ненависть к Калугину, которому, с точки зрения Паташона, в жизни несправедливо «повезло», на страх, возникавший по мере того, как приоткрывалась история гибели летчика, представьте психологию и опыт профессионального преступника, и вам станут понятны и решимость этого хилого на вид старичка, и его неожиданная энергия, и, скажем прямо, недюжинная смекалка, которая долго сбивала меня с толку. Впрочем, на каждый ловкий ход приходилась и обязательная ошибка, пусть малозаметная, но неизбежная. Это закономерность.

Как узнал он о золоте? Я не могу ответить на этот вопрос без вашей помощи, Олег.

Что-то переменилось в Олеге. Он не воспринял вопрос Мазина, как очередную нападку.

— Не исключено, что он подслушал мой разговор с Михаилом Михайловичем. Помните, мы ехали вместе в машине, когда я узнал от Гали, что самолет найден? Я с ней зашел к Матвею.

— Было,— кивнул егерь.

— От тебя я направился прямо к Калугину. Он сам открыл мне. Я сказал, что нужно поговорить по важному делу. Он предложил выслушать меня во дворе.

— Не пригласил в дом? — уточнил Мазин.

— Да. Теперь понятно. У дома был привязан к дереву ишак. И Калугин говорил тихо. А я волновался. Кажется, мы стояли недалеко от открытого окна. Но около гаража.

— В гараже есть внутренний выход,— сказал Сосновский.

— Да, Паташон разговаривал с Калугиным в холле, а увидев меня, наверно, спустился в гараж и подслушивал, стоя у окна. Но как я мог предположить?

— Согласен,— смягчился Мазин.— Хорошо, что этот факт прояснился. В последние дни Паташон наверняка следил за каждым шагом Калугина. Не спускал с него глаз и одновременно поспевал за всеми, кто так или иначе соприкасался с самолетом. Не исключая тебя, Матвей.

— Виноват, Игорь Николаевич.

— Договаривай, что не успел. Повинную голову меч не сечет.

— Перехватил он меня, гад, когда я с Красной речки вернулся. Иду, значит, к Михал Михалычу, а он, зараза ласковая, на ишаке трусит. «Здравствуй, Матвей,— гундосит.— Откуда идешь, куда?» Короче, растрепал я ему и портсигар показал. Щупал он его, щупал, отдал.

— Это произошло до разговора с Калугиным?

— Ну да. А потом я, дурак, еще хуже сморозил. Зашел к нему и ляпнул: «Ты, Демьяныч, о портсигаре помалкивай покуда. Михал Михалычу я его передал».

— Важная деталь, Матвей,— сказал Мазин.— Новая для меня. Итак, Паташон в результате слежки собрал обширную информацию, и час от часу она приобретала для него характер угрожающий. Провел он почти всех. Мы с Борисом Михайловичем, увы, не исключение. Сидя в нашем домике, он узнал, что Калугин собирается говорить с Сосновским, с юристом, и хотя разговор не состоялся, медлить невозможно. Калугин решился...

Но и Паташон решился. Прогремел выстрел. Дерзко, неожиданно и удачливо. Подробности не так важны. Возможно, поднимаясь в мансарду, он и не спланировал все в деталях. Возможно, пытался запугать художника, вынудить его отказаться от признания... Наверно, Михаил Михайлович остался тверд, наверно, не сообразил, что гром покроет грохот выстрела, да и не верилось ему, наверно, в такое, много лет прожил он в другом, человеческом мире...

Обманчивая удача пришла к Паташону. Выскользнул из гостиной и вернулся он незаметно. Потом по желанию Марины Викторовны отправился в мастерскую, «обнаружил» мертвого и позвал нас с Сосновским. Когда подозрение пало фактически на каждого, Демьяныч выглядел светлее других. Но преступник неизбежно находится в состоянии опасения. Он склонен переоценивать, преувеличивать опасность и стремится всеми средствами увеличить, расширить подлинную или мнимую безопасность.

И тут-то перед Паташоном возникла уникальная возможность заполучить первосортное психологическое алиби. Он слышит предложение Бориса Михайловича объявить, что Калугин жив, и предпринимает ход, я бы сказал, незаурядный. «Убить» художника вторично! Кто станет подозревать человека, знавшего, что Калугин мертв? Паташон воспользовался ножом, который считал твоим, Валерий. Это новая возможность отвести подозрения, расширить зону безопасности! Как же раздобыл он нож?

— Кажется, я догадался,— сказал журналист и просунул палец в дырку в кармане джинсов.— Валерий открыл бутылку и вернул нож, а я сунул его не в специальный узкий карманчик, а в большой, дырявый. В суматохе после известия о ранении хозяина я не заметил, как нож выскользнул и упал на медвежью шкуру, на которой стоял стул. При слабом свете свечей подобрать его незаметно не составляло труда.

Мазин кивнул.

— Верно. Мне следовало получше рассмотреть вашу одежду, Олег, и вспомнить, кто где сидел. Паташон снова поднялся на мансарду, пока мы с Борисом Михайловичем замешкались на почте.

Ход этот ввел меня в заблуждение, хотя что-то и чувствовалось в нем нарочитое, искусственное, фальшивое. Но ощущение было смутным. Усиливалось постепенно. До самой смерти Демьяныч маячил у меня на втором плане. Смерть его, как ни парадоксально, перетряхнув хаос фактов, сгруппировала их в систему. Казалось бы, именно смерть должна была стать главным алиби для безобидного пасечника, твердо вписав его в графу «жертва», а не «преступник», но еще до смерти Паташон накопил столько доказательств невиновности и непричастности к событиям, что гибель «Демьяныча» выглядела абсолютно необъяснимой... если только не поставить под сомнение все эти «доказательства».

И я пошел назад. Начал анализировать не улики, а алиби и прочие сопутствующие обстоятельства. Не сразу и не без поражений пробирался я через факты. Так было, например, со следами на снегу. Первое впечатление — пасечник бежал, спешил. Эта версия вела в тупик. Выручил меня ты, Валерий. Ты вспомнил, что он приходил не в сапогах...

— Но кто ж убил его, Игорь Николаевич?

— Сейчас разберемся. Сначала выясним, как он очутился в реке, потому что наш медик Глеб прав: Паташон попал в воду мертвым. Когда ты сказал, что Демьяныч пришел в ботинках, я вспомнил его слова о сапогах. Он говорил, что сапоги оказались велики и он собирается уступить их Матвею.

— Игорь Николаевич! — прервал Филипенко.

— Погоди, Матвей. Дойдет очередь. Картина резко изменилась. Следы не принадлежали больше маленькому бегущему человечку. Они были оставлены высоким, идущим обычным шагом человеком, который нес нечто тяжелое, отчего и вдавливал снег носками.

— Точно, Игорь Николаевич, но не я ж...— прервал егерь.

— Не ты. А чьи это подковы? — Мазин показал на обгоревшие кусочки металла на брезенте.— Откуда они?

— В летней печи нашли?

— Там. Сын твой подсказал. Когда тебе пришло в голову сменить обувь?

— Да как донес его до речки, обернулся, а след остался, как пропечатанный. Ну, думаю, что делать? Тут меня и ударило: никто ж не видал, как он мне сапоги эти проклятые приволок. А на нем видали. Расшнуровал я ботинки, а сапоги вместо них натянул.

— Без портянок?

— Не до портянок было.

— Как же тебе удалось надеть ботинки на два номера меньшие?

— Да на кой ляд они мне сдались!

Мазин расхохотался.

— Это меня и убедило. Ты ж единственный человек, который мог уйти вброд босиком по ледяной воде. Валерий бы не решился.

— Я привычный.

— Но ты замечаешь, Матвей, что факты не в твою пользу?

— А то нет! Потому и сбежал. Ну да вы же разобрались.

— Еще не совсем. Что ты сделал, когда вошел в хижину?

— Трубу открыл.

— Отлично! — обрадовался Мазин.

— На заслонке его отпечатки пальцев,— подтвердил Глеб.

— Что это значит? — спросил Валерий.

— Это значит, что Паташон умер от угара, и когда Филипенко, войдя в хижину, увидел его мертвым, он открыл заслонку.

— Точно, Игорь Николаевич. Толкнул я дверь, а из домика угаром бьет. На полу гад этот скорчился, синяк под глазом. Тронул я его — мертвый по первому сорту. «Что за беда!— думаю.— Ведь если кто видал, как я шел к хате, а луна какая стояла, вы ж помните, опять на меня подумают. И пуля, и карабин, и тут еще — докажи, что не верблюд, попробуй!» Аж плакать захотелось. Но слезами-то горю не поможешь, сами понимаете. Один выход — спровадить мертвяка в речку. Никто и не поймет, куда девался. Высунулся я, огляделся: вроде тихо. Взвалил его на плечи — мать родная! След остается. Ну, про след сказал я. Кинул его в воду и побрел с ботинками. Думал, унесет, а его, заразу, прибило.

— Ботинки принес и в печку?

— Куда ж еще? Подбросишь где — найдутся. Закапывать охоты не было, да и снег, а печка топилась как раз.

— Но кто задвинул заслонку? — напомнил Валерий.

— Сейчас поймешь. Зачем, Матвей, ты пришел в хижину?

— Валерия повидать хотел.

— После разговора с Демьянычем?

— Ага. Когда он мне сапоги принес. Не понял я его тогда, что он за намеки делал. Смутно говорили. И пугал и обещал что-то вроде бы.

— Я объясню, Матвей, чего он добивался. И как нашел собственную смерть... Я говорил, что смерть пасечника стала переломным моментом в моем поиске. До него внимание мое было сосредоточено почти целиком на личности Калугина. Узнать удалось немало и от Марины Викторовны и от Кушнарева. Все больше я убеждался, что корни конфликта затерялись в прошлом, что находка самолета всколыхнула какие-то неизвестные силы, действующие беспощадно и динамично. Гильза, которую вы видите, свидетельствовала особенно наглядно, что сила эта не укрощена. И вдруг она обрушивается на безобидного пасечника!

Старика убили... Вначале я подумал так. Но зачем, если он ни в чем не замешан? А вдруг замешан? Он принес в хижину бутылку водки, хотя сам не пил. Принес ночью. Очевидно, для срочных, не совсем обычных, требующих «смазки» затруднительных переговоров. Это не похоже на поведение человека незаинтересованного, незамешанного. Судя по всему, шел он к Валерию, а улики падают на Матвея. Да еще какие! Насколько голубым казался пасечник, настолько мрачно выглядел Филипенко. Настолько мрачно, что возникали сомнения. Что за всеобщее злодейство! Убить Калугина, покушаться на меня, утопить пасечника! Между тем в истории с пулей Матвей показался мне не хладнокровным и изощренным, а прямолинейным и наивным. И еще на меня действовала ничем, кроме нормального, человеческого, сыновнего чувства, неподтвержденная убежденность мальчика в невиновности отца. Он на меня надеялся. Не хотелось его подвести!

Итак, я двинулся назад. В этой ретроспекции было одно, самое неприятное для меня звено: я не мог понять, с какой целью в меня стреляли. Мы с Борисом Михайловичем поддались соблазну смелой, но не украшающей нас гипотезы: что-то я проморгал, а противник считает, что, наоборот, он у меня в руках. Гипотеза оправдалась? Но как? Противник действительно гонялся за решающей уликой, но не за мной, хотя предмет его погони побывал и в моих руках, буквально у меня под носом.

Вот платок, которым я вытирал нос и морщился от непривычного запаха. В воде и на морозе запах смягчился, почти исчез, но происхождение его очевидно: Михаил Михайлович привык вытирать платками краску, заменял тряпку, если не находил ее под рукой. Мы же с тобой, Валерий, едва не лишились из-за него жизни. Когда я это понял, я понял все.

Ты не мог вспомнить, как попал к тебе платок. Предположил, что захватил его в мастерской. Это неверно. Из мастерской платок вынес Паташон, не предполагая, что он станет причиной того страха и даже паники, которая сопровождала преступника все оставшиеся часы жизни и толкала на новые преступления и ошибки. А в конечном счете привела к гибели.

Мазин развернул платок.

— Вы видите следы краски, пятна сажи и не так заметные, но, несом-

ненно, маслянистые полосы. Это ружейная смазка. Паташон затирал платком отпечатки пальцев. Ружьем Калугин, как известно, пользовался редко, и оно было обильно смазано. Протерев после выстрела ствол и приклад, убийца сунул платок в карман куртки. В отличие от портсигара, который он положил в брюки. Спустившись, он или позабыл о платке, или вполне резонно предположил, что в карманы заглядывать не будут. Так или иначе, Паташон повесил куртку в прихожей, но упустил маленькую деталь.

— Я понял, Игорь Николаевич! — прервал Валерий.— Его куртка висела рядом с моей. Куртки-то, как две капли. Я полез за платком, взял его и позабыл... Ведь тут сказано о смерти сразу. Не до платка было.

— Но ты наверняка доставал его! А Паташон это видел. Нетрудно представить его состояние. Ему известно, что отец говорил с Валерием. Что он успел сказать? Валерий вытащил из его кармана важнейшую улику. Разве такое может быть случайным? Наконец, Валерий не скрывал от посетника всю неприязнь. Инстинктивную. Но откуда ему было знать истоки неприязни? Правда, Валерий медлит, не действует. Но что на уме у этого неуравновешенного парня? И как поведет он себя, когда появится милиция? Нет, милиции дожидаться нельзя. Нужно действовать! Новое убийство задумано тоже хитро, однако и удачные замыслы не всегда осуществляются как по маслу, а тем более два подряд. Решено было застрелить Валерия из карабина Филипенко, оставить на месте выстрела гильзу и отвести опасность еще дальше, запутать нового человека. Я сказал — застрелить Валерия, и в этом-то и заключалась разгадка непонятного. Паташон охотился не за мной! Хижина, где ты обычно околачивался, и ослабевшее стариковское зрение — вот что определило ошибку.

Матвей, разумеется, был смущен. Сначала старик завез ему карабин с невинейшим видом. А это у него получалось: старость и хилость Паташон использовал на хорошем актерском уровне. Коля прибегает: стреляли! Нервы у тебя сдали, Матвей. Начудил с пулей.

— Точно, Игорь Николаевич,— согласился егерь радостно.

— Но сын тебя и тут выручил. В уничтожительной для меня форме, правда. Николай заявил ответственно: «Мой папка бы не промахнулся!» Как ты на этот счет, Матвей?

— Да наврял, Игорь Николаевич.

Все засмеялись.

— Ишь, гад, какую он сеть на меня запустил! Он, значит, убивать будет, а меня в тюрьму?

— Возможно, тебе грозило кое-что и похуже. Планы Паташона на этот счет были обширнее и хитрее. Из чего он исходил? В самолете было золото, но его не нашли. И не найдут, раз Калугин мертв, а портсигар захвачен. Следовательно, нужно выждать, пока уляжется шум, и забрать все спокойненько. Но как? На ишаке сюда не доберешься, пешком и Олег спохватился. Ее для Паташона эта коровка. А Матвей может. Вот ему то кнут, то пряник. Запугал, и сапоги следом. Понимай, мол, с каким человеком дело имеешь! Нужен ты ему был, Матвей, чтобы пробраться сюда за золотом.

— Не сказал он, Игорь Николаевич, ко намекал, точно. «Выгодное дело знаю, за меня держись, не пропадешь...» Такое плел.

— Ну что ж, ждал он тебя, договаться нетрудно. Делиться и оставлять свидетеля было не в правилах Паташона. Однако вернемся к Валерию. Замысел преступника не удался. Возможности свои он переоценил: глаза уже не те, да и руки. В меня не попал как следует. Между тем отведенное ему время истекало. Погода улучшилась. И хотя Паташон при любой возможности намекал на твою «вину», Валерий, подтвердить ее могло лишь «самоубийство» или по крайней мере несчастный случай, похожий на самоубийство запутавшегося, мучимого совестью пьяного человека.

И вот с бутылкой и двумя пластмассовыми стаканчиками в кармане Паташон идет к тебе, Валерий. По пути занес сапоги Матвею, закрепил начатую интригу, запомнил еще одно полулибо: если кто и обратит внимание на его ночные перемещения, он был у Филипенко. Нельзя отказать этому мерзавцу в умении запутывать следы. Повстречались Олег с Галиной: «Куда, дедушка?» «К Матвею». Складно! Но не знал он, что трудится впустую, что никакого золота не существует, что безнадежно и окончательно забудился он в своем порождением безумным переплетением страха и жадности фантастическом мире. Нет, я не считаю его сумасшедшим. По-своему он был нормален, и остаться жив, отвести бы перед судом без скидок. Но с точки зрения человеческой, естественной, гуманной говорить о «нормальности» поведения Паташона не приходится. Его приходится только опасаться. Однако ты был далек от этой мысли, Валерий...

— Мне было противно.

— И ты отказался пить самогон?

— Самогон?

— Да. В бутылке была не водка, а спирт. Градусов семьдесят с гаком. Хлебнув стопку такого пойла, ты уже, будучи пьяным, наверняка свалился бы с ног. Что и требовалось. Печь догорала, набитая угольями...

Валерий с силой хлопнул себя ладонью по лбу.

— Я знаю, когда он прикрыл трубу. Я выходил...

— Теперь ясно. Потому что при тебе закрыть заслонку было все-таки рискованно.

— Я выходил. Появление этой мерзкой рожи подействовало на меня отвратительно, но хотелось сообразить, зачем он явился. Я вышел и простер лицо снегом.

— А он тем временем задвинул заслонку. И взял носовой платок.

— Платок валялся.

— Паташон использовал его в последний раз. Это был практичный человек. И он не собирался оставлять отпечатки пальцев на заслонке. Вот откуда сажа на платке. Когда ты вернулся, он не успел его спрятать, сжал только в кулаке.

— И заюлил: «Оставлю тебе водочку, Валера, сам я нельзя. Пойду, если сердишься...» Я ему: «Забери бутылку!» Он: «Как хочешь, а напрасно пренебрегешь стариком... Ну и намекнул, сказал гадость... Вы знаете. Ударил я его. Но убивать не хотел.

— Ты и не убил. От такого удара не умирают. Но, падая, он ушибся затылком о спинку кровати и потерял сознание. Этого оказалось достаточно. Угар начал действовать.

Вот мы все вместе и разобрались. Буду рад, если мои наблюдения пригодятся следствию.